

ISSN 2949-5121 (PRINT)
ISSN 2949-5148 (ONLINE)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ



2025 № 1

- Влияние трансгуманизма на социум: перспективы и последствия
- Человек в эпоху цифровизации: специфика экзистенции и коммуникации
- Формирование новой социальной реальности (гуманизм vs искусственный интеллект)



ISSN 2949-5121 (print)

2025 / № 1

ISSN 2949-5148 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Философские науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Современные философские исследования» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Contemporary Philosophical Research” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2949-5121 (print)

2025 / № 1

ISSN 2949-5148 (online)

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL RESEARCH

Учредитель журнала «Современные философские исследования»
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. — д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Евстифеева Е. А. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. — д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. — д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет им. М. Тореза;

Курабцев В. Л. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Микосиба М. — д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Синенко В. Я. — д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. — д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

Рецензируемый научный журнал «Современные философские исследования» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Современные философские исследования» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс журнала «Современные философские исследования» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philosmgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Современные философские исследования. — 2025. — № 1. — 108 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philosmgou.ru

**Founder of the journal "Contemporary Philosophical Research":
Federal State University of Education**

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytischki Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philology, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Contemporary Philosophical Research" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Contemporary Philosophical Research" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of "Contemporary Philosophical Research" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philosmgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Contemporary Philosophical Research. – 2025. – No. 1. – 108 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

sites: www.philosmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Мирошкин М. С. Маргинальность животного начала в экономике человеческого бытия: историко-философский анализ 6

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Бадеева Е. А., Кириллов Г. М., Бадеев В. А. Философская оптика: наследие Рене Декарта и Исаака Ньютона 22

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Бондарева Я. В., Жаворонкова Г. А. Формирование новой социальной реальности (гуманизм vs искусственный интеллект) 33

Зубов В. В., Филиппов А. Р. Политическая философия нацизма и банковская система Третьего рейха: финансы и экспансия 40

Курабцев В. Л. Два не-противоположных народа 55

Тимофеев А. В. Человек в эпоху цифровизации: специфика экзистенции и коммуникации 64

Филиппченко А. Д., Фридман М. Ф. Философские основания формирования экологического сознания 75

Чикаева Т. А. Взгляды Алексея Степановича Хомякова как предпосылка к формированию современной концепции Родины и патриотизма 85

Юсупов Р. Р. Сознание правового гражданина 94

Яровая Е. В. Влияние трансгуманизма на социум. Перспективы и последствия 101

CONTENTS

HISTORY OF PHILISOPHY

M. Miroshkin. Marginality of the Animal Nature in the Economy of Human Existence: Historical and Philosophical Analysis..... 6

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

E. Badeeva, G. Kirillov, V. Badeev. Philosophical Optics: the Legacy of Rene Descartes and Isaac Newton 22

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Ya. Bondareva, G. Zhavoronkova. The Formation of a New Social Reality (Humanism vs Artificial Intelligence)..... 33

V. Zubov, A. Filippov. Political Philosophy of Nazism and the Banking System of the Third Reich: Finance and Expansion. 40

V. Kurabtsev. Two Non-Opposite Peoples 55

A. Timofeev. Human in the Age of Digitalization: The Specifics of Existence and Communication 64

A. Filipchenko, M. Fridman. Philosophical Foundations for the Formation of Ecological Consciousness..... 75

T. Chikaeva. The Views of Alexei Stepanovich Khomyakov as a Prerequisite for the Formation of a Modern Concept of the Motherland and Patriotism 85

R. Yusupov. Conscience of a Law-Abiding Citizen..... 94

E. Iarovaia. The Impact of Transhumanism on Society. Prospects and Consequences..... 101

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 14

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-6-21

МАРГИНАЛЬНОСТЬ ЖИВОТНОГО НАЧАЛА В ЭКОНОМИКЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Мирошкин М. С.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва,

Российская Федерация

e-mail: mirmaker23@mail.ru

Поступила в редакцию 06.11.2024

После доработки 12.11.2024

Принята к публикации 25.11.2024

Аннотация

Цель. Раскрытие смысла проблемы обезценивающего отношения человека к своему животному началу, сконцентрированному в его собственном теле, через его восприятие как Другого, в результате проведения историко-философского анализа концепций Ж. Симондона, Ж. Батая и М. Фуко.

Процедура и методы. Используются философско-антропологические и историко-философские подходы наряду со сравнительным, диалектическим и герменевтическим методами, позволяющие не классически проанализировать и системно переосмыслить специфику проблемных отношений человека со своим животным бытием для поиска путей полноценного обеспечения их гармонично упорядоченного единства.

Результаты. По итогам проведённого исследования было выявлено, что глубинное противоречие между человеком и животным возникает в сложном динамическом процессе экономических взаимоотношений, при котором тело человека становится центральным источником возникновения насилия и распространения репрессивного характера связей в силу того, что оно не соответствует капиталистически идеализированному процессу самоопределения, из-за чего его животное начало подвергается обезцениванию и восприятию в качестве маргинального Другого, вытесненного в бессознательное измерение. Поэтому в теории индивидуации Ж. Симондона началом возникновения противоречий между ними является онтологический дуализм, основанный на субстанциональном подходе, в котором человек как индивид рассматривается в приоритете над животным, которое, в свою очередь, осмысляется в качестве его архаического пережитка. Симондон обосновывает индивидуацию в качестве трансиндивидуального процесса трансдукции, в котором и животное, и человек являются взаимодополняющими фазами единого оживотворённого, и таким образом эволюционирующего в своей целостности бытия. В концепции Ж. Батая животное обладает сакраментальной значимостью для человека через его собственное тело, именно поэтому он является религиозно-эротичным существом, обнажающим своё перед ним поклонение через трансгрессивный опыт самоопределения в процессе преодоления различных правил, норм, законов и запретов, господствующих при капиталистической форме организации экономической жизнедеятельности. В концепции М. Фуко животное, проявляющееся в бессознательной форме в человеческом теле, подвергается насильственному отношению посредством дисциплинарных практик анонимного в символической форме контроля и принуждения, образующих таким образом в экономической жизнедеятельности явление биовласти,

сводящей всё человеческое в человеке к нечеловеческому Другому, с которым он ведёт непримиримую борьбу через самого себя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Особенность теоретической и практической составляющей данного исследования состоит главным образом в междисциплинарном подходе, позволившем сформулировать проблему животного как бессознательного Другого, в рамках проведённого историко-философского анализа концепций Ж. Симондона, Ж. Батая и М. Фуко. Данное исследование позволяет расширить экономико-философские горизонты в перспективе более глубокого рассмотрения и осмысления процессов кризисного самоопределения человека на основе складывающихся проблемных отношений с собственным телом, олицетворяющим его животного двойника. Результаты данного исследования также могут быть использованы в качестве материала для проведения лекционных и семинарских занятий в рамках университетских курсов по истории философии, философской антропологии, а также в прикладной области теоретического психоанализа.

Ключевые слова: бессознательное, биовласть, гетеротопия, Другой, жертва, капитал, сакральное, тело, человек, эпистема

Для цитирования:

Мирошкин М. С. Маргинальность животного начала в экономике человеческого бытия: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 6–21. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-6-21>

Original research article

MARGINALITY OF THE ANIMAL NATURE IN THE ECONOMY OF HUMAN EXISTENCE: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

M. Miroshkin

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
e-mail: mirmaker23@mail.ru

Received by the editorial office 06.11.2024

Revised by the author 12.11.2024

Accepted for publication 25.11.2024

Abstract

Aim. To disclose the meaning of the problem of a person's devaluing attitude towards his animal nature, concentrated in his own body, through his perception as the Other, as a result of a historical and philosophical analysis of the concepts of J. Simondon, J. Bataille and M. Foucault.

Methodology. Philosophical-anthropological and historical-philosophical approaches are used along with comparative, dialectical and hermeneutical methods, which allow us to non-classically analyze and systematically rethink the specifics of the problematic relationship between man and his animal being in order to find ways to fully ensure their harmoniously ordered unity.

Results. According to the results of the study, it was revealed that the deep contradiction between human and animal arises in a complex dynamic process of economic relations, in which the human body becomes the central source of violence and the spread of repressive relations due to the fact that it does not correspond to the capitalistically idealized process of self-determination, which is why its animal origin is devalued and perceived as the marginal Other, pushed into an unconscious dimension. Therefore, in J. Simondon's theory of individuation, the beginning of contradictions between them is an ontological dualism based on a substantial approach in which a person as an individual is considered in priority over an animal, which in turn is understood as its archaic relic. Simondon justifies individuation as a transindividual process of transduction, in which both animal and human are complementary phases of a single,

animated, and thus evolving being in its integrity. In J. Bataille's concept, an animal has a sacramental significance for a person through his own body, which is why he is a religiously erotic being who exposes his worship to him through a transgressive experience of self-determination in the process of overcoming various rules, norms, laws and prohibitions prevailing under the capitalist form of organization of economic life. In the concept of M. Foucault's animal, which manifests itself in an unconscious form in the human body, is subjected to violent treatment through disciplinary practices of anonymous control and coercion in a symbolic form, thus forming in economic life the phenomenon of bio-power, reducing everything human in man to the non-human Other, with whom he conducts an irreconcilable struggle through himself.

Research implications. The peculiarity of the theoretical and practical component of this study consists mainly in the interdisciplinary approach, which made it possible to formulate the problem of an animal as an unconscious Other, within the framework of the historical and philosophical analysis of the concepts of J. Simondon, J. Bataille and M. Foucault. This study allows us to expand economic and philosophical horizons in the perspective of a deeper consideration and understanding of the processes of crisis self-determination of a person based on the emerging problematic relationship with his own body, personifying his animal counterpart. Also, the results of this research can be used as material for lectures and seminars within the framework of university courses on the history of philosophy, philosophical anthropology, as well as in the applied field of theoretical psychoanalysis.

Keywords: unconscious, biopower, heterotopia, Other, victim, capital, sacred, body, man, episteme

For citation:

Miroshkin M. S. (2025). Marginality of the Animal Nature in the Economy of Human Existence: Historical and Philosophical Analysis. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, pp. 6–21. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-6-21>

Введение

Тема животного начала в качестве фундаментально определяющей всё существование человека проблемы является наиболее остро осознаваемой в контексте исторически произошедших в необратимом порядке трансформаций, связанных с формированием экономического миропонимания бытия как такового во всей его безгранично неопределённой первозданности, дающей всему жизнь. Претензии на достижение статуса всемогущественного господства человека над дарующим ему жизнь бытием в его оживотворённой форме не увенчались чаемым им успехом в силу осознания собственной конечности, а лишь сформировали представление о нём как об угрожающей существованию стихии, отношения с которой возможны в исключительно антагонистическом порядке экономических практик утилитарного и коммодифицированного характера. В связи с этим представление о животном измерении человеческого бытия выстраивается в диссоциативной форме его восприятия,

при котором сама животная часть, имеющая телесные очертания, обретает образ Другого, не соответствующий ожиданиям в желании отделиться от него во вневременное пространство созданной в дискурсивных практиках идеализированной конструкции иллюзорно вечного «Я», через которое символически выстраивается многоуровневая программа капиталистического миропонимания, имплицитно обуславливающая дуалистичность восприятия неделимого сосуществования человека с бытием в их оживотворённой целостности. Трансформация отношений человека с бытием в его исконно животном начале происходит особенно ярко в период XIX–XX вв., когда поворот к экономическому миропониманию становится экзистенциально значимой вехой и определяющей опорой в становлении и самоопределении человеком себя как субъекта, способного выстраивать связи с различными формами жизни в контексте их рефлексивного осмысления в качестве предметно объективированных элементов, используемых

для организации и обеспечения производственной нормы собственной жизнедеятельности. Соответственно, вертикально выстроенные антагонистические отношения человека с животным бытием не соотносятся с образными о нём представлениями, в которых он не узнаёт самого себя, ощущая себя чужаком или неким инобытием, для которого оно само откликается в качестве некоего Другого, через которого ему приходится неоднозначно самоопределяться и творить свою собственную судьбу в качестве уникально сформированной линии жизни. Иными словами, оживотворённое измерение бытия не принимается человеком полноценным образом, обуславливая тенденции отчуждения от него как от вселяющего ужас и страх Другого, с которым невозможно расстаться, но также и полноценно воссоединиться. Поэтому анализ животного начала в ракурсе всеобъемлющего капиталистического миропонимания открывает его для самого человека в новом свете в силу не прекращающегося в различных формах противостояния с ним как с неузнанным и непринятым отражением в различных формах и способах достижения идеального самоопределения. Таким образом, несводимость животного бытия к символической системе образно-смысловых значений является непреодолимым основанием опосредованных между ним и человеком связей и отношений, амбивалентность которых обуславливает возникновение всевозможных кризисных проявлений в экономике как таковой. Именно на пересечении экономики и антропологии философская проблема животного начала эксплицирует себя в таких пограничных состояниях человека, как кризис полноценной самоактуализации и самоопределения, наиболее ярко выраженных в непримиримом противостоянии насильственного характера за желание быть единственно признанным в качестве господина, живущего в страхе перед утратой быть таковым. Мотивом такого признания служит отношение человека к животному как к инструменту наслаждения, используемого до тех пор, пока оно

остаётся живым, а затем и формирование модели для подобного рода отношений к другому себе подобному, которого также возможно использовать, отождествив с самим собой и при этом не признав его в качестве такого же, как самого себя, Другого во всей его безгранично многообразной уникальности. Дialeктически фундаментальное противоречие между животным и человеком проявляется в непреодолённой границе символического характера, основанного на понимании того, что смещённый по отношению к самому себе и другим в различных образах собственного «я» человек оставляет в маргинальном положении своего животного двойника в качестве Другого, олицетворяющего для него исключительно бессознательное измерение, которое и является его основополагающим источником обеспечения всевозможных форм и способов жизнедеятельности.

Животное и человек в теории индивидуации Ж. Симондона

Непредсказуемая и полная опасности природа представляется для человека неконтролируемым явлением не установленного им порядка функционирования бытия, которое по своей специфике остаётся безразличным к тонкостям рационалистически оформленных изобретений культурно-цивилизационного пространства знаково-символической системы артефактов, обеспечивающих фоновую видимость безопасного благоустройства, не уберігающего от деструктивного воздействия неожиданно прорывающегося в мгновение ока оживотворённого Другого. Недоверие, обусловленное немотствующим проявлением животного начала по отношению к критически оформленному мышлению, вселяет неуверенность и, как следствие, неблагонадёжность, бросающие тень подозрения на вселяющую неконтролируемый животный страх природу, от которой человек максимально пытается отдалиться в целях достижения максимального контроля над хаотическими силами мироздания, ставшего для него чужим и немислимо Другим, в

котором он больше не узнаёт себя, являясь одиноким стражником свободы собственного волеизъявления, олицетворяющего борьбу человеческого с нечеловеческим или зверино буйствующим началом бытия. В большинстве философских концепций превосхищается несоизмеримость феномена человека по сравнению с его животным началом, которое редуцируется до нечего иного по сравнению с ним, которое в конце концов признаётся и вовсе в качестве чужеродного ему состояния, от которого необходимо если не избавиться, то свести его проявления к максимально возможному минимуму. Иными словами, человек, по его собственному исторически сформированному о самом себе представлению, достоин нечего большего или принципиально возвышенного по сравнению со своей непримиримо переживаемой животной участью, которая является для него отягчённым во времени смертным бременем. Неслучайно фундаментальное различие, обуславливающее иерархический порядок отношений между животным и человеком, складывается, исходя из его пребывания в знаково-символическом измерении, которое позволяет ему создавать и осмыслять идеи, воплощая их в реальность, и тем самым иметь возможность постижения тайн мироздания в результате стремления к достижению абсолютной истины, будь то в форме ничем неограниченной свободы. Однако, согласно известному философу XX в. Жильберу Симондону, подлинно полноценное «понимание человеческой действительности возникает именно через обобщение представлений о животном» [1, с. 93]. С течением времени так называемый развившийся онтологический дуализм стал основополагающей причиной сформировавшейся демаркационной линии между животным и человеком, влияние которой, согласно Симондону, характеризуется непреодоленной «дуалистической предвзятостью» [1, с. 99]. Анализируя проблематику животного начала в истории развития человеческой мысли, начиная от досократиков и заканчивая Новым временем, Ж. Симондон отмечает, что такая сформировавшаяся дифференциация между жи-

вотным и человеком начинается с Сократа, который отстаивал исключительное достоинство и непревзойдённость человеческого бытия по сравнению с его животным измерением. А, согласно великому ученику Сократа Платону, эволюция представляет собой процесс деградации, в которой человек предшествует в своём возникновении всему живому, опираясь в процессе своего становления и развития исключительно на бессмертие имеющейся у него души, в качестве тайника заложенных в неё идей, полноценное раскрытие которых позволяет ему обрести свои полноценные очертания только через тело философа, а не животного, при условии достижения им вершин в плане познания истины, заключённой в этих же самых идеях. Таким образом, этический рационализм сократовского толка формирует бинарное отношение человека к животному миру, отдалённость от которого обусловлена платоновской глубиной непознанной бездны заключённых в нём идей, в связи с чем нарушается целостность неделимой между ними связи, а вместе с тем и отношений диалектического характера, в которых они уже не переходят в друг друга, а исключаются при соприкосновении с друг другом. В каком-то смысле платоновский мир идей становится калькой тождественного отношения человека к животному миру, который, в свою очередь, становится для него исторически выстраиваемым фундаментом образования экономических ценностей, а затем и символической опорой в качестве созданной им идеологии, исходя из которой неупорядоченный животный мир воспринимается как абсолютно Другой, бессознательно функционирующий и неполноценно контролируемый, но вместе с тем обеспечивающий психосоматический баланс процветания всего человеческого сосуществования.

Симондон, исходя из своей теории индивидуации, ориентируется в сторону преодоления оппозиционного сосуществования различных дополняющих друг друга в резонансе уровней бытия, таких как биологический, обусловленный исключительно

физическим состоянием, и психический, обусловленный социальным, тем самым настаивая на предваряющем их доиндивидуальном измерении энергетически сингулярной структуры функционирования бытия как такового. Вот почему, согласно Симондону, «индивидуация – это событие и операция внутри реальности, более богатой, чем полученный в результате индивид» [2, с. 104]. Поэтому «принцип индивидуации живого – всегда некая операция, подобная техническому принятию формы, но такая операция пребывает в двух измерениях – измерении одновременности и измерении последовательности через онтогенез, поддерживаемый памятью и инстинктом» [2, с. 76]. Критически переосмысляя присущий западной философской традиции принцип субстанциональности, Симондон настаивает на том, что генезис живого (витального) имманентен как животному, так и человеку, асимметрично и неупорядоченно развиваясь в каждом из них, тем самым обуславливая неповторимость их множественного конституирования и модифицированного становления в зависимости от степени соприкосновения между ними фаз напряжения, что, в свою очередь, и образует так называемый эффект трансдукции в качестве нетождественного сдвига той или иной системы, пребывающей в оживотворённом состоянии. Иными словами, биопсихологическое проявление бытия происходит как на человеческом, так и на животном уровнях, поэтому его доиндивидуальное состояние в качестве разницы внутренних резонансов энергетически функционирующих потенциалов имплицитно предшествует их субстанциональному осуществлению, интегрируя их в соизмеримое единство в зависимости от проявляемого в их отношениях последовательного процесса трансдуктивной темпоральности. В отличие от человека, которому необходимо проявлять и выражать свободу воли, всячески её обосновывая и доказывая в различных формах и способах самоактуализации, в частности в области экономической жизнедеятельности через символически опосредованное отношение

к животному миру, самому животному как таковому в том нет никакой необходимости, поскольку оно уже априорно обладает множеством не предполагающих никакого выбора вариантов выхода из любой какой бы то ни было ситуации, исходя из полноценного единения с бытием во всевозможных формах взаимопроникновения с ним, дарующего ему многообразные условия жизнеутверждающего с ним сосуществования. Поэтому Симондон, развивая представление о трансиндивидуальной активности, лежащей в основе трансдуктивного единства дополняющих друг друга элементов той или иной оживотворённой системы, акцентирует внимание на том, что в отношении человека «ментальная патология пребывает на уровне трансиндивидуального; она появляется, когда пренебрегают открытием трансиндивидуального, то есть когда заряд природы, находящийся в субъекте вместе с индивидом, не может встретиться с другими зарядами природы в других субъектах, с которыми он мог бы формировать трансиндивидуальный мир сигнификаций», поэтому «патологическое отношение к другому – это отношение, лишённое сигнификаций, растворяющееся в нейтральности вещей и оставляющее жизнь без полярности; тогда индивид чувствует, что становится изолированной реальностью» [3, с. 255], такой реальностью, в которой господствует культивация субстанционального существования капиталистического процесса самоактуализации и самоидентификации, сведённых в конце концов к дефицитарной идентичности.

Жертвенная доля животной невинности в концепции Ж. Батая

В период первобытного тотемизма приносимые в жертву животные обладали особым сакраментальным значением, приписанным тем, кто их непосредственно к этому подготавливал в процессе соответствующих ритуальных практик. Весьма значительную часть своих исследований животному началу в качестве источника многообразия религиозного опыта посвя-

тил французский философ Ж. Батай. Согласно мысли Батая, уже в эпоху палеолита человек осознавал свою причастность к животному миру, усматривая в нём своеобразную систему родства, в которой, с одной стороны, происходит его признание, а с другой – его отрицание. В животном Батай усматривает символически более суверенное и даже божественное по сравнению с человеком начало, в котором он себя больше не узнаёт и не признаёт, определяя его как мешающую полноценной самореализации надстройку, больше не определяемую им в качестве базиса. В экономическом смысле отношение человека к своему животному началу как к предмету жертвоприношения, согласно Батаю, состоит в том, что он занимается замещением своего якобы бессмертного «я» его оживотворённым на телесном уровне аналогом, таким образом как бы преодолевая границу между жизнью и смертью, при этом оставаясь невредимым на чисто символическом уровне. Самым уязвимым и хрупким основанием человеческого бытия является его тело, которое, согласно Батаю, олицетворяет собой бессознательный тайник неизведанного пути в мир оживотворённого Другого, позабытого в условиях господства власти его символического аналога в форме капиталистически организованного «я». Если в философской системе Гегеля основой существования человеческого сознания является негативность, или *Aufheben*, то в концепции Батая значением отрицания с сохранением качественно изменённого в процессе снятия обладает *трансгрессия*, лежащая в основе функционирования не ведающего запретов человеческого тела, исходя из его животной природы. Тревожная немота, символически обнажающая себя через психосоматические проявления, является вестником неудовлетворённости телесно не осознающего себя эго в его устремлении к замкнутой абсолютизации капиталистического духа. Иными словами, поскольку вся система символических связей человека, согласно Батаю, является религиозной, то и основанием для её организации является жерт-

венное отношение к животному началу, сконцентрированному в его собственном теле, как к чему-то инородному в качестве инобытия в гегельянском смысле этого слова, редуцированного до уровня подверженного обесцениванию капитала. В некотором смысле человек, по мысли Батая, находится в неуравновешенном положении в отношении самого себя, осознавая свою смертность, исходя из своей собственной животной непосредственности в форме тела, которое и становится для него в оппозицию Другого, к которому в его сакральной самоценности в эпоху капитализма возможно полноценно приобщиться не иначе, как через символически опосредованное пространство эротизма. Иными словами, в пределах границ, определённых социальными, экономическими, религиозными, психологическими и эстетическими установками, накладывающимися на тело печатью идеологических артефактов, происходит его символическая кодификация в качестве запретного объекта, обладающего сакральной автономией и, таким образом, стигматизация его животного бытия как архаичного для человека, и поэтому совершенно чуждого для него как какого-то первобытного Другого, на него не похожего и ему, как оказывается, неведомого. В складывающихся отношениях недостижимости между вытесненным измерением оживотворённого Другого и человека формируется фундаментальный разрыв истонно обуславливающих их взаимное процветание связей, которые нарушены самим фактом возникновения инаковости в восприятии телесного бытия в качестве основополагающей точки соприкосновения с миром и всевозможных форм опыта его переживания. Животное, не зная времени и пространства, находится в исключительном положении по отношению к человеку, преисполняясь бытием без остатка, перманентно пребывая в нём, по мысли Батая, в состоянии «непосредственности, или имманентности» [4, с. 55], в то время как сам человек, будучи обременённым субъективным опытом их переживания, формирует таким образом символическую с бытием

опосредованность, исходя из которой оказывается в амбивалентном положении, будучи одновременно господином и рабом природы как таковой. Поскольку, как утверждает Батай, «человек есть дух, то обладать телом животного и тем самым быть вещью – его убожество» [4, с. 55], которое он в качестве смертоносного недостатка через экономическое миропонимание пытается искоренить, символически водрузив на его место тело, у которого, по мысли философов-постструктуралистов Ж. Делёза и Ф. Гваттари, нет органов, именуемое капиталом, с возможностью его многократной эксплуатацией до предельного изнеможения. Батай называет человека религиозно-эротичным существом, которое стыдится своего животного бытия в силу разрыва первозданной с ним вневременной имманентной связи, невосполнимая утрата которой имплицитно воспринимается им травматически в силу его негативного к своему телесному бытию отношения, становящегося основой его скрытого жертвенного положения в мире, преисполненного бессознательным чувством вины, искупаемой им в беспредельных процессах реализации капиталистических форм самоактуализации и обусловленных ими способов ведения борьбы с самим собой, с другими и с миром в целом. По справедливому утверждению российского философа и исследователя творчества Ж. Батая О. В. Тимофеевой, «человек должен был сначала узнать себя в животном, чтобы затем не узнать животное в самом себе», и тем самым быть с ним в безраздельном единстве, а не в противоборствующих отношениях [5, с. 24]. Вменяемая животному виновность обусловлена неспособностью им в отличие от человека придавать сакральное значение той или иной вещи даже в форме собственного тела, через осознание которого происходит его объективация в качестве предмета жертвоприношения, и поэтому обладание им имеет свою подчинённую временности ценность и обеспечивает таким образом редуцированное до уровня искупительной фигуры положение, в котором возможно в

акте её непринятия символически подвергнуть себя закланию. Именно поэтому зверь, который, по мысли Батая, по-прежнему обитает в человеке на уровне его тела, на самом деле «не замкнуто-непроницаем» [4, с. 57] для него и поэтому не ведает временности, а значит, полностью «принимает затопляющую его имманентность без всякого видимого протеста, тогда как человек при переживании сакрального испытывает своеобразный бессильный ужас» [4, с. 64], ужас, связанный с утратой во времени покидающей его через тело животного, с которой он на протяжении всей истории своего существования находится в непримиримых противоречиях, начинающихся и заканчивающихся в сменяющихся друг друга формах противоборства. Поскольку через познание времени человек познаёт прежде всего своё бытие в форме собственного тела, то и смерть как таковую он переживает исходя из его животворённого естества, которое экзистенциально позволяет ему ощущать свою с ней единую сущность и тем самым быть за пределами символически положенных виной границ, чувствуя себя невиновным за своё уникальное, пусть и смертное существование. Иными словами, стыдящийся своего животного происхождения человек, согласно Батаю, пытается его преодолеть через экономическое самоопределение посредством восприятия собственного тела в качестве капитала, в котором животный дискурс становится чуждым и недостойным для него проявлением слабости и никчёмности, соизмеримых с беспечностью, которой он на самом деле бессознательно добивается через вывернутое наизнанку самоопределение, доведённое до самоотрицания. Образованная человеком таким образом форма неравенства символически приобретает экономические черты, выходящие за рамки его телесной организации, и способствует вытеснению его животного начала в качестве негативного остатка, с которым ему необходимо уживаться, оценивая себя и других по степени достоинства называться и быть «человеком», в качестве того, кому удалось

освободиться от своего влачащего рабское существование немوتствующего двойника. Таким образом, с момента отрицания человеком собственного тела как неотъемлемой части животного бытия, воплощающего его жизнеутверждающий потенциал, происходит начало образования социально-экономического неравенства, обуславливающего процессы классовой организации иерархически противоборствующих между собой структур за власть и абсолютное господство в символической форме единоличного обеспечения собственной капиталистически выстроенной самооценности. Отрицание прежде всего связано с запретом присущей животному бытию спонтанности, которая, в свою очередь, является квинтэссенцией свободы телесного ощущения человеком самого себя в единстве при соприкосновении с окружающим его миром, отрываясь от которого он начинает неудовлетворённым образом его через себя желать, создавая таким образом через образование диалектических отношений, состоящих из запрета и трансгрессии, – отсроченную с ним связь в жертвенной форме по отношению к самому себе. Человек погружается в жертвенную форму экономического насилия, создавая из себя символический образ капитала, который через самоотрицание имплицитно образует трансгрессивный опыт переживания себя в процессе самоопределения, вынуждая нарушать свои же собственные установленные законы и обусловленные ими правила и нормы. Капиталистическое самоопределение предполагает разрыв с оживотворённой системой имманентности телесного бытия человека, регламентируя его границами искусственно созданных производительных норм, которым он через самопожертвование должен соответствовать, тем самым обрекая себя на профанное существование, предваряя таким образом запрет на полноценное соприкосновение с сакральным измерением своего первозданного природного начала, ставшего для него трансцендентным. Вот почему, как утверждает О. В. Тимофеева, «область сакрального – это исключённая

природа, ввиду запрета приобретая особую ценность» [6, с. 37]. Ценой обретения таким образом сформированной ценности становится отказ от самого себя в символической форме амбивалентности восприятия животного начала, состоящего из отращения к нему и одновременно желания преисполниться им, что, в свою очередь, порождает страх перед неудовлетворённостью, избыть которую позволяет человеку сакральное к ней отношение, что таким образом и ориентирует его на обретение привилегированного положения в качестве доказательства достоинства и ничем неограниченного существования. В таком ракурсе тело как экономическая ценность олицетворяет собой производительный механизм, функционирующий в качестве капитала, редуцируемый человеком к утилитарному использованию и в конечном итоге к постепенному обесцениванию, в попытках достичь через самопожертвование искупительного приобщения к запретной области сакрализованной животности. Порочный круг обесценивающего отношения человека к самому себе и другим образуется исходя из восприятия им, по выражению Батая, собственного тела как «проклятой части», которая амбивалентно является, с одной стороны, производительной, а с другой – бесполезной по своей сущности. Иными словами, тело является глубинным источником разрыва между человеком и его животным двойником, символически обуславливая непреодолимую между ними границу как между чем-то сакральным и профанным, создавая таким образом диалектически сложные отношения с друг другом и с миром, в котором таким образом господствует борьба за исключительность в капиталистической форме самовыражения. Подобного рода борьба влечёт к учреждению утилитарного отношения к неуравновешенности бесполезного существования животного бытия как такового, ставшего для человека непреодолимо Другим измерением, которое он подвергает отрицанию подобно бессознательному З. Фрейда, но которое возвращается к нему, не ведая

норм, меры, порядка и законов в тотальности своей безгранично всепроникающей сущности, заключённой в самом теле как в зеркальной поверхности всего универсума. Именно поэтому, по утверждению Батая, неисчислимые попытки человека в капиталистической экономике «искать самодостаточности – то же самое заблуждение, что и замыкать бытие в какой-нибудь точке» [7, с. 158], поскольку животное «бытие гуляет в нас, его не поймашь, ибо мы замыкаем его в самости, а оно есть желание – необходимость – объять всё» [7, с. 161]. Эротичность человеческого бытия, по сравнению с животным, включает в себе экономичность процесса самоактуализации в границах сжимающегося до состояния капитала его собственного тела, воспринимаемого как вещь с определённой стоимостной оценкой в процессе обменных форм символических отношений, в то время как само животное, в нём пребывающее, не ведает норм накопления и трат соответственно, поскольку изобилует всепроникающим воспроизводством самой жизни в неограниченных масштабах её расточительства, компенсируемого самой смертью, которая не сводится к устрашающему и ужасающему символу уничтожения, а привносит в онтологический порядок начало жертвенной невинности всего оживотворённого, и таким образом не замкнутого в образно выстроенной вечности тождественного самоопределения, в пределах которого измеряет своё существование человек. Иными словами, человек укореняется в самом себе, пытаясь учредить суверенность своего искусственно господствующего положения, и таким образом не открывается полноценным образом всему миру, начиная воспринимать собственное тело как накопительный вклад, подверженный обесцениванию, являющемуся желанным только при выгодно совершенном обмене, минуя сакральное отношение к его животному измерению, тогда как именно оно как подлинная «жертва провоцирует господство и всякий раз ставит под вопрос его легитимность – всегда остаётся неотвеченный дар, вовлекающий господство в порочный круг

самоуничтожения», – утверждает О. В. Тимофеева [6, с. 51].

Безумствующее животное в концепции М. Фуко

В своей работе «История безумия в классическую эпоху» (1961) именитый французский философ М. Фуко, анализируя эпоху Реформации, пролил свет на происходящие в этот период трансформации, связанные с представлением о нищете и праздности как о присущих чисто животному существованию качествах, проявляющихся в человеке. Всё немислимое и немислящее признаётся абсурдным, чужим, безумным или Другим, как всё то, что присуще чисто животному началу во всех его проявлениях. Именно качества нищеты и праздности соотносятся с олицетворяющим животное начало безумием, присущим человеку, в силу образованного им раскола в отношении с собственным телом, которому не дозволено эти качества испытывать и которое, будучи поставленным на путь рационалистического переосмысления, в капиталистическом плане доведено им до самоизоляции, в связи с чем, как утверждает Фуко, «человек парадоксальным образом предстаёт невинным в своей виновности, но осужденным в своей животности» [8, с. 239]. Согласно проведённым исследованиям Фуко, феномен животного как явление инобытия человека постепенно признаётся им как нечто ему противоположное, чуждое, отвратительное и даже нечто бредовое, что в наибольшей степени характерно разве что для умалишённого, выходящего за рамки общественного порядка, нарушающего безопасность его благоустройства и требующего незамедлительного исправления посредством его принудительной изоляции. Таким же образом человек, оказывающийся за чертой бедности, будучи не работающим и неимущим, становится стигматизированным в качестве отождествлённого с животным началом существом, которое не вписывается в систему социально-классовых различий и не приспособляется к ней должным образом, оставаясь виновным в своём ничем не обременённом существовании, но верным бес-

сознательному зову собственного не смиряющегося с символически выстроенными правилами тела. Исследуя присущий человеческому бытию феномен власти, Фуко увязывает его возникновение с попытками учреждения различного рода принудительных мер карательного характера, применимых ко всем тем, кто пытается всяческими способами им сопротивляться. Власть, согласно Фуко, нацелена прежде всего на телесную автономию человека, поскольку именно через её нарушение она проникает в его сокровенную обитель, через пытки которой он испытывает мучительную боль и таким образом способен против собственной воли признать свою вину и быть принуждённым влачить своё существование под страхом смерти. Именно в экономическом порядке организации человеческой жизнедеятельности происходит наибольший контроль в анонимной или интимной форме его проявления через регламентацию половых отношений, которые, согласно исследованиям Фуко, особенно тщательно начинают контролироваться, начиная с периода Средневековья, в частности в учениях восточных и западных Отцов Церкви II–V вв. нашей эры через описанные ими дисциплинарные практики покаяния, монашеской аскезы и обрядов духовного самоконтроля, направленные на очищение плоти и приуроченные таким образом к акту крещения, который «переворачивает смысл смерти: оно есть смерть, несущая смерть греху и смерти, а потому желанная для нас» [9, с. 83] для того, «чтобы уничтожить свои грехи, отделившись от них не только путём раскаяния в том, что» человек «уже совершил, но и путём воспитанного в себе постоянного страха перед самим собой» [9, с. 71]. Экономическое руководство телом в период Средневековья было направлено на отказ от собственного волеизъявления посредством практики *экзагорезы* (exagoreusis), воплощённой в жертвенной форме самоотречения, доведённого до умерщвления себя собою, образуя диспозитив сексуальности в качестве источника распространения власти, ориентированной на контроль греховно и порочно проявляющей себя

плоти во всей непроизвольно преисполняющей её исконно животной похоти, поскольку, как утверждает святой Августин «libido – sui juris {лат. похоть самоуправна}» [9, с. 337]. Пасторский режим экзагорезы проявляет себя в микрофизической форме воздействия на человека через его тело, узаконивая через него на символическом уровне его естественные проявления в рамках их упорядоченного контроля в области сексуальности как таковой, что и побудило Фуко обозначить подобного рода власть человека над собой и другими в качестве **био-власти**. Согласно Фуко, угрожающая насилем биовласть в форме экзагорезы «всегда разворачивается в отношении к другому – в общей форме руководства, подчиняющего волю субъекта воле другого с ближайшей целью открыть в глубине себя присутствие Другого» [9, с. 153], воплощающего всю полноту животного бытия, того самого «таящегося в нас под видом нас самих; поскольку нужно вести с этим Другим непрерывную борьбу» [9, с. 248], в которой тело человека в итоге превращается, по мысли Иоанна Кассиана Римлянина, в «бедное вычное животное» [9, с. 222].

Фуко приходит к выводу, что изменчивость власти зависит от исторической изменчивости дискурсивных практик, которые, в свою очередь, имплицитно образуют археологию структурно-тектонических напластований всех происходящих с человеком событий, символически отражающих его всевозможные переживания, сконцентрированные в его собственном теле, которое насильно отождествляется с чуждым ему самому господствующим в определённую эпоху метанарративом, детерминирующим его естественные проявления в зависимости от степени полноценно реализованной им экономической самоактуализации. Иными словами, человек в рамках созданной им самой структуры экономических отношений капиталистического толка предстаёт в качестве обесценивающей самого себя жертвы, вынужденной растрачивать свой телесный потенциал во благо соответствии ускользающего от него господствующего дискурса, и связан

ных с ним практик самоопределения, лишающих его полноценно автономной целостности. Вот почему, как утверждает Фуко, на самом деле «животное начало присутствовало не в самом животном, а в способе его приручения» [8, с. 557]. Определение человеком себя в качестве чего-то выходящего за рамки оживотворённого мира предполагает получение власти над ним и самим собой в соответствии с заданными координатами её постепенного увеличения в символической форме выстроенных и господствующих капиталистических отношений, в которых единственной аутентичной нормой авторского права человека предстаёт его собственное тело, обладающее, по мысли Фуко, гетеротопической структурой функционирования, как и в целом всё сконцентрированное в нём в оживотворённой форме жизнеутверждающее пространство как таковое, порождающее в процессе изменчивости новое пространство, предыдущему нетождественное благодаря имманентной ему диффузной прерывности. Человек, будучи продуктом дискурсивных практик, согласно Фуко, становится заложником определённой *эпистемы*, в качестве конфигурации с погрешностью сходящихся между собой вещей и символически олицетворяющих их по своей смысловой нагрузке слов, вместе образующих композицию временных отношений, в зависимости от которых конституируется господствующая форма познавательной деятельности, определяющая векторы развития различных противоборствующих экономических интересов. В связи с тем, что человек не принадлежит самому себе, будучи имплицитно детерминирован анонимно изменяющимися дискурсивными формациями, то, как утверждает Фуко, возникает необходимость «восстановить другой дискурс, обнаружить тихую, шепчущую, неиссякаемую речь, которая одушевляет изнутри слышимый нами голос, восстановить мельчайший и невидимый текст, бегущий между строк и иногда приводящий их в полный беспорядок» [10, с. 73–74], чтобы

таким образом символически выразить и определить животный дискурс, сконцентрированный в бессознательной форме в человеческом теле. Таким образом, тело как не унифицированный знак происходящих с человеком событий представляет собой не трансцендентальный архив, через который он символически воплощает всю полноту фрагментировано пережитых и переживаемых в нём дискурсов, а целую археологию их практического осуществления и тем самым воплощения в своей полноценно уникальной автономии в процессе собственного самоопределения в капиталистически функционирующей формации. Именно поэтому, как утверждает сам Фуко, «археология описывает дискурсы как практики, точно определённые в среде архива» [10, с. 248] как «*пространства несоответствия*» [10, с. 278] с фрагментированным «уровнем событийного сцепления» [10, с. 302]. Археологическое измерение человеческого бытия предполагает, по мысли Фуко, погружение в символические глубины исторически сформировавшегося множества различных дискурсов, пронизывающих всю его телесную организацию, образуя травматично переживаемый им опыт собственной животности в процессе его смещения по отношению к самому себе в децентрированной форме как во сне, где времени как такового не существует так же, как и для бессознательного, находящегося в своём собственном самозабвенном существовании от одного события к другому, не ведая дисциплинарных императивов и заблаговременно предопределяя любые действия человека в процессе его полноценного жизнеобеспечения. Вот почему, комментируя работу Фуко «Археология знания» (1969), известный французский философ-постструктуралист Ж. Делёз пишет о том, что когда человек вступает в «*дискурсивные отношения с недискурсивными средами*» [10, с. 388] животного бытия, то в них он устанавливает своё местоположение в качестве субъекта как «в толще анонимного бормотания» [10, с. 384], которое свидетельствует о восприятии им собственного

тела и его животной сердцевины в различных не похожих друг на друга образах, вместе бессознательно предопределяющих его отношение к самому себе как к какому-то Другому, которого необходимо контролировать во всех его проявлениях. Таким образом, формируется микрофизическое измерение биовласти, описываемой российским философом В. А. Подорогой как той, которая «достигает поверхности человеческого тела, начинает действовать как механизм возбуждения и соблазнения, т. е. как механизм, позволяющий установить контроль в той области существования, где он долгое время был немислим, – в области желания и удовольствия» [11, с. 242]. В своём позднем философском творчестве Фуко довольно подробно анализировал проблему обеспечения автономного удовольствия через заботу человека о самом себе в процессе глубокомысленного познания им особенностей своего собственного тела. На сознательном уровне осмысления самого себя в процессе самоопределения человек вынужден «присваивать» себе своё собственное тело, отстаивая его личные границы, поскольку в процессе экономической жизнедеятельности он дистанцируется от самого себя, жертвуя собой во благо достижения общественного признания в результате капиталистической самоактуализации, имплицитно подверженной глубинной практике подмены символического значения самооценности «*быть*» на обесценивающее его «*иметь*». Дисциплинарные техники биовласти в её микрофизическом исполнении ориентированы на выработку различных средств контроля за телом человека, прежде всего для того, чтобы через него воздействовать на его животную составляющую, в процессе её капиталистической эксплуатации. Для Фуко именно сексуальность человеческого тела образует исторически сформировавшиеся нормы и запреты, регулирующие его деятельность через усвоение образных о нём представлений, которые в совокупности символически кристаллизуются в то, что он обозначал в качестве *диспозитива*, воплощающего собой ано-

нимно надзирательный и манипуляционный механизм контроля коллективно функционирующего бессознательного. Таким образом, вся экономика человеческого бытия представляет собой символическую систему зеркал, производящую отражения в отражении как бессознательного в сознательном, где центральным основанием для различного рода взаимоотношений становится само тело и заключённое в нём животное измерение, неизбежно предопределяющее судьбу человеческого существования своими жизнеутверждающими силами движения к свободной и ничем неограниченной самоактуализации. Именно поэтому, как утверждает Фуко, «великая аналогия тела и судьбы обозначена всей системой зеркал и притяжений» [12, с. 74], сконцентрированных в сфере капиталистических взаимоотношений, предполагающих борьбу за признание, в результате узаконенного насильственной властью символически привилегированного положения одного человека над Другим, делая таким образом каждого по отношению к друг другу в высшей степени Другим. В подобного рода отношениях животное становится для человека чем-то немислимым и приглушённым в качестве того, что, согласно Фуко, «есть Иное: братское и близнецовское Иное, порождённое не им и не в нём, но рядом и одновременно, в равной новизне, в необратимой двойственности», то самое животное иное, которое «одновременно и чуждо и необходимо для него – это и тень, отбрасываемая человеком, вступающим в область познания, это и слепое пятно, вокруг которого только и можно строить познание» [12, с. 419]. Фуко в своих поздних трудах предлагает борьбу не за *признание*, в которой животное и человек могут быть по отношению к друг другу либо рабом, либо господином, а за *самосознание*, в которой они вместе образуют такое единое целое, в котором становятся гармоничной основой движения к тому, чтобы преодолеть прежде всего внутреннюю по отношению к друг другу диктатуру и тем самым приложить совместные усилия для смещения

вектора ориентации всевозможных желаний не на власть как таковую, а на то, чтобы снять её «покров с Бессознательного, углубиться в его безмолвие или вслушаться в его нескончаемый шёпот», доносящийся до человека из его собственного тела [12, с. 420].

Заключение

В ходе проведённого исследования были рассмотрены концепции ключевых философов, посвятивших важное место в своих научных изысканиях проблеме животного начала, вытесненного человеком за горизонт своей экономической жизнедеятельности в качестве чуждого и непризнанного им своего зеркального двойника, воспринимаемого как какого-то потустороннего и несоизмеримого с ним Другого. Попытка переосмысления фундаментально значимой в истории философии проблемы экономического миропонимания, основанной на обесценивании человеком своего животного начала путём его утилитарной коммодификации, выводит данное исследование на качественно новый уровень. Историко-философская проблематизация животного как Другого диалектически выстраивается в рамках стратегии его постепенного исключения и нивелирования, что таким образом ориентирует самого человека свести себя к субстанциональному началу, соизмеримому с метафизическим, с которым символически отождествляется идеалистически выстроенная им конструкция собственного «я». И животное, и человек – это не разные формы бытия, а две стороны его универсального самовыражения, и граница, проходящая между ними, является только символически выстроенной, но непреодолимой по своей исконно онтологической сущности. Искключительность человеческого бытия в ракурсе экономической самоактуализации выстраивается через исключённость животного бытия, символически олицетворяющего для него некое искажённое по своей немотствующей природе отражение, не признаваемое и отрицаемое, уходящее

таким образом в бессознательное измерение, определяемое в качестве нечеловеческого Другого.

Феномен животного в качестве конститутивного первоначала человеческого бытия анализируется в теории индивидуации Ж. Симондоном, который критически переосмысляет сложившийся в истории западной философской традиции онтологический дуализм в качестве имплицитно выстроенной демаркационной линии глубинных противоречий, сконцентрированных в конфликтных отношениях человека с самим собой, исходя из неполноценного им принятия своего оживотворённого в телесной форме бытия. Индивидуация, согласно Симондону, представляет собой доиндивидуальный трансдуктивный процесс усовершенствования перехода животного на качественно новый онтогенетический уровень бытия, на котором и появляется человек, также преемственно обладающий резонансным эффектом оживотворённой системы с различными потенциалами напряжения энергии, что создаёт множество соприкасающихся с друг другом новообразований, способствующих продолжению жизни во всех её многообразных проявлениях. Именно поэтому, согласно Симондону, между животным и человеком нет противоречий, поскольку оба они представляют доиндивидуальное или трансиндивидуальное единство бытия.

В концепции Ж. Батая животное предстаёт источником жертвоприношения в результате запретов на естественные процессы проявления человеческого тела, в отношении которых испытываются болезненные чувства вины и стыда. Человек, согласно Батаю, это не просто животное, а религиозно-эротичное существо, тело которого предстаёт для него в качестве капитала и становится сакральным хранилищем бессознательных недр всевозможных желаний, неконтролируемо реализуемых им через трансгрессивный опыт нарушения различных социально обусловленных норм, правил и запретов. Обесцененное и сведённое до бессознательного Другого

животное начало, сконцентрированное в человеческом теле, предстаёт в качестве главного источника возникновения чувств вины и стыда, искупление которых происходит при символически опосредованном к нему отношении как к капиталу, обеспечивающему господство над самим собой и рабство в самом себе одновременно, что, в свою очередь, подтверждает амбивалентность самоощущения человека в экзистенциально значимых для него ситуациях.

В концепции М. Фуко тело предстаёт источником микрофизического измерения власти, сконцентрированной в деспотических формах анонимно символического контроля над его ни в чём не повинным животным началом. Согласно Фуко, сформированная, исходя из исторически образованной археологии дискурсов человеческого бытия, власть как таковая эксплицитно становится олицетворением биовласти, претендуя на контрольно-измерительное отношение к телу через его признание в качестве безумствующего по своей природе инородного явления, обладающего неконтролируемым животным бытием. Согласно Фуко, проявлением без-

умия является не животная природа человеческого тела, а деспотические практики насильственного характера при надзирательном к нему отношении, исходя из которого борьба за власть над ним трансформируется в борьбу человека против самого себя как Другого, бессознательно вселяющего ужас и страх перед неспособностью с ним отождествиться и таким образом примириться со своей смертной природой. Смертное тело, олицетворяющее начало процветающей и затухающей жизни человека, свидетельствует о вечности пребывающего в нём животного бытия, уходящего корнями в историю возникновения самого мироздания, которое, по мысли Ч. Дарвина, по своей жизнеутверждающей силе даёт всему преобразование так же, «как почки в процессе роста дают начало новым почкам, а эти, если только сильны, разветвляются и заглушают многие слабые ветви, так, полагаю, было при воспроизведении и с великим Древом Жизни, наполнившим своими мёртвыми опавшими сучьями кору земли и покрывшим её поверхность своими вечно расходящимися и прекрасными ветвями» [13, с. 158].

ЛИТЕРАТУРА

1. Симондон Ж. Два урока о животном и человеке. М.: Грюндриссе, 2016. 140 с.
2. Симондон Ж. Индивид и его физико-биологический генезис. М.: ИОИ, 2022. 484 с.
3. Симондон Ж. Психическая и коллективная индивидуация. М.: ИОИ, 2023. 704 с.
4. Батай Ж. «Проклятая часть»: сакральная социология / сост. С. Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
5. Тимофеева О. В. История животных / предисл. С. Жижика. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 208 с.
6. Тимофеева О. В. Введение в эротическую философию Жоржа Батая. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 200 с.
7. Батай Ж. Сумма атеологии: философия и мистика / сост. С. Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2016. 566 с.
8. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. К. Стаф. М.: АСТ МОСКВА, 2010. 698 с.
9. Фуко М. История сексуальности 4. Признания плоти. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 416 с.
10. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. 3-е изд., стер. СПб.: Гуманитарная Академия, 2020. 416 с.
11. Подорога В. А. М. Фуко: археология современности. М.: Канон + РООИ; Реабилитация, 2021. 384 с.
12. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / вступ. ст. Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
13. Дарвин Ч. Р. Происхождение видов путём естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь / пер. К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, А. П. Павлова, И. А. Петровского. М.: АСТ, 2019. 592 с.

REFERENCES

1. Simondon, G. (2016). *Two Lessons on Animal and Man*. Moscow: Grundrisse Publ. (in Russ.).
2. Simondon, G. (2022). *The Genesis of the Individual*. Moscow: IOI Publ. (in Russ.).
3. Simondon, G. (2023). *Psychic and Collective Individuation*. Moscow: IOI Publ. (in Russ.).
4. Bataille, G. (2006). *The Damned Part: Sacred Sociology*. Moscow: Lodomir Publ. (in Russ.).
5. Timofeeva, O. V. (2017). *History of animals*. Moscow: New Literary Review Publ. (in Russ.).
6. Timofeeva, O. V. (2009). *Introduction to the Erotic Philosophy of Georges Bataille*. Moscow: New Literary Review Publ. (in Russ.).
7. Bataille, G. (2016). *Summa Atheologia: Philosophy and Mysticism*. Moscow: Lodomir Publ. (in Russ.).
8. Foucault, M. (2010). *History of Madness in the Classical Period*. Moscow: AST MOSCOW Publ. (in Russ.).
9. Foucault, M. (2021). *History of Sexuality 4. Confessions of the Flesh*. Moscow: Ad Marginem Press Publ., Garage Museum of Contemporary Art Publ. (in Russ.).
10. Foucault, M. (2020). *Archeology of Knowledge*. St. Petersburg, Humanitarian Academy Publ. (in Russ.).
11. Podoroga, V. A. (2021). *M. Foucault: Archeology of Our Time*. Moscow: Canon+ Publ., Rehabilitation Publ. (in Russ.).
12. Foucault, M. (1977). *Words and Things: Archeology of the Humanities*. Moscow: Progress Publ. (in Russ.).
13. Darwin, C. R. (2019). *The Origin of Species by the Path of Natural Selection, or the Preservation of Favorable Races in a Region for Life*. Moscow: AST Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирошкин Михаил Сергеевич (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент Кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: mirmaker23@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Miroshkin (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: mirmaker23@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Научная статья

УДК 141

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-22-32

ФИЛОСОФСКАЯ ОПТИКА: НАСЛЕДИЕ РЕНЕ ДЕКАРТА И ИСААКА НЬЮТОНА

Бадеева Е. А.*, Кириллов Г. М., Бадеев В. А.

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

Корреспондирующий автор, e-mail: badeeva_elena@mail.ru

Поступила в редакцию 13.10.2024

После доработки 24.10.2024

Принята к публикации 03.11.2024

Аннотация

Цель. Оценка сущности философских осмыслений, пониманий и места Рене Декарта и Исаака Ньютона в становлении и развитии теории света.

Процедура и методы. При проведении исследования применялись методы компаративного анализа, исторический, диалектический подходы для реконструкции истории науки и философии.

Результаты. Приведены две гносеологические позиции в понимании теории света. Из экспериментов и суждений философов складывалась область знаний – физика. Декарт и Ньютон были философами и учёными, на новаторских идеях которых построена современная оптика, осуществляются конструирование и производство оптических приборов для всех сфер жизнедеятельности человека. Декарт в области естествознания занимался геометрической оптикой. Главным достижением Рене Декарта стало изложение закона о преломлении света. На основании сформулированного закона Декарт дал впервые правильное объяснение радуги. Благодаря Декарту появилась теория оптических приборов, а геометрическая оптика после Декарта стала отделом геометрии. Исаак Ньютон преодолел в практике научных исследований противоречие между эмпиризмом и рационализмом. Его наука опиралась на факты и опыт, он широко использовал в исследованиях математические методы и дедуктивный метод. Ньютон развил корпускулярную теорию света, открыл явление дисперсии света в призме.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в эпистемологию и методологическое основание философии науки и техники.

Ключевые слова: Декарт, закон оптики, Ньютон, свет, философия оптики

Для цитирования:

Бадеева Е. А., Кириллов Г. М., Бадеев В. А. Философская оптика: наследие Рене Декарта и Исаака Ньютона // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 22–32. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-22-32>

Original research article

PHILOSOPHICAL OPTICS: THE LEGACY OF RENE DESCARTES AND ISAAC NEWTON

E. Badeeva*, G. Kirillov, V. Badeev

Penza State University, Penza, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: badeeva_elena@mail.ru*

© CC BY Бадеева Е. А.*, Кириллов Г. М., Бадеев В. А., 2025.

Received by the editorial office 13.10.2024

Revised by the author 24.10.2024

Accepted for publication 03.11.2024

Abstract

Aim. An assessment of the essence of philosophical conceptions, understandings and the place of Rene Descartes and Isaac Newton in the formation and development of the theory of light.

Methodology. The research used methods of comparative analysis, historical, dialectical approaches to reconstruct the history of science and philosophy.

Results. Two epistemological positions in understanding the theory of light are given. The experiments and judgments of philosophers formed the field of knowledge – physics. Descartes and Newton were philosophers and scientists whose innovative ideas modern optics was built on, the design and production of optical devices for all spheres of human activity is carried out. Descartes was engaged in geometric optics in the field of natural science. The main achievement of Rene Descartes was the exposition of the law of refraction of light. Based on the formulated law, Descartes gave for the first time a correct explanation of the rainbow. Thanks to Descartes, the theory of optical devices appeared, and after Descartes geometric optics became a part of geometry. Isaac Newton overcame the contradiction between empiricism and rationalism in the practice of scientific research. His science was based on facts and experience, he widely used mathematical methods and the deductive method in research. Newton developed the corpuscular theory of light and discovered the phenomenon of dispersion of light in a prism.

Research implications. The results of the study contribute to the epistemology and methodological basis of the philosophy of science and technology.

Keywords: Descartes, the law of optics, Newton, light, philosophy of optics

For citation:

Badeeva E. A., Kirillov G. M., Badeev V. A. (2025). Philosophical Optics: the Legacy of Rene Descartes and Isaac Newton. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, pp. 22–32. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-22-32>

Введение

Свет – это лучистая энергия, представляемая во многих формах бытия. История физики как науки и области познания в целом и теории света в частности неразрывно связаны с естественно-научными трудами и философскими рассуждениями, противоречивыми мнениями и осмыслениями мыслителей древности [1, с. 27]. С IV в. до н. э. и по XVI–XVIII вв. доминирующей теорией как в философии, так и в физике была концепция системности Аристотеля, посвящённая природе человека [2, с. 404].

Постепенно на смену Аристотелизму пришли натурфилософы, привнеся новые способы понимания природы [3, с. 58]. Натурфилософия, согласно Большой российской энциклопедии (БРЭ), «(от лат. *natura* – природа, нем. *Naturphilosophie*),

часть теоретической философии, ставящая своей целью умозрительное рассмотрение природы в целом»¹. Термин получил своё происхождение от латинского выражения “*philosophia naturalis*” (от греч. *φιλοσοφία φυσική*); это философия природы, понимаемая как целостная система общих законов естествознания. Натурфилософы стремились найти причины и закономерности природных феноменов.

Выдающимися мыслителями – представителями естествознания были Рене Декарт (1596–1650) и Исаак Ньютон (1643–1727).

Декарт (Descartes) Рене (латинизированное имя – Картезий – *Renatus Cartesius*) – французский философ, физик и математик, представитель классического рационализ-

¹ Натурфилософия [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2251565> (дата обращения: 16.08.2024).

ма, один из родоначальников экспериментально-математического естествознания философии Нового Времени XVII в. и один из основоположников современной науки. Рене Декарт считал рационализм универсальным методом познания. Ему принадлежит фундаментальное «Картезианское сомнение» как метод (процедура), направленный на управление разумом в познании: «*Cogito ergo sum* – Я мыслю, следовательно я существую» [4, с. 237; 5, с. 185]. В области натурфилософии Рене Декарту принадлежат новаторские достижения в сфере физики, наиболее значимые в оптике [6]. В каждой науке, которой занимался Рене Декарт, он становился создателем новых направлений. Декарт обозначил неизвестные величины последними строчными буквами латинского алфавита (x , y , z), а постоянные величины – начальными буквами (a , b , c), придав знакам алгебры современный вид¹. Декарт изложил закон о преломлении света.

Исаак Ньютон – английский философ, физик, математик, механик и астроном, внёсший значительный вклад в физику и математику, оказавший существенное влияние на поступательное развитие теории оптических приборов. Зеркальный телескоп Ньютона стал классическим телескопом-рефлектором. Теория Исаака Ньютона смогла вытеснить идеи Кеплера о «флюидах». Исаак Ньютон открыл законы природы, сформулировав закон всемирного тяготения, распространив его не только на планеты, но и на любую материальную точку, а также три закона движения, дав их описание в своём исследовании «Математические начала натуральной философии» [7; 8]. Современная космонавтика базируется на умозаклчениях Ньютона. Так, благодаря формулам философа-мыслителя стало возможным рас-

считать скорость ракеты-носителя, чтобы та смогла стать искусственным спутником Земли [9, с. 38]. Труды Ньютона строились на работах Декарта в области геометрии, физики, оптики и математики. Исаак Ньютон сделал важные открытия в оптике, включающие концепцию об излучении света объектами, развил корпускулярную теорию света, открыл явление дисперсии света в призме, дав дорогу философской оптике.

Представления Рене Декарта о природе света

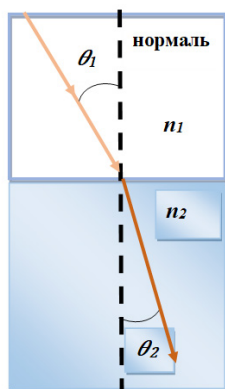
Философия как наука о наиболее общих законах природы общества и мышления является обобщением результатов учений, поисков первопричин и первоначал, раскрывает смысл мира и жизни [10, с. 12]. «Оптика (от греческого *ὀπτική* "наука о зрительных восприятиях") – это раздел физики, рассматривающий явления, связанные с распространением электромагнитных волн видимого, инфракрасного и ультрафиолетового диапазонов спектра»². Современные представления о световых явлениях, изучаемых разделом физики, – оптикой, сформировались в ходе исторического развития и накопления результатов трудоёмких и многочисленных исследований служителей науки [11, с. 59]. Гипотезы древних учёных и философов для объяснения оптических явлений были неполными и противоречивыми, но внесли неоценимый вклад в современную оптику.

Французский философ, математик и физик Рене Декарт занимался вопросами оптики. В 1637 г. он опубликовал своё сочинение «Диоптрика» (фр. *La Dioptrique*) вместе с другими научными трудами под общим названием «Рассуждение о методе». В своём произведении, написанном на французском, доступном для многих, он ставил целью научить, как «мыслить пра-

¹ Математические знаки [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/matematicheskie-znaki-fce602> (дата обращения: 16.08.2024); Rene Descartes. 10 Major contributions and accomplishments [Электронный ресурс]. URL: <https://learnodo-newtonic.com/rene-descartes-contribution> (дата обращения: 16.08.2024).

² Оптика [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/optika-3d0631> (дата обращения: 16.08.2024).

вильно, как получать истинное знание и отличать его от ложного»¹. В исследовании «Рассуждение о методе» Рене Декарт дал теоретическое описание распространению лучей света в однородной среде и объяснение явления преломления света [7, с. 76]. В работе «Dioptrique» изложил теорию света, раскрыв принцип, заключающийся в том, что отношение углов падения и преломления лучей зависит от среды, через которую проходит свет, описав тем самым закон преломления, известный как закон Снелла или закон Снелла-Декарта (рис. 1).



n_1 – показатель преломления среды, из которой свет падает на границу раздела;
 θ_1 – угол падения света – угол между падающим на поверхность лучом и нормалью к поверхности;
 n_2 – показатель преломления среды, в которую свет попадает, пройдя границу раздела;
 θ_2 – угол преломления света – угол между прошедшим через поверхность лучом и нормалью к поверхности

Рис. 1 / Fig. 1. Построения, поясняющие закон преломления / / Constructions explaining the law of refraction

Источник: Гоголева Е. М., Фарафонтова Е. П. Прикладная оптика: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Уральский университет, 2017. С. 10.

Закон Снелла-Декарта в своём наименовании содержит две фамилии известных мыслителей ввиду того, что до Декарта преломление лучей света на резкой границе двух сред наблюдали и изучали ещё древние греки, но впервые дал фор-

мулировку закону голландский учёный Виллеброрд Снел ван Ройен (1580–1626), известный как Снелл, или Снеллиус.

Закон преломления Снеллиуса-Декарта устанавливает числовое соотношение между углами падения и преломления луча при переходе из одной среды в другую. Математически закон преломления выражается в следующем виде²:

$$n_1 \sin \theta_1 = n_2 \sin \theta_2, \quad (1)$$

Первенство Декарту принадлежит в опубликовании данного закона в научном труде. Закон Снелла-Декарта применим к «геометрической оптике», т. к. длина волны намного меньше, чем поверхность, через которую проходит световой луч. Рене Декарт, описывая ход движения лучей света при преломлении, на примере летящих мячей описал рефракцию света – «род отклонений», где «... лучи света отклоняются, когда они встречаются под косым углом поверхность прозрачного тела, в которую они проникают более или менее легко по сравнению с той средой, откуда они исходят» [7, с. 78]. Современное её определение – это «изменение направления распространения оптического излучения в неоднородных средах с плавно меняющимся от точки к точке показателем преломления»³.

Одно из рассуждений Рене Декарта посвящено исследованию такого природного явления, как радуга. В труде «Метеоры» при помощи открытого им закона Декарт привёл научное объяснение её возникновения (внутренней и внешней радуги), но не смог разъяснить происхождение её цветовой палитры⁴. Рене Декарт использовал закон преломления для того, чтобы

² Гоголева Е. М., Фарафонтова Е. П. Прикладная оптика: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, Уральский университет, 2017. С. 9.

³ Рефракция света [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://old.bigenc.ru/physics/text/3507956> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴ René Descartes [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/descartes> (дата обращения: 16.08.2024).

¹ Матвиевская Г. П. Рене Декарт: книга для учащихся. М.: Просвещение, 1987. С. 10.

показать, что угловой радиус радуги равен 42 градусам. По Декарту, с помощью его метода можно изучить взаимодействие лучей света с каплей воды: «Радуга – столь замечательное чудо природы, ... при помощи применяемого мною метода можно прийти к знаниям, которыми не обладали» [7, с. 264]. Декарт упоминает: «когда я принял во внимание, что радуга может появляться не только на небе, но также в воздухе вблизи нас, каждый раз, когда в нём находятся капли воды, освещённые солнцем, как это иногда можно видеть на опыте в фонтанах, мне было легко заключить, что она зависит от того, каким образом лучи света действуют на эти капли» [7, с. 264]. Лучи света взаимодействуют с каплей воды по-разному: часть из них отражается от поверхности, некоторые лучи, преломляясь, входят в каплю, отражаются внутри неё несколько раз и выходят наружу [12, с. 11].

Рене Декарт для подтверждения своей теории использовал круглый стеклянный сосуд, наполненный водой и освещаемый световыми лучами, спроектировал макет большой капли. В опыте Декарт отметил, что в направлении к Солнцу макет капли излучает целый конус световых лучей с углом 42 градуса [7, с. 265]. «Солнце находится в части неба, обозначенной AFZ , а мой глаз – в точке E , и я помещал свой шар в BCD , его часть D казалась мне совершенно красной и значительно более яркой, чем остальное. Если я приближался к сосуду или удалялся от него и помещал его вправо или влево [от себя], или даже поворачивал вокруг своей головы, эта часть казалась все такой же красной, если только линия DE составляла угол около 42 градуса с линией EM , соединяющей центр глаза с центром Солнца» (рис. 2) [7, с. 267].

Благодаря своим наблюдениям и опытам Рене Декарт описал и формирование двух радуг: «первая радуга происходит от лучей, которые достигают глаза после двух преломлений и одного отражения, а вторая – от других лучей, которые его достигают лишь после двух преломлений и двух отражений: поэтому она не может быть такой яркой, как первая» [7, с. 267].

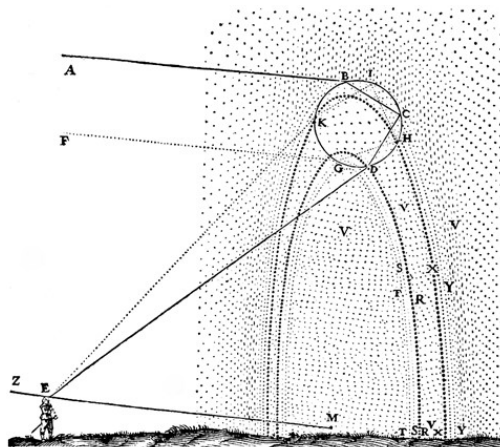


Рис. 2 / Fig. 2. Рисунок из работы Р. Декарта, поясняющий наблюдение радуги / A drawing by R. Descartes explaining the observation of the rainbow

Источник: [7, с. 267].

«...Должны существовать и точки в S и T , для которых линии, проведённые из E , составляют с EM более острые углы и которые образуют круги более слабой окраски; в этом и состоит первая и главная радуга. ... если угол MEX составляет 52 градуса, то в каплях, обозначенных X , должен появиться красный круг, а в каплях, обозначенных Y , – круги более слабых цветов. Они вызывают появление второй, побочной радуги» [7, с. 266].

Иначе говоря, можно увидеть явление радуги (многократно усиленный луч красного цвета), если наблюдатель будет стоять спиной к солнцу после дождя (под углом 42 градуса к солнечным лучам и 52 градуса), центр дуги которой будет находиться на продолжении прямой, идущей от солнца к наблюдателю (рис. 3). В геометрической оптике поведение лучей света описывают закон прямолинейного распространения света, законы отражения и преломления света на границе раздела двух сред. Лучи солнца (при построении первой радуги) претерпевают в каплях воды два преломления и одно отражение и возвращаются обратно к наблюдателю под углом в 42 градуса.

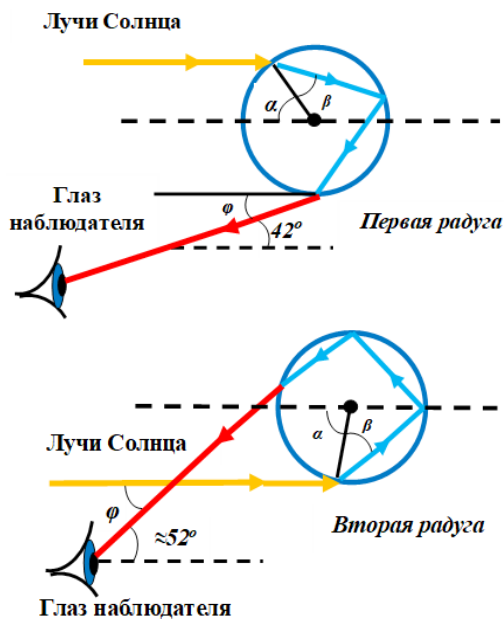


Рис. 3 / Fig. 3. Схема образования первой и второй радуги / A diagram of formation of the first and second rainbow

Источник: [12, с. 46–48].

Радуга как природное оптическое явление имеет форму окружности, высота которой зависит от положения Солнца в небе. Когда высота Солнца над горизонтом больше 42 градусов, радуга не видна. Радугу в половину окружности можно наблюдать, когда Солнце находится у линии горизонта. Полную окружность радуги удаётся увидеть только с высоты: на вершине горы, с небоскрёба, из кабины пилота или иллюминатора летящего самолёта.

Рене Декарт в опытах по преломлению побочно обнаружил, что лучи света разлагаются на цвета, работают подобно призме: «...оставалась ещё главная трудность, а именно – выяснить: почему ... лучи, о которых я говорил, дают различные цвета. Чтоб разрешить, я подумал: нет ли ещё какого-нибудь предмета, где цвета проявлялись бы подобным образом, чтобы, сравнив их между собой, я мог судить о причине этих цветов? Затем, вспомнив, что такие цвета можно видеть при помощи хрустальной призмы или треугольника, я рассмотрел такую призму...» [7, с. 268].

Философ предположил, что свет может быть разложен на составляющие цвета, но не смог это обосновать. Позже это осуществит Исаак Ньютон.

Подобно Аристотелю, Рене Декарт считал, что свет есть действия, распространяющиеся в среде, а не излучение от видимого предмета. В своих сочинениях Декарт, обобщив открытые ранее сведения о свете и дополнив результатами собственных наблюдений, описывает его свойства: свет распространяется мгновенно во все стороны вокруг светящихся тел по линиям – лучам света.

«Геометрия» Декарта предназначена, как он сам говорит в предисловии, не «для всех», а для естествоиспытателей, знакомых с работами по геометрии, тем самым используя в научном труде «доказанные истины», не повторяя их вновь. Только после гносеологических исследований Декарта стала возможной теория оптических приборов в области геометрической оптики (исключая явление дифракции). Геометрическая оптика после Декарта стала отделом геометрии. Теория интормиссии Декарта предполагала, что зрение исходит от объектов, которые отбрасывают копии самих себя, которые затем захватываются глазом.

Представления Исаака Ньютона о природе света

Исаак Ньютон является основоположником классической теоретической физики, обобщившим результаты исследований своих предшественников в систему знаний – «Ньютоновскую механику», размышления и концепции которой использовались и в его работах, посвящённых оптике¹. Ньютон писал в предисловии к труду «Математические начала натуральной философии», раскрывая цель своей научной методологии: «...сочинение это нами предлагается как математические основания физики. Вся трудность физики, как будет видно, состоит в том, чтобы по явлениям движения распознать силы

¹ Соломатин В. А. История науки: учебное пособие. М.: Инновационное машиностроение, 2018. С. 121.

природы, а затем по этим силам объяснить остальные явления... Было бы желательно вывести из начал механики и остальные явления природы» [8, с. 3].

Опыты и эксперименты Исаака Ньютона, позволившие раскрыть природу и теорию света, исходили из практических общественных потребностей. Так, первые телескопы не были лишены сферической и хроматической аберрации (погрешностей изображения, вызванных несовершенством оптических систем), и для устранения данного недостатка Ньютон предложил заменить рефракторы на отражающие телескопы (рефлекторы). В 1668 г. Исаак Ньютон спроектировал модель рефлектора, а тремя годами позже создал отражающий телескоп. Решение проблемы аберрации стало ключевым для последующих исследований Ньютона в теории света¹.

В 60-е гг. XVII в. Исаак Ньютон произвёл в Кембридже знаменитый опыт с треугольной призмой, в котором показал разложение солнечного света на стене комнаты (рис. 4).

Серия опытов позволила Ньютону сделать вывод, что треугольная призма разлагает солнечный свет на составляющие: белый солнечный свет неоднороден и включает в себя семь цветов спектра. Мыслитель полагал, что солнечный свет – это смесь лучей разных цветов, которые различаются между собой по степени преломления, а также каждому цвету соответствует поток частиц (корпускул) определённой скорости. Ньютон придерживался более философского направления. Он настаивал, что цвета лежат не в среде и не в объектах, а в световых лучах, и поскольку цвета являются качествами, сами лучи должны быть сделаны из материальной субстанции².

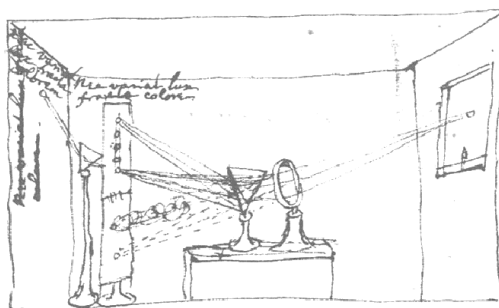


Рис. 4 / Fig. 4. Набросок Ньютоном своего решающего эксперимента / Newton's sketch of his crucial experiment

Источник: [13].

В 1704 г. была опубликована монография Исаака Ньютона «Оптика», которая определила развитие данной научной отрасли вплоть до начала XIX в. В книге Ньютон утверждал, что геометрическая природа отражения и преломления света может быть объяснена только в том случае, если свет состоит из частиц, потому что волны не имеют тенденции распространяться по прямым линиям. Исаак Ньютон утверждал новые методы «экспериментальной философии», базирующиеся при изучении природы на реальном эксперименте и методе индукции. Научный метод Ньютона – метод принципов [14, с. 216].

Метод Ньютона, представленный в «Оптике», являлся сочетанием анализа (понимаемого как «производство опытов и наблюдений, извлечение общих заключений из них посредством индукции и недопущение иных возражений против заключений, кроме полученных из опыта или других достоверных истин» [9, с. 13]) и синтеза. Его научные исследования основывались на фактах и опыте, Исаак Ньютон писал: «Моё намерение ... не объяснить свойства света гипотезами, но изложить и доказать их рассуждением и опытами...» [9, с. 13].

В своём труде Исаак Ньютон дал ряд определений, аксиом, теорем физики света, актуальных и по сей день. Например, он привёл определение лучей света – «... его мельчайшие части, как в их последовательном чередовании вдоль тех же линий, так и одновременно существующие по раз-

¹ Соломатин В. А. История науки: учебное пособие. М.: Инновационное машиностроение, 2018. С. 132.

² Ньютон Исаак [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/n-iuton-isaak-0f3dbe> (дата обращения: 20.08.2024).

личным линиям. Ибо очевидно, что свет состоит из частей как последовательных, так и одновременных, потому что в одном и том же месте вы можете остановить части, приходящие в один момент, и пропустить приходящие в следующий, и в одно и то же время вы можете остановить свет в одном месте и пропустить его в другом...» [9, с. 14].

Отражаемость лучей, по Ньютону, – это «... их расположение отражаться или возвращаться назад в ту же среду от другой среды, на поверхность которой они падают» [9, с. 15]. «Угол падения есть угол, образуемый линией, описываемой падающим лучом, с перпендикуляром к отражающей или преломляющей поверхности при точке падения» [9, с. 15]. Аксиомы Ньютона: «...углы отражения и преломления лежат в одной и той же плоскости с углом падения; ... угол отражения равен углу падения...» [9, с. 16]. Предложения Ньютона, доказанные опытом: «...Лучи, отличающиеся по цвету, отличаются и по степеням преломляемости...» [9, с. 26].

Теорема 1 Ньютона: «Солнечный свет состоит из лучей различной преломляемости. Доказательство опытами: ... поместил в очень тёмной комнате у круглого отверстия, около трети дюйма шириною, в ставне окна стеклянную призму, благодаря чему пучок солнечного света, входившего в это отверстие, мог преломляться вверх к противоположной стене комнаты и образовывал там цветное изображение солнца...» [9, с. 31]. Солнечный свет содержит все цвета спектра, а стеклянная призма лишь разделяет их, т. к. различные цвета по-разному преломляются стеклом.

Спектр солнечного света – непрерывный плавный переход цветов одного в другой от красного до фиолетового. Наиболее сильно преломляются фиолетовые лучи, слабее всего преломляется красный цвет. Красный цвет от фиолетового отличается частотой. Лучи фиолетового цвета имеют большую частоту, чем красные, поэтому преломляются сильнее красных, в связи с чем на экране в опыте Исаак Ньютон наблюдал непрерывную цветовую полосу.

Исследованное и открытое Ньютоном явление разложения света в спектр, обусловленное зависимостью показателя преломления от частоты света, имеет понятие *дисперсия*. Исаак Ньютон, изложив свою теорию цвета в «Оптике», использовал её для объяснения цветовой палитры радуги. Дав описание разложению белого света на цветовые компоненты при прохождении через стеклянную призму, он смог объяснить цветовую гамму радуги и порядок цветов в ней. В своём исследовании Ньютон называет лучи света, имеющие определённый цвет и угол преломления, однородными (в современной физике – монохроматическими) [11, с. 46].

Дождевая капля воды исполняет роль призмы из опытов как Ньютона, так и Декарта по разложению солнечного света на цветовые составляющие. Радужная дуга появляется из-за того, что световой луч после преломления в капле воды возвращается к наблюдателю под углом в 42 градуса (или 52 градуса), распадаясь на составляющие от красного до фиолетового цвета (рис. 5).

Первая самая яркая радуга хорошо наблюдается в направлениях, образующих угол в 42 градуса с линией, проходящей через центр Солнца и глаз наблюдателя (рис. 6). Менее различима следующая Вторая радуга в направлениях, составляющих угол 52 градуса с той же линией.

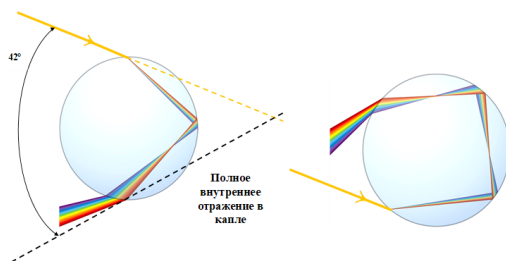


Рис. 5. / Fig. 5. Схема разложения луча света в капле на составляющие / A diagram of a light beam decomposition in a drop into components

Источник: Математическая составляющая / ред.-сост. Н. Н. Андреев, С. П. Коновалов, Н. М. Панюнин. 2-е изд., расш. и доп. М.: Математические этюды, 2019. 367 с.



Рис. 6. / Fig. 6. Явление радуги в природе / The rainbow phenomenon in nature

Источник: данные автора

Порядок расположения цветов в двух радугах разный. У первой радуги внутренняя часть окрашена в фиолетово-синий цвет, а внешняя – в красный. У второй радуги – порядок расцветки противоположный (внутреннюю часть составляет красная палитра, внешнюю – фиолетовая). В дополнение к этим двум радугам можно наблюдать также и многочисленные дополнительные световые лучи, расположенные внутри первой радуги, которые также находятся и за пределами второй радуги, но их яркость незначительна.

Теория света Ньютона основана на идее о существовании мелких частиц (корпускул), которые создают ощущение света на сетчатке глаза. Крупные частицы придают красный цвет, а мельчайшие частицы – фиолетовый. Законы оптики исследователя основываются на взаимодействии частиц материи и корпускул света. Исаак Ньютон полагал, что цветовые ощущения дают колебания эфира (упругой среды пространства, промежуточного состояния между светом и весомой материей): перемещаясь из одной среды в другую, частицы света отклоняются за счёт притяжения: маленькие фиолетовые – в большей степени, а большие красные – в меньшей. Ньютон схематично обозначил некоторые черты компромиссной теории, объединяющей волновые и корпускулярные представления.

Заключение

Декарт и Ньютон были учёными-философами, внёсшими большой вклад в развитие механической картины мира. Их исследования оказали существенное влияние на современную науку, осуществив новаторскую работу в области физики, наиболее заметную в области оптики. Декарт в области естествознания занимался геометрической оптикой. Наибольшее значение геометрическая оптика имеет для расчёта и конструирования оптических приборов – от очковых линз до сложных объективов и огромных астрономических инструментов. Главным достижением Рене Декарта стало изложение закона о преломлении света.

Исаак Ньютон преодолел известное противоречие между эмпиризмом и рационализмом в практике научных исследований. Научные исследования Ньютона основывались на фактах и опыте, как того требовали представители эмпиризма, но в то же время он применял и математические методы решения научных задач, а, следовательно, и дедуктивный метод мышления, к которому призывали представители рационализма.

Исаак Ньютон оказал существенное влияние на развитие теории оптических приборов благодаря ряду крупных открытий в оптике. Им была предложена новая теория оптики, основанная на идеях об излучении света объектами и корпускулярной природе света.

Декарт и Ньютон провозглашали новые связи философии и науки: ранее философскими познаниями практиковали философы, теперь к философии стали обращаться деятели частных наук, формулирующие на основе частно-научного знания философское мировоззрение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терехович В. Э. Действительно ли философия слишком важна для физики... // Метафизика. 2020. № 1 (35). С. 8–29. DOI: 10.22363/2224-7580-2020-1-8-29
2. Яновский М. И., Яновская Л. В. Аристотелизм как основа западной картины мира // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 29. № 4. С. 402–412. DOI: 10.35634/2412-9550-2019-29-4-402-412

3. Лебедев С. А., Ребрищев В. Д. Философские основания классической, неклассической и постнеклассической науки // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 57–66.
4. Брекоткина И. П. Рационализм Нового времени и гносеологические представления Рене Декарта // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. № 3. С. 237–243. DOI: 10.35634/2412-9550-2020-30-3-237-243
5. Игнатова Н. Ю. Философская фигура Декарта в отечественной философии XX века // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 179–192. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-2-179-192
6. Давыдова А. М. История формирования современной теории тяготения // Colloquium-journal. 2019. № 1 (25). С. 37–38.
7. Декарт Р. Рассуждение о методе: с приложениями. Диоптрика, метеоры, геометрия / под ред., пер. Г. Г. Слюсарева, А. П. Юшкевича. М.: Издательство академии наук СССР, 1953. 657 с.
8. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 711 с.
9. Ньютон И. Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. М.: Л.: Государственное издательство, 1927. 371 с.
10. Кузин В. И. Что такое философия? // Идеи и идеалы. 2023. № 1. С. 11–34. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-11-34
11. Варламов С. Д. Почему радуги бывают разными // Квант. 2013. № 1. С. 46–48.
12. Панов А. Радуга Декарта-Ньютона-Юнга // Квант. 2016. № 3. С. 10–14.
13. Fara P. Newton shows the light: a commentary on Newton (1672) 'A letter ... containing his new theory about light and colours...' // Philosophical Transactions of the Royal Society. 2015. Vol. 15. Iss. 2039. DOI: 10.1098/rsta.2014.0213
14. Князев В. Н. Исаак Ньютон: учёный и мыслитель (к 375-летию со дня рождения) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 1 (17). С. 215–220.

REFERENCES

1. Terekhov, V. E. (2020). Does philosophy really important to physics to leave it for the request of philosophes? In: *Metaphysics*, 1 (35), 8–29. DOI: 10.22363/2224-7580-2020-1-8-29 (in Russ.).
2. Yanovsky, M. I. & Yanovskaya, L. V. (2019). Aristotelianism as the Basis of the Western World View. In: *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 29 (4), 402–412. DOI: 10.35634/2412-9550-2019-29-4-402-412 (in Russ.).
3. Lebedev, S. A. & Rebrishchev, V. D. (2024). Philosophical foundations of classical, non-classical and post-non-classical science. In: *Modern philosophical studies*, 1, 57–66 (in Russ.).
4. Brekotkina, I. P. (2020). Modern Rationalism and epistemological ideas of Rene Descartes. In: *Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 3, 237–243. DOI: 10.35634/2412-9550-2020-30-3-237-243 (in Russ.).
5. Ignatova, N. Yu. (2023). The Philosophical Figure of Descartes in Domestic Philosophy of the XX Century. In: *Bulletin of Tula State University. Humanities*, 2, 179–192. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-2-179-192 (in Russ.).
6. Davydova, A. M. (2019). The History of the Formation of the Modern Theory of Gravitation. In: *Colloquium-journal*, 1 (25), 37–38. (in Russ.).
7. Descartes, R. (1953). Discourse on the Method: with Appendices. Dioptrics, Meteors, Geometry. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russ.).
8. Newton, I. (1989). *Mathematical Principles of Natural Philosophy*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
9. Newton, I (1927). *Optics, or a Treatise on Reflections, Refractions, Bendings, and Colors of Light*. Moscow, Leningrad: State Publishing House (in Russ.).
10. Kuzin, V. I. (2023). What is Philosophy? In: *Ideas and Ideals*, 1, 11–34. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-11-34 (in Russ.).
11. Varlamov, S. D. (2013). Why Rainbows Are Different. In: *Quantum*, 1, 46–48. (in Russ.).
12. Panov, A. (2016). Descartes-Newton-Young Rainbow. In: *Quantum*, 3, 10–14 (in Russ.).
13. Fara, P. (2015). Newton shows the light: a commentary on Newton (1672) 'A letter ... containing his new theory about light and colours...' In: *Philosophical Transactions of the Royal Society*, 15 (2039). DOI: 10.1098/rsta.2014.0213
14. Knyazev, V. N. (2018). Isaac Newton: Scientist and Philosopher (towards 375th Anniversary of His Birth). In: *Economic and Social-Humanitarian Studies*, 1 (17), 215–220 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадеева Елена Александровна (г. Пенза) – доктор технических наук, профессор кафедры радиотехники и радиоэлектронных систем, кафедры экономики и финансов Пензенского государственного университета;

e-mail: badeeva_elena@mail.ru

Кириллов Герман Михайлович (г. Пенза) – доктор философских наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Пензенского государственного университета;

e-mail: gekir10@mail.ru

Бадеев Владислав Александрович (г. Пенза) – лаборант-исследователь научно-технического центра «Нанотехнологии волоконно-оптических систем» кафедры приборостроения Пензенского государственного университета;

e-mail: vladbadeev4464@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Badeeva (Penza) – Dr. Sci. (Engineering), Prof., Department of Radio Engineering and Radioelectronic Systems, Department of Economics and Finance, Penza State University;

e-mail: badeeva_elena@mail.ru

German M. Kirillov (Penza) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University;

e-mail: gekir10@mail.ru

Vladislav A. Badeev (Penza) – Laboratory Assistant Researcher, Scientific Research Center “Nanotechnology of Fiber-Optic Systems”, Department of Instrument Engineering, Penza State University;

e-mail: vladbadeev4464@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 179.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-33-39

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ГУМАНИЗМ VS ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ)

Бондарева Я. В.*, **Жаворонкова Г. А.**

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: bondareva.iana@yandex.ru*

Поступила в редакцию 11.11.2024

После доработки 18.11.2024

Принята к публикации 29.11.2024

Аннотация

Цель. В статье даётся характеристика основных трансформационных особенностей современных социальных взаимоотношений, связанных с коррозией идеи гуманизма, тенденцией потери человеком своей идентичности и отчуждением от своей сущности.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов классификации и сравнительного анализа.

Результаты. Установлено, что новая социальная реальность неразрывно связана с цифровой революцией, которая не только породила идеи трансгуманизма, но и повлияла на практические изменения человека как биологического существа. Глубинные трансформации связаны с воздействием информации на сознание и память людей. Заменой реальных форм общения между людьми становится блоггерство как общение с виртуальным искусственным субъектом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Авторы статьи приходят к выводу, что современная социальная реальность – это становление цифрового человека и цифрового общества как проявления псевдогуманизма.

Ключевые слова: блоггерство, виртуальная революция, гуманизм, псевдогуманизм, робототехника, трансгуманизм, цифровой человек

Для цитирования:

Бондарева Я. В., Жаворонкова Г. А. Формирование новой социальной реальности (гуманизм vs искусственный интеллект) // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 33–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-33-39>

Original research article

THE FORMATION OF A NEW SOCIAL REALITY (HUMANISM VS ARTIFICIAL INTELLIGENCE)

Ya. Bondareva*, **G. Zhavoronkova**

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: bondareva.iana@yandex.ru*

© CC BY Бондарева Я. В.*, Жаворонкова Г. А., 2025.

Received by the editorial office 11.11.2024

Revised by the author 18.11.2024

Accepted for publication 29.11.2024

Abstract

Aim. The article provides a description of the main transformational features of modern social relationships associated with the collapse of humanism, the tendency for a person to lose his identity and alienate himself from his essence.

Methodology. The work was carried out on the basis of a systematic approach using classification and comparative analysis methods.

Results. It was established that the new social reality is inextricably linked with the digital revolution, which gave rise not only to the ideas of transhumanism, but also influenced the practical changes of man as a biological being. Deep transformations are associated with the impact of information on the consciousness and memory of people. Blogging as communication with a virtual artificial subject is becoming a replacement for real forms of communication between people.

Research implications. The authors of the article come to the conclusion that modern social reality is the formation of a digital person and a digital society as a manifestation of pseudo-humanism.

Keywords: humanism, virtual revolution, transhumanism, blogging, robotics, digital human, pseudo-humanism

For citation:

Bondareva Ya. V., Zhavoronkova G. A. (2025). The Formation of a New Social Reality (Humanism vs Artificial Intelligence). In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, pp. 33–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-33-39>

Введение

Характерными чертами нашего времени являются коррозия идеи гуманизма, потеря человеком своей идентичности, когда он выполняет чуждые ему обязанности.

Гуманизм в различные эпохи рассматривался по-разному. Так, Конфуций считал человеколюбие (Жэнь) высшим мерилom человечности, вокруг которого было построено золотое правило нравственности. Древнекитайские философы Мо-цзы, Сюнь-цзы утверждали, что долг и человеколюбие – базовые человеческие качества [1]. Античные философы гуманизмом называли единство человека с природой, а мыслители эпохи Возрождения наделяли этим понятием духовные общечеловеческие ценности. Высшие человеческие качества реализуются в преемственности поколений в форме духовной культуры [2].

Но наибольшей глубины понятие гуманизма достигло в идеях просветителей, которые ставили знак равенства между личным интересом человека и интересами общества, а И. Кант вообще объявил сущность гуманизма человека абсолютной ценностью [3].

В поисках социальной составляющей гуманизма марксизм открыл её в преодолении разных форм отчуждения, пронизывающего общество социальной несправедливости.

Основные пути формирования трактовок гуманизма

Проведя анализ трактовок гуманизма, можно выделить следующие пути его понимания: как вид культуры, как мировоззренческую установку, как способ поведения человека в обществе или как свойство человеческих отношений.

Роль цифровой революции и искусственного интеллекта в создании новой социальной реальности. Современный этап развития общества с полным основанием можно охарактеризовать как виртуальную, или цифровую, революцию, а XXI в. – веком интернета, который можно назвать бездуховным интеллектом. Сегодня цифровые технологии проникают во все сферы жизнедеятельности человека, создавая новую реальность – псевдогуманизм.

Высокие темпы развития интернета привели к глубинным переменам в духовных сферах общества прежде всего на основе гуманизма – к преодолению пороков общества и социальной несправедливости, ограничивая свободу духовного развития человека. Современная цифровая революция направлена на антропологические изменения человека как биологического существа, толкая человечество к отрицательным эволюционным последствиям. Искусственный интеллект сегодня применяется во многих сферах социальной жизни. В медицине он используется для диагностики заболеваний, разработки новых лекарств и лечения пациента, в финансовом секторе он помогает прогнозировать риски, в производственной сфере он используется для оптимизации процессов повышения качества продукции, в транспорте – для управления логистическими системами, транспортными средствами, в образовании – в целях персонализации обучения.

Однако, несмотря на все преимущества, искусственный интеллект имеет свои ограничения. Поэтому большинство исследователей утверждают, что он не может стимулировать сложные процессы человеческого разума, а может пролить свет только на отдельные его сферы и принятие решений. В настоящее время искусственный интеллект способен выполнять узкие задачи, которые требуют интеллектуальных возможностей. Но даже самые передовые системы искусственного интеллекта не обладают ни сознанием, ни индивидуальным опытом, которые лежат в основе человеческого разума и сознания. Человек располагает уникальными способностями анализировать текст, принимать решения, критически мыслить, принимать ответственность, а искусственный интеллект обладает скоростью обработки данных и вычислительной мощностью. Симбиоз человека и искусственного интеллекта означает их сотрудничество с целью достижения общего преимущества, что позволяет создавать более совершенные инновационные технологии, решать сложные задачи, улучшать процессы и наиболее оптимально выходить из сложившихся ситуаций.

В последнее время огромных успехов достигли нано- и биотехнологии, которые способны не просто оцифровывать отдельные органы человеческого тела, но и закладывать основы человеческого клонирования и бессмертия. Но эти технологические возможности влекут за собой глобальные этические проблемы. Ещё Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др. определяли XXI в. «веком биотехнологий». Они доказывали, что использование новейших технологий в биологии приведёт к генетической коррекции, что пагубно скажется на человеке как природном существе и на будущем человеческого рода. Человек станет объектом генетических манипуляций на базе конструирования человеческого организма [4; 5; 6].

Сегодня мы уже имеем дело с новым видом оружия – информационным, при помощи которого могут осуществляться разные манипуляции с человеком: от криминальных действий до террористических. Объектом этого оружия становятся военная и экономическая сферы. Но главная опасность информационных технологий – это трансформации в духовной и культурной основе человека и общества, связанные с падением функциональных общечеловеческих нравственных ценностей.

Значение виртуальной революции в формировании общества как техногенной системы. Виртуальную революцию начинают определять как этап развития общества, в процессе которого человек становится винтиком бездуховного интеллекта, а общество превращается в техногенную систему, лишённую гуманности и вообще человеческой идентичности.

Эволюция человечества породила формирование концепции трансгуманизма. В 1927 г. Дж. Хаксли выдвинул эту концепцию трансгуманизма, в основе которой лежит идея ликвидации биологических несовершенств физических органов человека. Дж. Хаксли, который утверждал, что с развитием наномедицины, наноимплантологии, сверхмощных информационных технологий интересы трансгуманистов охватили не только телесные, но духовные и социальные сферы, т. е. биосоциальная диада уступила

место биосоциотехнической с возможностями использования геной инженерии и компьютерных технологий [7]. Конечно, овладев возможностями избавления от тяжёлых наследственных и физических заболеваний, человек становится сильнее. Но можно ли делать человека продуктом биологической инженерии и нейротехнологий, т. е. посягать на звание создателя человечества? Мы абсолютно согласны с Л. Е. Моториной в том, что человечество обязано вырабатывать критерии допустимых границ влияния в человеческую природу [8]. Должны быть как обоснованы любые улучшения человеческого организма, так и представлены фундаментальные антропологические критерии, установлены социальные табу.

Кроме физического бытия, человек обладает внутренним миром, наполненным стремлениями, желаниями, интересами, ценностями, где он организует только своё окружающее пространство. Сочетание телесного, социального и духовного в единстве внутреннего и внешнего миров – необходимое условие целостности человека. Но виртуальная реальность ломает эту целостность, смешивая эти начала и миры, что ведёт к существованию разрозненных фрагментов целостности человека [9].

Благодаря цифровой революции стало возможно получить мгновенный доступ человека к любой информации. Ненужность хранить информацию в памяти долгое время ведёт к атрофии этой способности человека. Материал, который требует запоминания, у детей практически не задерживается в памяти. А снижение необходимости в её развитии влечёт за собой снижение уровня интеллектуальных способностей. Когда была открыта возможность хранить определённую информацию в облаке и в цифровых носителях, появилась ещё одна проблема сознания человека – нежелание анализировать и обобщать заложенную информацию, а использовать только её фрагменты, т. е. целостную картину как бы заменять её отдельным пазлом. Так происходят деградирующие процессы в работе мозга человека – он «впадает в спячку», перестаёт думать и творить [10].

Информационные и коммуникативные технологии способствовали анонимности общения и свободе трансляции разных роликов, связанных с компьютерными играми, несущих безнаказанность и безответственность за убийства и абсолютную безнравственность, доводящую до призывов к терроризму и суициду, которые породили проблемы национальной и психической безопасности. Кроме этого, появляются новые формы мошенничества и столкновений, связанных с необходимостью защиты личной информации и свободы доступа к ней [11].

Для того, чтобы «запустить» мышление человека, необходимо не менее, чем на 20–25 минут отключить доступ к интернету. Но чаще всего дети не хотят мыслить так долго самостоятельно, в связи с чем происходит дегградация мозговой деятельности человека, с которой связана проблема разрушения социальных отношений. В процессе эволюции мозговой деятельности сформировалась необходимая для человека социальная система, без которой человек – ансамбль общественных отношений – не стал бы человеком. Сокращение этих отношений чревато потерей человеческих качеств в человеческом существе.

Кроме этого, эмоциональные реакции человека также изменяются в связи с его цифровой зависимостью. Глубокие общечеловеческие чувства – сострадание, взаимопомощь, любовь, дружба, совесть, справедливость и др. – начинают превращаться в пустой звук, т. к. человек не ощущает реальных реакций от других людей. Начинает превалировать одно чувство – удовольствие. Это чувство рождается, прежде всего, при получении новой порции информации. Для того, чтобы начала нормально функционировать дефолт-система мозга, нужно дозированно получать информацию и увеличивать количество реального социального общения. Поэтому возрастает роль процессов воспитания и в семье, и в системах школьного и профессионального научного образования, где будут культивироваться коллективные формы познавательных про-

цессов путём диалогических форм общения и сотрудничества.

Новый импульс придали гуманизму марксисты, превратив его в идеал построения нового общества – реального гуманизма и истинной социальной справедливости путём преодоления отчуждения. Анализируя трактовки гуманизма, можно говорить, что его считают видом культуры, мировоззренческой установкой, лежащей в основе способа поведения, положения человека в обществе и, собственно, его свойством.

Глобализация влияет на трансформации в духовных сферах общества, рассматривая системы ценностей, которые лежат в основе формирования личности.

Творчество – это саморазвитие, самовоспитание, самопознание, самосознание, саморегуляция человека в процессе творения им внешних материальных и духовных явлений.

Самосовершенствование – это комплексное явление, которое включает в себя осмысление своей деятельности, социального управления волевых усилий, физической и умственной энергии человека, которая проявляется в процессе общения и профессионального сотрудничества. Сегодня человек может мгновенно получить не только доступ к любой информации, но и хранить её на сервере цифровых носителей, что разрушает потребность в запоминании, то есть в состоянии удержания её в памяти. Потребность в развитии памяти резко снижает прямую нагрузку на мозг. Полученная информация фрагментирована. Современные знания молодёжи сегодня похожи на калейдоскоп, который молниеносно снимает целостную картинку, а в следующую секунду распадается на другие фрагменты.

Блогосфера и современные процессы цифровизации порождают огромное количество проблем. Так, коммуникации – социальный механизм, реализующий управление в обществе. В 2011 г. в закон «О СМИ» были внесены дополнения – зарегистрирован в качестве СМИ термин «сетевое издание» для сайтов интернета, а разработчики интернет-ресурсов получили статус редак-

ции. Новым сетевым видом распространения информации является блогерство.

Внедрение интернета открывает новую эпоху в развитии коммуникации: во много раз увеличивается её интенсивность, ограничиваются прямые межличностные коммуникации, которые переводятся в виртуальную реальность.

Совокупность всех блогов образует Блогосферу. На данный момент их насчитывают более ста миллионов. Друзей подписчиков именуют «френдами». Эта аудитория анонимна. Блогинг более всего востребован у людей до 35 лет потому, что блоги стали модной сферой коммуникации у молодёжи, которая нацелена на свой карьерный рост, и ведение блога способствует получению доходов.

Блогерство как инструмент социально-коммуникации выполняет следующие функции:

- информационную;
- экспрессивную;
- прагматическую, побуждающую к высказыванию личного мнения;
- социальную, влияющую на мировоззрение, взгляды, нормы морали, ценности;
- интерпретивную, позволяющую понимать партнёра;
- коммуникативную, знакомящую с интересными людьми;
- самопрезентационную, выражающую интересы блогера / собеседника;
- развлекательную, связанную с получением обратной связи;
- расширения полезных контактов;
- саморазвития и рефлексии на основе вживания в различные роли;
- предложения товаров и услуг [2].

Проанализировав основные виды и функции блогинга, можно утверждать, что сегодня он становится процессией и основным средством заработка, хотя блогер продвигает то, в чём очень часто не является специалистом, а иногда вообще и не понимает того, что предлагает. Чаще всего поводом «идти в блогеры» является понимание, «что ты ничего не знаешь и ничего не умеешь», что очень импонирует молодёжи. Но, кроме положительных сторон

блогинга, есть множество отрицательных сторон этого социального явления. К главным его недостаткам относятся возможность манипулирования общественным мнением, провокация людей. Кроме всего, блогерство требует больших временных затрат, которые ничего полезного не дают, а искусственный интеллект позволяет молниеносно обрабатывать информацию в большом объеме за короткое время. Искусственный интеллект может автоматизировать повторяющиеся процессы в поисках закономерностей в их данных, тем самым освобождая человека от рутинной монотонной работы, позволяя ему сосредоточиться на творческих процессах.

Развитие робототехники. Серьёзные проблемы возникают в обществе в связи с бурным развитием робототехники, т. е. монополизацией на создание искусственного интеллекта, которые могут привести к катастрофическим последствиям. Так, искусственный интеллект может столкнуться с трудностями в понимании сложного контекста или контекста, смысл которого выходит за границы его программирования [13, с. 174].

Это открывает дорогу для новых открытий и прорывов в разных сферах. Например, в медицине – помочь поставить быстро правильный диагноз заболевания, выявить риски, поддержать хирурга в процессе оперативного вмешательства; в транспорте – не допустить эмоционально непредсказуемых ситуаций в самоуправляемых автомобилях, где водитель – это

лишь наблюдатель или контролёр. Такое партнёрство позволяет создать безопасные транспортные системы. Использование искусственного интеллекта позволяет обеспечить круглосуточное оперативное производство или обслуживание. Роботы могут выполнять тяжёлые монотонные работы, не испытывая усталости, а человек – только контролировать процессы, связанные с деятельностью робототехники. Особое внимание в симбиозе человека и искусственного интеллекта требуют способы обеспечения безопасности шифрования.

На сегодняшний момент полноценного искусственного интеллекта не существует. Он не способен создавать что-то новое, чего ранее не было, т. е. искусственный интеллект – не заменитель творческой личности.

Заключение

Очевидно, что спустя определённое время современные технологии настолько шагнут вперёд, что искусственный интеллект станет тем, от чего человечество не сможет отказаться. Если человеческий род не сможет подготовиться к этому, общество будет поставлено перед лицом неуправляемого искусственного интеллекта, с которым он не сможет справиться [5]. Поэтому научиться использовать искусственный интеллект только в своих целях, для решения только человеческих проблем, уметь сдерживать свои потребности в рамках дозволенного – насущная задача современного человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митькина С. А. Категория гуманности в китайской культурно-философской традиции // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 300–337. DOI: 10.17805/zpu.2015.2.35
2. Аралова Е. В. Духовность и гуманизм эпохи Возрождения // Власть. 2015. № 3. С. 48–52.
3. Чижов П. Г. Дух гуманизма в философии И. Канта // Общечеловеческое и национальное в философии: Кантовские чтения в КРСУ, 22 апреля 2004 г.; II международная научно-практическая конференция КРСУ, 27–28 мая 2004 г.: материалы выступлений / под общ. ред. И. И. Ивановой. Бишкек: Кыргызско-Российский славянский университет, 2004. С. 92–95.
4. Моторина Л. Е. Методологический потенциал фундаментальных антропологических констант // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2016. № 1 (27). С. 19–28.
5. Хайдеггер М. К философии (О бытии). М.: Институт Гайдара, 2020. 636 с.
6. Ясперс К. Переступить черту: истории о моих. М.: Алгоритм, 2024. 446 с.
7. Хаксли Дж. Удивительный мир эволюции / пер. Д. Сухарева. М.: Мир, 1971. 110 с.
8. Моторина Л. Е. Методологический потенциал фундаментальных антропологических констант // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2016. № 1 (27). С. 19–28.

9. Платошина В. В. Смысл жизни человека в философии трансгуманизма // Наука. Техника. Человек: исторические, мировоззренческие и методологические проблемы. 2022. Т. 1. № 12. С. 174–178.
10. Петров С. Т. Цифровая революция. Цифровая экономика. Цифровая ноосфера. М.: Перо, 2022. 60 с.
11. Самойленко Е. В., Трунов А. И. Цифровизация человека: расцвет интеллектуальности или деградации? // Наука. Техника. Человек: исторические, мировоззренческие и методологические проблемы. 2022. Т. 1. № 12. С. 186–190.
12. Абилюкенова В. А. Станет ли блогерство профессией? (Блогерство – новый феномен среди профессий?) // Вестник прикладной этики. 2022. № 59. С. 141–156.
13. Тегмарк М. Жизнь 3.0: быть человеком в эпоху искусственного интеллекта / пер. Д. Баяк. М.: Corpus, 2019. 552 с.

REFERENCES

1. Mitkina, S. A. (2015). The Category of Humanity in Chinese Cultural and Philosophical Tradition. In: *Knowledge. Understanding. Skill*, 2, 300–337. DOI: 10.17805/zpu.2015.2.35 (in Russ.).
2. Aralova, E. V. (2015). Spirituality and Humanism in the period of Renaissance. In: *Authority*, 3, 48–52. (in Russ.).
3. Chizhov, P. G. (2004). The Spirit of Humanism in the Philosophy of I. Kant. In: *The Universal and the National in Philosophy: Kantian Readings at KRSU, April 22, 2004; II International Scientific and Practical Conference of KRSU, May 27–28, 2004: materials of presentations*. Bishkek, Kyrgyz-Russian Slavic University Publ., pp. 92–95 (in Russ.).
4. Motorina, L. E. (2016). Methodological Potential of the Fundamental Anthropological Constants. In: *Human Being: Image and Essence Humanitarian Aspects*, 1 (27), 19–28. (in Russ.).
5. Heidegger, M. (2020). *Toward Philosophy (On Being)*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (in Russ.).
6. Jaspers, K. (2024). *Crossing the Line: Stories about Mine*. Moscow: Algorithm Publ. (in Russ.).
7. Huxley, J. (1971). *The Amazing World of Evolution*. Moscow: Mir Publ. (in Russ.).
8. Motorina, L. E. (2016). Methodological Potential of Fundamental Anthropological Constants. In: *Human Being: Image and Essence Humanitarian Aspects*, 1 (27), 19–28 (in Russ.).
9. Platoshina, V. V. (2022). The Meaning of Human Life in the Philosophy of Transhumanism. In: *Science. Technology. Man: Historical, Ideological and Methodological Problems*, 1 (12), 174–178. (in Russ.).
10. Petrov, S. T. (2022). *Digital Revolution. Digital Economy. Digital Noosphere*. Moscow: Pero Publ. (in Russ.).
11. Samoylenko, E. V. & Trunov, A. I. (2022). Digitalization of Man: the Flourishing of Intellectuality or Degradation? In: *Science. Technology. Man: Historical, Ideological and Methodological Problems*, 1 (12), 186–190 (in Russ.).
12. Abilkenova, V. A. (2022). Will Blogging Become a Profession? (Blogging – a New Phenomenon among Professions?). In: *Vedomosti Applied Ethics*, 59, 141–156. (in Russ.).
13. Tegmark, M. (2019). *Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence*. Moscow: Corpus Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Жаворонкова Галина Анатольевна (г. Москва) – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: zhavoronkova.1974@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Galina A. Zhavoronkova (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: zhavoronkova.1974@inbox.ru

Научная статья

УДК 321.01

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-40-54

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАЦИЗМА И БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА: ФИНАНСЫ И ЭКСПАНСИЯ

Зубов В. В.^{1,2*}, Филиппов А. Р.³

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

²Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация

³Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: zubov305@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.09.2024

После доработки 11.09.2024

Принята к публикации 23.09.2024

Аннотация

Цель. Раскрытие особенностей и пределов влияния политической философии национал-социализма на функционирование немецкой банковской системы времён Третьего рейха.

Процедура и методы. Использованы дискурсивный метод, кластеризация, экстраполяция, историческая ретроспектива, сравнение и сопоставление источников, критико-концептуальный анализ.

Результат. Установлено, что заметное влияние на функционирование банковской системы Третьего рейха оказал праксиологический блок национал-социалистической философии, связанный с воплощением идеи единого преобразования социополитического ландшафта. Резюмируется также, что проникновение политической философии национал-социализма в банковскую сферу, являющееся частным случаем имплементации праксиологической доктрины Gleichschaltung, не носило всеобщего характера.

Теоретическая и/или практическая значимость. В российском гуманитарном знании положено начало изучению проблемы философских основ банковской деятельности сквозь призму немецкой социально-политической истории XX столетия.

Ключевые слова: банковская система, банковское регулирование, Германия, милитаризм, политическая философия, метафизика власти, Gleichschaltung

Для цитирования:

Зубов В. В., Филиппов А. Р. Политическая философия нацизма и банковская система Третьего рейха: финансы и экспансия // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 40–54. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-40-54>

Original research article

POLITICAL PHILOSOPHY OF NAZISM AND THE BANKING SYSTEM OF THE THIRD REICH: FINANCE AND EXPANSION

V. Zubov^{1,2*}, A. Filippov³

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

²Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow, Russian Federation

© CC BY Зубов В. В., Филиппов А. Р., 2025.

³Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: zubov305@yandex.ru

Received by the editorial office 04.09.2024

Revised by the author 11.09.2024

Accepted for publication 23.09.2024

Abstract

Aim. To reveal the features and limits of the political philosophy of National Socialism influence on the functioning of the German banking system during the Third Reich.

Methodology. The discursive method, clustering, extrapolation, historical retrospective, comparison of sources, critical-conceptual analysis were used.

Results. It has been established that the praxeological block of National Socialist philosophy, associated with the implementation of the idea of a uniform transformation of the sociopolitical landscape, had a noticeable influence on the functioning of the banking system of the Third Reich. It is also summarized that the penetration of the political philosophy of National Socialism into the banking sector, which is a special case of the implementation of the praxeological doctrine of Gleichschaltung, was not universal.

Research implications. in Russian humanitarian knowledge, a beginning has been made to study the problem of the philosophical foundations of banking through the prism of German social-political history of the XX century.

Keywords: banking system, banking regulation, Germany, militarism, political philosophy, metaphysics of power, Gleichschaltung

For citation:

Zubov, V. V. & Filippov, A. P. (2025). Political Philosophy of Nazism and the Banking System of the Third Reich: Finance and Expansion. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, pp. 40–54. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-40-54>

Введение

Печальный опыт существования гитлеровской Германии, повлёкший за собой крупнейшее вооружённое столкновение в Европе в XX столетии, ещё долгое время будет предметом пристальной политико-философской рефлексии в общемировом дискурсе. Итоги Нюрнбергского процесса и получивший широкое освещение в прессе суд над Адольфом Эйхманом предопределили аподиктическое принятие антецедента нацизма и консеквента человеконенавистничества, соединённых Х. Арендт в метафорическую импликацию архетипа зла: «зло в своей абсолютной форме» [1, с. 31], которое «уже нельзя вывести из каких-либо по-человечески понятных мотивов» [1, с. 31], зло, утратившее «тот признак, по которому большинство людей его распознают – оно перестало быть искушением» [2, с. 224].

Тем не менее эмоциональные отголоски Второй мировой войны по мере естествен-

ного ухода невольных участников и жертв тех событий постепенно снижают остроту и подталкивают к критической ревизии заложенных смыслов и гипостазированных понятий. Возникает потребность в осмыслении обоснованности идеально-типических конструкций философского знания в свете их стыковки с исторической фактологией.

Определение нацистского режима как тоталитарного государства, получившее априорное признание в научном сообществе, закладывает экстремальную референцию всеобщности и всеохватности национал-социализма, свидетельствует о том, что политизация немецкого общества по лекалам нацистского истеблишмента затронула все сферы социальной организации.

Как указывает Э. Джентиле, тоталитаризм, к которому исследователь, безусловно, относит нацистский режим, представляет собой «опыт политического господства, осуществляемого тем или иным револю-

ционным движением и утверждаемого посредством партии с военной дисциплиной; во главу угла ставится идея народного единства, предполагающая монополию на власть и после завоевания этой власти предусматривающая радикальное преобразование прежнего режима, достигаемое законными и незаконными путями, или его полное упразднение и затем создание нового государства, основанного на господстве одной партии, основная задача которой – полное завоевание общества, то есть установление строгой социальной иерархичности и даже формирование однородного и целостного общественного единства, достигаемого с помощью идеологических понятий, мифов и ценностей, исповедующих идею народного возрождения и формирующих своеобразную политическую религию, цель которой – радикальное “антропологическое” преобразование индивида и общества путём “антропологической революции”, создание нового человека, души и телом преданного революционным идеям и замыслам тоталитарной партии, стремящейся к созданию новой цивилизации, сверхнациональной по своей природе» [3, с. 135]. При этом к методам тоталитарного господства Э. Джентиле относит не только принуждение, «осуществляемое посредством насилия, подавления, террора» [4, с. 157], но и демагогию, включающую в себя пропаганду и политическую мобилизацию, тоталитарную педагогику, а также социальную дискриминацию [4, с. 157–158].

Однако, как видится, предусматриваемые амбиции на всепоглощающее господство, которые закладываются в концептуализацию тоталитаризма, в масштабах действительной политики натываются на препону в виде невозможности построения системы тотального контроля, которая де-факто остаётся лишь умозрительной асимптотой.

По нашему убеждению, характерным примером, демонстрирующим относительность тотальности нацистского режима, является исторический опыт функционирования банковской системы Третьего рейха, которая, несмотря на прочное вплетение в механизмы милитаризации Германии пла-

нового типа, не была всецело подчинена диктату национал-социалистической машины и одноименного мировоззрения.

Для обоснования выраженной в предыдущем абзаце позиции необходимо, на наш взгляд, соотнести политическую философию национал-социализма с немецкой банковской системой и на основе ретроспективы функционирования последней установить пределы влияния политико-философских начал нацизма на трансформации немецкого банкинга, связанные со сменой курса в сторону однопартийной расовоцентричной диктатуры.

Таким образом, целью настоящей публикации является раскрытие особенностей и пределов влияния политической философии национал-социализма на функционирование немецкой банковской системы времён Третьего рейха.

К задачам, направленным на достижение цели, относятся дробная характеристика элементов политической философии национал-социализма, очерчивание историко-фактологического абриса функционирования германской банковской системы времён господства гитлеровского режима, стыковка постулатов нацистской политической философии с ведущими тенденциями развития немецкого банкинга в период Третьего рейха.

Методологический базис настоящей статьи составили дискурсивный метод, кластеризация, экстраполяция, историческая ретроспектива, сравнение и сопоставление источников, критико-концептуальный анализ.

Политическая философия в целом и политическая философия нацизма в частности

Политическая философия подлежит двоякому раскрытию – теоретико-политологическому и прикладному. В теоретико-политологическом отношении политическая философия – это наивысший (глубинный) уровень политического сознания, оперирующий «предельно общими категориями, такими как "порядок", "справедливость", "свобода", "равенство" и пр.»

[5, с. 21], результат «рефлексии о сущности и принципах функционирования» [5, с. 21] политического мира.

В прикладном плане политическая философия представляет собой базисные концептуальные положения какого-либо политического движения, лежащие в основу его идеологического фундамента и рассматривающие политику посредством наднациональных и кросс-темпоральных абстракций.

Политическая философия, как было нами замечено в ранних материалах, отграничивается от политической идеи, политической теории и политической идеологии.

Политическая идея – это любая единичная политически значимая мысль, выраженная в форматах мнения, утверждения, гипотезы и пр. Политическая теория – это структурированный набор политических идей, объединённых и обобщённых на базе общих принципов и исходных установок, актуальных непосредственно для данной теории. Политическая идеология – это система социально значимых взглядов и идей, направленная «на действительный политический процесс, в ходе которого должно произойти преобразование реальности» [5, с. 21]. Она состоит из таких компонентов, как «эмоциональная составляющая, этические оценки, аксиоматика, догматика, стереотипы, рациональное убеждение благодаря логическим приёмам и умозаключениям» [6, с. 133].

Политическая философия в её наиболее общем виде подразделяется на следующие срезы:

– онтический (метафизический) пласт – умопостижение политики в категориях трансцендентного порядка, высвечивающих существо феномена власти и суть властеотношений как нечто большее, нежели сведение политики к натурализованным средствам властвования, таким, как открытое принуждение (использование прямого физического или морально-психического давления на подвластного с целью скорейшего получения нужного результата), добровольное подчинение (совершение неинициативных социально-политических

актов под влиянием укоренившейся традиции или харизмы политического лидера), скрытое принуждение (использование манипулятивных приёмов в тех случаях, когда применение открытого принуждения видится невозможным и / или нецелесообразным);

– онтологический пласт – постижение политики посредством вскрытия существа властеотношений и политики (например, можно говорить о секционной онтологии власти – определении и осмыслении политики в контексте социальных конфликтов, неравенства и дезинтеграции – и несекционной онтологии власти – определении и осмыслении политики в контексте возможности достижения общественного согласия в ходе актов власти и подчинения);

– эпистемологический пласт – определение и приоритизация валидного категориального аппарата, предназначенного для решения эвристических задач сообразно с внутренним убеждением создателя политико-философских конструктов и имеющимся интеллектуальным багажом (например, канализирование философского мышления в категории классовой борьбы и диктатуры пролетариата – для сторонников коммунистической парадигмы, редуцирование познавательного потенциала категориями правового государства, прав человека и разделения властей – для последователей либерального мировоззрения и т. д.);

– аксиологический пласт – артикуляция и принятие определённого корпуса ценностей, представляющихся важными для рефлексии и, возможно, последующей имплементации в действительное социополитическое пространство;

– этический пласт – установление и признание в качестве императива определённых границ (меры) одобряемого и дозволенного поведения, соответствующих принимаемым воззрениям о должном и недолжном, справедливом и несправедливом, нравственном и аморальном;

– акмеологический пласт (поиск путей физического и интеллектуально-нравственного преобразования индивидов для достижения ими высшей ступени персонального

развития посредством политики и через политику; особое значение данный компонент политической философии приобретает в тоталитарных умопостроениях, основанных, как заметил Э. Джентиле, на идее «антропологической революции» [3, с. 135]);

– праксиологический пласт – экспликация возможностей и пределов трансформации наличной политической жизни сообразно с постулатами ранее обозначенных пластов политической философии.

Далее постараемся переложить выявленные пласты политической философии на национал-социалистическое мировоззрение.

Метафизические начала нацистской политической философии состоят в экспликации бытия лидера национал-социалистического движения через свободу фюрера, которая детерминирует его неограниченную власть. Свобода фюрера, его творческая энергия, согласно метафизике нацизма, представляют собой нечто большее, нежели наличное бытие нацизма как проводимого им политического курса. Присутствие лидера национал-социалистического движения манифестируется в том числе через нуминозные переживания его последователей: «Подходя во время выступления к трибуне, лидер нацистов выдерживал нарочитую паузу в течение нескольких секунд, прежде чем огласить послание. Тем самым он создавал напряжение среди слушателей и концентрировал внимание аудитории, которая затем восторженно слушала его речь» [7, с. 98].

Однако метафизическое присутствие Гитлера, связанное с сегментом явлений и видимостей, не исчерпывает феномена фюрера, представляющего, если брать за основу хайдеггеровскую методологию, «себя-само-по-себе-кажущее» [8, с. 47].

Более того, философские изыскания М. Хайдеггера могут быть чрезвычайно полезными для экспликации свободы и бытия персоналий нацистов как стержневого элемента наличной политической системы. Как отмечает мыслитель, «свобода – это основание возможности вот-бытия ... она – корень бытия и времени и тем самым – основа понимания бытия во всей его широте и полноте» [9, с. 169].

Такая интерпретация свободы носит ярко выраженный трансцендентный оттенок, что подтверждается дальнейшими словами М. Хайдеггера: «Свобода есть вид причинности, а именно причинности неэмпирической, умопостигаемой, т. е. причинности разума, которая может быть в единстве с причинностью по законам природы» [9, с. 311–312].

Впрочем, идея о трансцендировании свободы, которая видится важной для раскрытия нацистской политической онтики, развивалась не только М. Хайдеггером. В частности, видный итальянский философ Дж. Джентиле утверждает, что «свобода не принадлежит природе в её абстрактности, но она не принадлежит и ни одной форме абстрактного логоса – ни логической истине, ни истине факта, ни закону, который предстаёт перед волей с принудительной необходимостью природной силы, – одним словом, ничему, что, противопоставляя себя в мысли субъекту, который мыслит свой объект, определяет его и заключает в строгие границы, фиксирует и лишает той жизни, которая свойственна актуальной духовной реальности» [10, с. 81–82].

Композиция онтологии нацистской политической философии детерминируется трактовкой власти и политики в конфликтоцентристском ключе, апологией однопартийной диктатуры в качестве фундаментального актора политики, вождизмом и народничеством.

Концептуальный базис конфликтологизма нацистской политической философии явственно изложен немецким юристом и политическим теоретиком Карлом Шмиттом, по мнению которого политические отношения можно редуцировать до модели противостояния «друзей» и «врагов»: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие *друга и врага*» [11, с. 301].

Причём, что важно, «понятия “друг” и “враг” следует брать в их конкретном, экзистенциальном смысле ... к ним не должны подмешиваться, их не должны ослаблять экономические, моральные и иные пред-

ставления, и менее всего следует брать их психологически, в частно-индивидуалистическом смысле, как выражение приватных чувств и тенденций» [11, с. 304].

Как было замечено одним из авторов настоящей публикации ранее, «конфликт для К. Шмитта, принимающий форму открытого противостояния, охватывает собой практически все институты современной политики и оказывает влияние на социальную структуру целиком» [12, с. 21]: «Такие слова, как “государство”, “республика”, “общество”, “класс”, и, далее, “суверенитет”, “правовое государство”, “абсолютизм”, “диктатура”, “план”, “нейтральное государство” или “тотальное государство” и т. д. непонятны, если неизвестно, кто *in concreto* должен быть поражён, побеждён, подвергнут отрицанию и опровергнут посредством именно такого слова» [11, с. 306].

Бытийным ядром политической жизни, согласно философии нацизма, является институт партии как ведущей силы арийской расы. Партия в видении нацистской онтологии предстаёт как носитель цельного, построенного на ригоризме мировоззрения, не терпящего никаких компромиссов и претендующего на тотальную доминацию в немецком обществе. В структурном плане нацистская партия представляет собой конгломерат пропагандистских и организационных функций, соответствующих гитлеровскому видению вербовки симпатизантов: пропаганда должна охватывать весь немецкий народ, её предназначение – привлечение сторонников. Что до организации, то её цель состоит в отборе из сторонников партии её членов, которые в силу своих морально-волевых и расовых качеств готовы к активистскому политическому поведению.

Подобная апология партии, присущая нацизму, подвергалась критике в среде правых интеллектуалов. По мнению интегрального традиционалиста Ю. Эволы, «на практике понятие “партия” принадлежит парламентской демократии и означает объединение, защищающее данную идеологию в противовес другим идеологиям, отстаиваемым другими группами, за которыми

система признаёт равные право и законность ... Следовательно, можно сказать, что партия, ставшая “единственной партией”, тем самым, перестаёт быть “партией”, частью» [13, с. 76–77].

Совместно с литургическим культом партии, на который обращает внимание Э. Джентиле [4, с. 157], нацистская онтология включает в себя превознесение персоналии партийного лидера (фюрера), который, словно мессия, должен избавить немецкий народ от сонма накопившихся проблем. Причём, как мы постарались показать на примере навязывания Гитлером нуминозных переживаний публике, культ личности нацистского лидера имел как стихийный (зарождающийся в народных глубинах), так и вполне иницилируемый (т. е. специально воспроизводимый) характер.

Несмотря на ярко выраженный элитизм политической философии нацизма и её жёсткую направленность на социальное дифференцирование, в ядерный компонент национал-социалистической идеологии входит идеал народничества, связанный с общегерманской консолидацией на базе предлагаемого ценностного каркаса и выступающий предпосылкой государственного строительства. Народ, будучи следствием целенаправленного объединения расы, становится целью образования государственной организации, а значит, государство выступает в качестве средства к завоеванию народом своих позиций, но не в качестве самоцели.

В этом отношении нацистская идея народничества полностью укладывается в логику развёртывания тоталитарных социополитических конструктов, основанных на феномене политической религии. Как было замечено в работе Э. Джентиле, «политическая религия тоталитарного государства отличается от политической религии абсолютистского режима, поскольку затрагивает не только культ личности или династии, но в то же самое время и культ масс, представляемых правящим классом или лидером» [4, с. 189].

В данном аспекте нацистская онтология опять-таки расходится со статолатрически-

ми пассажирами из иных ответвлений правой политической философии. В частности, социально-политическим идеалом упомянутого выше Ю. Эволы является иерархизированное имперское монархическое государство с закреплением аристократического устройства. Не народ, но лишь избранная часть людей из «королевско-сакральной» касты» [14, с. 97] и «воинственной знати» [14, с. 97] является подлинным, витальным актором политического фундамента эйкумены, ибо только «аристократы вели свой род от “полубогов”, то есть существ, реально причастных к трансцендентным формам жизни и основавших то, что в высшем смысле этого слова можно назвать традицией» [14, с. 90].

Гносеологический уровень нацистской политической философии связывается с настройкой исследовательской оптики по стандартам расового мышления. Несмотря на то обстоятельство, что нацистская политическая культура основана на этатистских началах, предпосылкой совершенствования человеческой породы видится не столько государство, сколько раса.

Расология нацизма фундируется на биологическом ответвлении расовой мысли, в рамках которого предписываются не только строгое отграничение рас друг от друга на основании известной однородности внутри каждой из них, но и сепарация рас на вышестоящие и нижестоящие. Таким образом, под расой, согласно нацистской политической гносеологии, понимается общность, выделяемая на основе признака крови в её натуралистическом истолковании.

Рецепция биологизаторских пассажей в нацистскую расовую философию проходила по линии инкорпорации концептуальных положений одного из основоположников расовой теории XIX столетия – французского социолога Жозефа Артюра де Гобино. По мнению последнего, «мысль о врождённом, исходном и раз и навсегда установленном неравенстве между разными расами является одной из самых распространённых с незапамятных времён» [15, с. 46], при этом «всякая цивилизация берёт начало от белой расы и ничто не может

долго продержаться без её участия ... общество может быть великим и процветающим лишь в той мере, в какой оно сохраняет сотворившую её благородную группу ... сама эта группа принадлежит к самой развитой ветви нашего рода» [15, с. 198–199], а флагманом белой расы является арийский элемент («не было настоящей цивилизации у европейских народов без арийского влияния» [15, с. 201]). Вместе с тем Гобино с большим опасением относится к идее благотворного смешения рас: «Если смешение в определённой степени благотворно для большей части человечества, поднимая её на новую ступень и облагораживая его, это происходит только за счёт того же человечества, потому что опускает и унижает его, вносит в его плоть нервозность, оскорбляет его в самых благородных проявлениях; если даже допустить, что лучше превратить в посредственных людей мириады ничтожных существ, чем сохранить расу принцев, чья кровь, поделённая по частям, обеднённая, разжиженная, становится обесщещенным элементом подобной метаморфозы, не надо забывать то досадное обстоятельство, что процесс смешения не прекращается, что посредственности, созданные за счёт всего лучшего, объединяются в новые посредственности и что из таких браков, всё более и более деградирующих, рождается смесь, которая, наподобие вавилонской башни, приводит к полному бессилию и заводит общество в безысходный тупик» [15, с. 198].

Впрочем, жёсткое секционирование рас на вышестоящие и нижестоящие, позитивно воспринятое национал-социалистическим мировоззрением, не являлось общим местом для немецкой расовой теории.

Видный расовый теоретик Ганс Ф. К. Гюнтер проводит мысль о том, что *«нет единого мерила ценности всех рас и народов: каждый народ создаёт свои собственные ценности»* [16, с. 101]. Кроме того, *«ни одна раса на Земле не имеет ценности сама по себе ... Ценность расы это всегда ценность определённой расы для определённой цивилизации»* [16, с. 101].

Сходную позицию занимает Л. Ф. Клаусс: «...Расовая психология, ко-

торая, в конечном счёте, одна лишь может судить о ценностях расовой души, с самого начала чётко учила, что каждая раса имеет высшую ценность в себе самой. Каждая раса носит в себе самой свою традицию и свой масштаб ценностей, которые нельзя измерять масштабом другой расы» [17, с. 32–33]. Более того, «расовое духовное начало заключается не в наличии тех или иных качеств, а в том, в каких действиях проявляются эти качества, если они присутствуют отдельно человеку» [17, с. 34].

Важно также отметить, что расовый биологизм нацистской политической философии подвергался критике не только в Германии. Ю. Эвола в противовес трактовке расы по признаку субстратной общности крови предлагает супранатуралистическое толкование расы: «Возвращение к расе для нас не может означать возвращение к крови – особенно в наши мрачные времена, когда восстановление должной расовой чистоты уже почти невозможно. Оно должно означать возвращение к духу расы, не в тотемистском, а в аристократическом смысле, то есть к зародышу нашей “формы”, нашей культуры» [14, с. 92].

Аксиологическую основу нацистской философии составляют культ силы (в физическом и психическом измерении) и стремления к превосходству, апология догматической последовательности собственных взглядов вплоть до принципиального отрицания каких бы то ни было компромиссов в ходе имплементации исповедуемых мировоззренческих установок, осознание необходимости элиминации ресентимента, вызванного зависимым международным статусом Германии до установления нацистского господства, принятие ценностей гуманизма и пацифизма исключительно через господство вышестоящей (арийской) расы.

Этика нацистской политической философии прочно покоится на началах нравственного консеквенциализма, согласно которому моральная допустимость тех или иных поступков определяется не господствующими в обществе и/или признаваемыми на индивидуальном уровне

представлениями о желаемом или табуированном поведении, а исключительно полезностью предпринимаемых шагов для достижения поставленных политико-социальных задач.

В свете вышесказанного интересным представляется обращение к позиции Г. Геринга, высказанной им в ходе Нюрнбергского процесса относительно способов политического участия соотносительно с идеями нацистского движения. На вопрос своего защитника Отто Штаммера о том, «считалось ли возможным достижение этих целей [целей партийной программы – В. З., А. Ф.] любыми средствами, даже незаконными средствами?»¹, Г. Геринг отвечает: «Конечно, они должны были быть достигнуты любыми средствами»². При этом Геринг, будучи вторым человеком в нацистской вертикали и самым высокопоставленным обвиняемым Нюрнбергского трибунала, последовательно проводит нарратив нравственного релятивизма и фактически «очищает» властеотношения от этических максим: «Само собой разумеется, что раз уж мы пришли к власти, мы решили сохранить власть при любых обстоятельствах»³.

Соответственно, нравственный консеквенциализм, полностью подчинённый крайтоцентристским установкам нацистского истеблишмента, предписывает индифферентное отношение к актам эксплозивного и имплозивного насилия, свидетельствами чего являются «Хрустальная ночь» 1938 г. и «Ночь длинных ножей» 1934 г. соответственно.

Не менее важной составляющей этической конструкции нацистской политической философии является прагматическая ориентация, которая в ряде случаев покрывала эмоциональные установки на социальную дискриминацию. В обществоведческом дискурсе последних десятилетий, оформившемся после окончания Второй мировой

¹ Стенограмма Нюрнбергского процесса. Т. VIII / пер. С. Мирошниченко. М.; Новочеркасск: Милитера, 2020. С. 244.

² Там же.

³ Там же. С. 232.

войны, активно проблематизируется априорное утверждение о человеконенавистнических мотивах и свирепой злобе нацистов по отношению к еврейской этнорелигиозной группе, причём данное утверждение в переложении на юридическую лексику, согласно законодательству некоторых стран, признаётся доксой. Однако было бы уместным обратить внимание на то обстоятельство, что приход нацистских лидеров к власти в разрезе отношения к еврейскому населению сочетался не с приступами компульсивной агрессии, а, скорее, с попытками извлечения собственной выгоды. Подтверждением данных слов служит «секретное соглашение Хаавара между представителями Англо-палестинского банка (где основные позиции имела ВСО¹) и Министерством экономики Германии» [18, с. 39], которое действовало с ноября 1933 по декабрь 1939 гг. и стимулировало переезд евреев в Палестину. Интерес немецкого правительства состоял в том, что в соответствии с условиями соглашения репатрианты получали обязательство по депонированию на специальных счетах оговорённой денежной суммы, которая направлялась на покупку немецких товаров для последующей переправки в Палестину. Тем самым экономические власти Германии, помимо всего прочего, поддерживали национальный экспорт и путём «мягкой силы» выстраивали внешнеэкономические связи на отдельных торговых треках.

Притязания национал-социалистической доктрины в акмеологической сфере полностью укладываются в канву антропологических экспериментов, направленных на создание крепкого в физическом и психическом отношении репрезентативного представителя нордической расы в целом и на жёсткий отбор потенциальных кандидатов в элиту военно-политического класса в частности.

Примером тщательной акмеологической селекции являются испытания, которым подвергались ученики войск SS. Как отмечает М. Серрано, эти испытания «были безжалостно суровыми и связан-

ными с опасностью ... волевое обучение заходило так далеко, что тот, кто нарушал обещание по курению, совершал самоубийство ... основной принцип повиновения был такой же, как и у асасинов, рыцарей Тевтонского ордена и иезуитов, равносильный рабскому повиновению» [19, с. 135].

Примечательно, что, по мнению Ю. Эволы, нацистский подход к преобразованию человека существовал не столько ради себя самого, сколько для возрождения модели Ордена как ведущей институциональной структуры управления государством и остова политического порядка гитлеровского режима: «... Первоочередной задачей Третьего Райха становилось создание – посредством систематического воспитания подходящих людей – элиты, понимаемой как “носитель” идеи нового государства и соответствующего мировоззрения» [14, с. 363]. Но вместе с тем Эвола акцентирует внимание на евгенической основе национал-социалистической акмеологии: «Правда, в отличие от прежней древней традиции, в данном случае кроме особых качеств характера учитывались физические данные, и особое значение уделялось расовому фактору с упором на “нордический тип”» [14, с. 363].

Каркасом праксиологии национал-социалистической философии являлась выработанная *ad hoc* доктрина Gleichschaltung, которая означала эксплицитную зачистку социополитического пространства Германии по лекалам вождя нацистской партии. Причём данная доктрина тотальной доминации, несмотря на невозможность её использования в качестве инструмента консолидации всех слоёв немецкого общества, планомерно проводилась Гитлером с самого основания НСДАП. По мнению Гитлера, партия нацистов должна была стать не авангардом немецкой политики, а единственным политическим движением в стране, носителем полной и неделимой власти, далёкой от демократических устоев и либеральных институтов сдерживания управленческо-

¹ Всемирная сионистская организация.

го произвола. В сущности, как отмечает Ф. Л. Нойманн, Gleichschaltung раскрывается как «абсолютный контроль сверху» [20, с. 80], как унификация «федеральной, государственной, провинциальной и муниципальной деятельности» [20, с. 80].

Таким образом, в качестве промежуточного итога можем обозначить контуры политической философии национал-социализма. Онтическое ядро нацистской политической философии составляет экспликация бытия лидера национал-социалистического движения через свободу фюрера, которая детерминирует его неограниченную власть. Онтология нацизма представлена трактовкой власти и политики в ключе дихотомии друг / враг, апологией однопартийной диктатуры в качестве фундаментального актора политики, апорией вождизма и народничества. Гносеологический уровень нацистской политической философии связывается с настройкой исследовательской оптики по стандартам расового мышления в его натуралистической трактовке (раса как общность крови, диктующая сепарацию рас на вышестоящие и нижестоящие). Аксиологическую основу нацистской философии составляют культ силы и стремления к превосходству, апология догматической последовательности собственных взглядов, осознание необходимости элиминации ресентимента, вызванного итогами Первой мировой войны для Германии, принятие ценностей гуманизма и пацифизма исключительно через господство вышестоящей (арийской) расы. Этика нацистской политической философии прочно покоится на началах нравственного консеквенциализма и прагматизма, причём протекционистская перспектива, связанная с извлечением выгоды для собственной экономики, подчас перевешивала приступы компульсивной агрессии, привычно приписываемые гитлеровскому истеблишменту. Акмеология нацистской политической философии вылилась в проведение антропологических экспериментов, направленных на создание крепкого в физическом и психическом отношении

репрезентативного представителя нордической расы в целом и на жёсткий отбор потенциальных кандидатов в элиту военно-политического класса в частности, формируемую по принципам Ордена. Каркасом праксиологии национал-социалистической философии являлась выработанная ad hoc доктрина Gleichschaltung, которая означала эксплицитную зачистку социополитического пространства Германии по лекалам вождя нацистской партии.

Экономико-финансовая и банковская система Третьего рейха

Траектория экономической политики нацистского режима была задана 10 февраля 1933 г. А. Гитлером на вилле Г. Геринга в ходе встречи с лидерами германской индустрии – Георгом фон Шнитцлером, Круппом фон Боленом и Альбертом Феглером. Гитлер в формате монолога обозначил собственное видение нового хозяйственного курса: идея частного предпринимательства противостоит демократическим устоям, «предпринимательство прежде всего основывается на принципах персональной ответственности и личного руководства, а демократия и либерализм неизбежно приводят к социал-демократии и коммунизму» [21, с. 145]. Зонтичные представления А. Гитлера о принципах организации хозяйственной системы, раскрытые им в ходе описанной встречи, в дальнейшем легли в основу закладываемойся экономической конституции Третьего рейха, которая зиждилась на централизме и неделимости власти при сохранении, как отмечают К. Буххайм и Й. Шернер, широкой автономии в распоряжении частной собственностью [22, р. 394].

Экономическую конституцию нацистского режима во многом определил Закон о подготовке органичного построения немецкой экономики от 27 февраля 1934 г. (Gesetz zur Vorbereitung des organischen Aufbaues der deutschen Wirtschaft), который институционализировал отраслевые бизнес-ассоциации в качестве посредника

в отношениях между отдельными организациями и Имперским министерством экономики¹. Т. е., по сути, государство в одностороннем порядке ввело нормативизированный канал GR коммуникаций с буферным элементом в виде отраслевых объединений, направленный на «выстраивание взаимовыгодного диалога без использования прямых коррупционных практик» [23, с. 49].

Как отмечает А. Туз, деловые ассоциации, находившиеся в ведении министра экономики Третьего рейха Ялмара Шахта, подразделялись на райхсгруппы («в промышленности, банковском деле, страховании» [21, с. 155–156]), деловые группы («*Wirtschaftsgruppen*, которые действовали в горнорудной, сталеплавильной, машиностроительной и других сферах» [21, с. 156]) и отраслевые группы (*Fachgruppen* [21, с. 156]). В банковской сфере бизнес-ассоциация была представлена профессиональной группой частных банкиров (*Fachgruppe Privatbankiers*), которой руководил Курт Фрайхерр фон Шрёдер [24, р. 314–315].

Не менее важной вехой в закреплении основ гитлеровской экономической системы стал Закон о регулировании национального труда от 20 января 1934 г. (*Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit*), выступивший эманацией идеи фюрерства на организацию частнособственнических отношений и выстраивание внутренних процессов в обособлённых деловых единицах. Согласно § 1 данного Закона, предприниматель обозначается как лидер компании, а сотрудники предприятия – как его последователи, и их совместный труд направлен на обеспечение общего блага общества и государства². По замечанию А. Туза, содержащаяся в Законе о регулировании на-

ционального труда риторика «фюрерства» получила поддержку среди страты отраслевых менеджеров, поскольку «она была слишком близка концепции “предпринимательского лидерства” (*Unternehmertum*), становившейся всё более модной в деловых кругах в качестве идеологического противовеса интервенционистским тенденциям, свойственным профсоюзам и веймарскому государству социального обеспечения» [21, с. 148–149].

Реверсом сохранения институтов частной собственности и предпринимательства в Третьем рейхе стала милитаризация экономики, проводившаяся сообразно с механизмами планирования. Однако, если директивное управление хозяйством в Советском Союзе строилось на базе национализированной собственности, нацистская экономическая модель покоилась на государственно-монополистическом капитализме, концентрации промышленности, торговли, транспортной сферы и строительства для последующего наращивания оборонительной и наступательной мощи.

Во многом данная модель походит на общегерманскую вертикально-интегрированную структуру, в рамках которой имеют место централизация и единая координация процессов извлечения природных ресурсов, их переработки в готовые изделия военного назначения и логистики до места назначения. В то же время, как замечают К. Буххайм и Й. Шернер, план не являлся инструментом полного подчинения хозяйственной автономии вовлечённых в его исполнение деловых единиц: за последними сохранялась самостоятельность в принятии инвестиционных решений, а механизм планирования не предусматривал регламентации структуры и объёма инвестиций [22, р. 395].

Старт планирования был положен 9 сентября 1936 г. на съезде Национал-социалистической немецкой рабочей партии, в ходе которого была согласована четырёхлетняя программа развития немецкого хозяйства (*Vierjahresplan*), уполномоченным которой был назначен давний соратник Гитлера Герман

¹ Gesetz zur Vorbereitung des organischen Aufbaues der deutschen Wirtschaft. Vom 27. Februar 1934 [Электронный ресурс]. URL: http://www.documentarchiv.de/ns/1934/wirtschaft_ges.html (дата обращения: 21.12.2024).

² Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit. Vom 20. Januar 1934 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.documentarchiv.de/ns/nat-arbeit.html> (дата обращения: 21.12.2024).

Геринг. Последнему удалось в 1937 г. создать государственный военный концерн “Reichswerke Hermann Goering”, изначальная цель которого – разработка на территории Германии рудных месторождений [22, р. 391], и статья одним из его выгодоприобретателей.

Что касается банковской сферы, её развитие во многом было дистанцировано от милитаристских устремлений нацистских лидеров и подчинённости Четырёхлетнему плану, что, однако, не исключало государственного вмешательства в банковскую систему и внедрения контрольно-надзорного инструментария.

Вместе с тем говорить о том, что нацистские финансово-экономические власти сознательно воздерживались от национализации частных банков и включения их в лоно плановой экономики, не приходится. Как отмечает А. Туз, «если бы верх одержало левое крыло нацистов, то не исключено, что власти осуществили бы полномасштабную национализацию банковской системы с последующей ликвидацией национальных коммерческих банков и созданием интегрированной системы региональных банков» [21, с. 159-160], а антагонистом радикальной банковской политики выступил опытный финансист и управленец Я. Шахт, усилиями которого был пролоббирован реформистский курс в отношении негосударственного банковского сектора.

Кроме всего прочего, не исключено, что недопущению национализации коммерческих банков способствовал уже установленный по итогам кризиса 1931 г. контроль государства за тремя крупнейшими банками страны – Deutsche Bank, Dresdner Bank и Commerzbank, которые, однако, были возвращены во владение частных акционеров в 1936–1937 гг. [22, р. 406].

Компромиссом между экономической автономией частных банков и их национализацией стала институционализация регуляторных механизмов Райхсбанка в отношении частного банкинга, начавшаяся 5 декабря 1934 г. вследствие утвержде-

ния Имперского закона о кредитовании (Reichsgesetz über das Kreditwesen¹).

В первую очередь были учреждены такие органы банковского надзора, как Наблюдательный совет за кредитной системой и Райхскомиссар кредитной системы, аффилированные с Райхсбанком. Наблюдательный совет представлял собой коллегиальный орган, состоявший из семи членов: президента и вице-президента Райхсбанка, которые становились председателем и вице-председателем совета, заместителей секретаря по департаментам казначейства, экономики, сельского хозяйства и внутренних дел, а также уполномоченного представителя Райхсканцлера [17, р. 16]. В компетенцию Наблюдательного совета за кредитной системой входило установление общих принципов и правил функционирования подконтрольных акторов банковской системы, тогда как Райхскомиссар кредитной системы отвечал за выполнение мероприятий, санкционированных Наблюдательным советом [17, р. 15–16].

В совокупности с появлением надзорных институтов Имперским законом о кредитовании вводились мероприятия количественного и качественного контроля за финансовым состоянием частных банков и проведением самостоятельной кредитной политики. Количественный инструментарий предусматривал контроль над собственными средствами банка, направленными на поддержание ликвидности. Качественный инструментарий состоял в мониторинге долгового рынка (раз в месяц банки были обязаны подавать Райхскомиссару кредитной системы сведения о заёмщиках, ссудная нагрузка которых превышала 1 млн райхсмарок) и разумности предоставления банками единовременных кредитов на сумму, составляющую значительный процент от собственных средств кредитного учреждения [17, р. 17].

¹ Reichsgesetz über das Kreditwesen. Vom 5. Dezember 1934 (RGBl. TI 1, S. 1203) mit den Durchführungsbestimmungen. Stuttgart [N, Lange Str.18]: Württ. Fachverl., 1935. 40 p.

Как было замечено в научной печати, установленное Имперским законом о кредитовании регулирование поспособствовало институционализации усилий по решению проблемы недостаточной ликвидности и иностранной зависимости, что сочеталось с мероприятиями нацистского режима по директивному вмешательству в экономику [25, р. 123]. В то же время делается вывод о расхождении между введёнными инструментами денежно-кредитной политики и общей траекторией нацистского курса. По мнению Р. Йи, банковское право Третьего рейха не являлось, в сущности, продуктом нацистской политики: если бы нацисты действительно контролировали ход реформы 1934 г., на горизонте возник бы вопрос национализации всей банковской системы [25, р. 123].

Выводы

Заметное влияние на функционирование банковской системы Третьего рейха оказал праксиологический блок корпуса национал-социалистической философии, связанный с воплощением идеи единогообразного преобразования социополитического ландшафта сообразно с постулатами нацизма. В первую очередь речь идёт о внедрении в экономические отношения (и в том числе в банковскую сферу) принципа фюрерства, который, с философской точки зрения, означал эманацию идеи вождизма на отношения внутри обособленных организаций: глава частной банковской структуры становился подобием фюрера в своей компании, единоличным руководителем и осевым элементом управленческой вертикали банка.

В то же время проникновение политической философии национал-социализма в банковскую сферу, являющееся частным случаем имплементации праксиологической доктрины Gleichschaltung, не носило всеобщего характера.

Более того, экономической истории Германии времён Третьего рейха известны случаи успешного противостояния руководства региональных банков по-

пыткам нацистского вмешательства в их управление, о чём, по мнению Х. Меллера, свидетельствует опыт функционирования Баварского объединённого банка [26].

Следовательно, тоталитарные притязания, закладываемые в основу философии национал-социализма как непреложная интенция, не могли в полной мере реализоваться в банковском секторе. Банковская система продолжала развиваться в лоне частнособственнических отношений, хоть и подлежала государственному контролю, который осуществлялся как через законодательные и надзорные меры со стороны Райхсбанка, Наблюдательного совета за кредитной системой и Райхскомиссара кредитной системы, так и посредством получения контрольных пакетов акций крупных негосударственных банков.

Заключение

Таким образом, нацистские идеи, как показала практика функционирования банковской системы, прошли преломление через реалии экономической жизни гитлеровской Германии. Рассмотренный кейс, в сущности, является демонстрацией того, что идеальные политико-философские типы (в данном случае – тип тоталитарного государства) являются умозрительной абстракцией, требующей дальнейшей экспликации и фальсификации на основе, казалось бы, вторичных сфер социальной организации. Трудно спорить с тем, что А. Гитлер сознательно стремился к построению тотальной политико-государственной организации, основанной на имплантации контроля во все сферы социетальной среды, и в том числе в банковскую систему. Однако в действительности успешная зачистка политического поля в некотором смысле контрастирует с попытками вмешательства нацистского политикума в банковскую сферу, которая хоть и впитала в себя праксиологический концепт Gleichschaltung через идею локального экономико-организационного фюрерства, но продолжала развиваться сообразно с логикой рыночных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 424 с.
3. Джентиле Э. Фашизм. История и истолкование. СПб.: Владимир Даль, 2022. 559 с.
4. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб.: Владимир Даль, 2021. 398 с.
5. Zubov V. V. Сравнительный анализ идейных платформ политических партий в контексте политической борьбы (на примере ФРГ и ГДР времён холодной войны) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (4). С. 20–26. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-20-26
6. Филиппов А. Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования // Власть. 2024. № 3. С. 133–139.
7. Новиков О. Г., Филиппов А. Р. Механизмы манипуляции общественным сознанием // Власть. 2024. № 3. С. 94–100.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. Сухум: Аписны, 2023. 488 с.
9. Хайдеггер М. О существе человеческой свободы. Введение в философию. СПб.: Владимир Даль, 2018. 416 с.
10. Джентиле Дж. Введение в философию. СПб.: Алетейя, 2000. 470 с.
11. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 568 с.
12. Филиппов А. Р., Новиков О. Г. Теоретические подходы к исследованию общественного согласия // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 5. С. 13–28. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-5-13-28
13. Эвола Ю. Люди и руины. М.: Опустошитель, 2019. 296 с.
14. Эвола Ю. Политические трактаты. М.: Опустошитель, 2020. 388 с.
15. Гобино Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М.: Одиссей; Олма-Пресс, 2000. 765 с.
16. Гюнтер Г. Ф. К. Избранные работы по расологии. М.: Белые альвы, 2002. 480 с.
17. Клаусс Л. Ф. Раса и душа. Практическая психоантропология. М.: Белые альвы, 2014. 384 с.
18. Масюкова И. В. Еврейская эмиграция в подмандатную Палестину (1917–1939 гг.): надежды и реальность // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 13. С. 32–45.
19. Серрано М. Золотая цепь. Тамбов: Белые традиции, 2007. 320 с.
20. Нойманн Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944. СПб.: Владимир Даль, 2015. 591 с.
21. Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М.: Институт Гайдара, 2019. 864 с.
22. Buchheim C., Scherner J. The Role of Private Property in the Nazi Economy: The Case of Industry // The Journal of Economic History. 2006. Vol. 66. № 2. P. 390–416.
23. Шатилов А. Б. GR: что это такое и почему в нем возникает потребность у бизнеса? // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 1. С. 49–54.
24. Snyder L. L. Encyclopedia of the Third Reich. New York: Marlowe, 1998. 410 p.
25. Yee R. A State of Supervision: The Political Economy of Banking Regulation in Germany, 1900s–1930s // Business History Review. 2023. Vol. 97. Iss. 1. P. 93–125.
26. Möller H. Die Bayerische Vereinsbank zwischen Resistenz und Gleichschaltung 1933–1945 [Электронный ресурс] // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte: [сайт]. 2015. Vol. 63. Iss. 1. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/vfzg-2015-0001/html> (дата обращения: 10.09.2024).

REFERENCES

1. Arendt, H. (1996). The Origins of Totalitarianism. Moscow: CenterCom Publ. (in Russ.).
2. Arendt, H. (2008). *The Banality of Evil. Eichmann in Jerusalem*. Moscow: Evropa Publ. (in Russ.).
3. Gentile, E. (2022). *Fascism. History and Interpretation*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (in Russ.).
4. Gentile, E. (2021). *Political Religions. Between Democracy and Totalitarianism*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (in Russ.).
5. Zubov, V. V. (2022). Comparative Analysis of Ideological Platforms of Political Parties (on the example of the West vs. East Germans in the Cold War). In: *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 12 (4), 20–26. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-20-26 (in Russ.).
6. Filippov, A. R. (2024). Political ideology as a form of manipulation. In: *The Authority*, 3, 133–139 (in Russ.).
7. Novikov, O. G. & Filippov, A. R. (2024). Mechanisms for manipulating public consciousness. In: *The Authority*, 3, 94–100 (in Russ.).

8. Heidegger, M. (2023). *Being and Time*. Sukhum: Apsny Publ. (in Russ.).
9. Heidegger, M. (2018). *On the essence of human freedom. Introduction to philosophy*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (in Russ.).
10. Gentile, G. (2000). *Introduction to philosophy*. St. Petersburg: Aleteia Publ. (in Russ.).
11. Schmitt, K. (2016). *The Concept of the Political*. St. Petersburg: Nauka Publ. (in Russ.).
12. Filippov, A. R. & Novikov, O. G. (2023). Theoretical Approaches to the Study of Social Consensus. In: *Social and Political Sciences*, 13 (5), 13–28. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-5-13-28 (in Russ.).
13. Evola, J. (2019). *People and Ruins*. Moscow: Desolator Publ. (in Russ.).
14. Evola, J. (2020). *Political Treatises*. Moscow: Desolator Publ. (in Russ.).
15. Gobineau, J. A. (2000). *An Essay on the Inequality of the Human Races*. Moscow: Odyssey Publ., Olma-Press Publ. (in Russ.).
16. Gunther, G. F. K. (2002). *Selected Works on Raciology*. Moscow: White Elves Publ. (in Russ.).
17. Klauss, L. F. (2014). *Race and Soul. Practical Psychoanthropology*. Moscow: White Elves Publ. (in Russ.).
18. Masyukova, I. V. (2018). Jewish Emigration to Mandatory Palestine (1917–1939): Hopes and Reality. In: *Transactions of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*, 13, 32–45 (in Russ.).
19. Serrano, M. (2007). *The Golden Chain*. Tambov: White Traditions Publ. (in Russ.).
20. Neumann F. L. *Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944*. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ. (in Russ.).
21. Tuz, A. (2019). *The Price of Destruction. The Creation and Death of the Nazi Economy*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (in Russ.).
22. Buchheim C. & Scherner J. (2006). The Role of Private Property in the Nazi Economy: The Case of Industry. In: *The Journal of Economic History*, 66 (2), 390–416.
23. Shatilov, A. B. (2011). GR: What is it and why does business need it? In: *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 1, 49–54 (in Russ.).
24. Snyder, L. L. (1998). *Encyclopedia of the Third Reich*. New York: Marlowe.
25. Yee, R. (2023). A State of Supervision: The Political Economy of Banking Regulation in Germany, 1900s–1930s. In: *Business History Review*, 97 (1), 93–125.
26. Möller, H. (2015). Die Bayerische Vereinsbank zwischen Resistenz und Gleichschaltung 1933–1945. In: *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 63 (1). Available at: <https://doi.org/10.1515/vfzg-2015-0001> (accessed: 09.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубов Вадим Владиславович (г. Москва) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: zubov305@yandex.ru

Филиппов Антон Русланович (г. Москва) – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
e-mail: anfilippov98@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vadim V. Zubov (Moscow) – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Assoc. Prof., Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation; Assoc. Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: zubov305@yandex.ru

Anton R. Filippov (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Comparative Political Science, RUDN University;
e-mail: anfilippov98@mail.ru

Научная статья

УДК 130.3

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-55-63

ДВА НЕ-ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ НАРОДА

Курабцев В. Л.

Московский социально-педагогический институт, г. Москва, Российская Федерация

Поступила в редакцию 28.10.2024

После доработки 03.11.2024

Принята к публикации 17.11.2024

Аннотация

Цель. Проведение социально-философского исследования для выявления специфики современной Украины и её народа. Эта специфика существенно определяется особой «историей-судьбой» Украины, длительным упадком бывшей Киевской Руси – сломленностью после монгольского нашествия, государственной нереализованностью, невозможностью собирания восточнославянских земель и духовным принижением. Москва закономерно первенствовала и как государство, и как православная святая земля.

Процедуры и методы. Использованы метод герменевтики и метод философской аналитики. Для реализации поставленной цели проанализирован в соответствии с заявленной проблемой ряд трудов известных русских мыслителей – Ф. М. Достоевского, И. А. Ильина, Н. А. Нарочницкой и других авторов.

Результаты. Достигнута новизна исследования, определяющаяся новым видением через выявление причин провала украинских государственно-строительных проектов: скудное политическое разумение и доктринёрская (националистическая) близорукость украинской политической элиты; игнорирование многовекового исторического и этнокультурного единства двух «не-противоположных» народов; самоидентификация украинского народа на основе символики украинского национализма и нацизма и узконационального нарциссизма. Дополнительно повлияли разрушительные и разъединяющие технологии Запада, сомнительная «украинская идея» (с ориентацией на Запад) и нерационально масштабированные украинские обиды. Результатом этого оказались непомерные анти-толерантность и русофобия значительной части украинского народа. В целом процесс заслуживает наименования «бандеровизации» народа, общества и государства Украины. Показано, что мысль Достоевского об «ошибках сердца», о «заражённом духе иногда даже во всей нации» уместна для понимания украинских процессов конца XX – начала XXI вв. Показано, что термин И. А. Ильина «сверхнационализм» способен снова примирить «не-противоположные» народы, поскольку он утверждает и родину с национальной культурой, и бесценность духа и культуры любого другого народа – перед лицом Божиим. В заключение статьи выражена надежда на постепенное восстановление братского союза и блага восточнославянских народов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование продолжает православную и национально-патриотическую традицию понимания двух «не-противоположных народов» и стран – Украины и России. В современных условиях противостояния с коллективным Западом данная работа способствует осознанию национальной сущности и миссии двух народов, особенно украинского, укреплению традиционных ценностей.

Ключевые слова: «бандеровизация», заражённый дух нации, «история-судьба» Украины, не-противоположные народы, сверхнационализм

Для цитирования:

Курабцев В. Л. Два не-противоположных народа // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 55–63. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-55-63>

Original research article

TWO NON-OPPOSITE PEOPLES

V. Kurabtsev

Moscow Social Pedagogical Institute, Moscow, Russian Federation

Received by the editorial office 28.10.2024

Revised by the author 03.11.2024

Accepted for publication 17.11.2024

Abstract

Aim. To conduct a social-philosophical study to identify the specifics of modern Ukraine and its people. This specificity is significantly determined by the special “history-fate” of Ukraine, the long decline of the former Kievan Rus – the break-down after the Mongol invasion, the state’s unrealized, the impossibility of collecting East Slavic lands and spiritual humiliation. Moscow naturally prevailed both as a state and as an Orthodox shrine.

Methodology. The method of hermeneutics and the method of philosophical analysis are used. To achieve the research aim, a number of works by famous Russian thinkers – F. M. Dostoevsky, I. A. Ilyin, N. A. Narochitskaya and other authors are analyzed in accordance with the stated problem.

Results. The novelty of the research has been achieved, determined by a new vision through the identification of the causes of the failure of Ukrainian state-building projects: poor political understanding and doctrinaire (nationalist) myopia of the Ukrainian political elite; ignoring the centuries-old historical and ethnocultural unity of two “non-opposite” peoples; self-identification of the Ukrainian people based on the symbols of Ukrainian nationalism and Nazism and narrow-minded narcissism. Additionally, the destructive and divisive technologies of the West, the dubious “Ukrainian idea” (with a focus on the West) and irrationally scaled Ukrainian grievances were influenced. The result was the excessive anti-tolerance and Russophobia of a significant part of the Ukrainian people. In general, the process deserves the name of “Banderization” of the people, society and the state of Ukraine. It is shown that Dostoevsky’s thought about “errors of the heart”, about “an infected spirit sometimes even in the whole nation” is appropriate for understanding the Ukrainian processes of the late twentieth and early twenty-first centuries. It is shown that I. A. Ilyin’s term “supranationalism” is able to reconcile “non-opposing” peoples again, since it asserts both the homeland with national culture and the pricelessness of the spirit and culture of any other people – in the face of God. In conclusion, the hope is expressed for the gradual restoration of the fraternal union and the welfare of the East Slavic peoples.

Research implications. The study continues the Orthodox and national patriotic tradition of understanding two “non-opposite peoples” and countries – Ukraine and Russia. In modern conditions of confrontation with the collective West, this work contributes to the awareness of the national essence and mission of the two peoples, especially Ukrainian, and the strengthening of traditional values.

Keywords: “Banderization”, infected spirit of the nation, “history-destiny” of Ukraine, non-opposite peoples, supranationalism

For citation:

Kurabtsev V. L. (2025). Two Non-Opposite Peoples. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, pp. 55–63. <https://doi.org/https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-55-63>

Введение

Любой человек, народ, страна имеют **свой естественный и необходимый путь**, естественную и необходимую *историю* («историю-судьбу»). Эта история в основном и определяет жизнь «объекта». У России – это Святая Русь и культурная Русь. У Украины – тоже «Святая Украина» (но и Россия, Белоруссия) и культурная Украина.

«Святая Украина» – это, прежде всего, отмеченная святым апостолом Андреем Первозванным Киево-Печерская Лавра – «прародительница всех русских монастырей». Но, как пишет выдающийся писатель серебряного века Б. К. Зайцев, «Киев и киевская культура слишком *эксцентричны* для России, слишком *местное*. Особенно в татарщине это заметно: Киев от неё, в сущности, так и не оправился, представлять великую державу никогда не смог, не нёс и тяжести собирания земли – всё это отдал он Москве. Она его затмила и как государство, и святыней. Уже в XIII веке митрополитам Всероссийским нельзя было оставаться в Киеве. Он слишком надломился. Десятинная церковь в развалинах, Киево-Печерская Лавра пустынна, от Св. Софии – одни стены. И митрополиты Кирилл и Максим, считаясь киевскими, в Киеве не жили»¹. Митрополит Пётр переместился во Владимир, а потом в Москву. Украина подпала под власть или сильное влияние более успешных западных соседей, особенно Польши. И, по сути, выживала, а не жила. Без государства и без осознания своего истинного пути.

У Украины, в простом понимании, были на протяжении многих веков в основном такие выживание и жизнь, которые обеспечивали защиту от внешних опасностей и достаточно хорошую жизнь. Россия же, со времён присоединения части украинской земли в 1654 г., успешно способствовала этому. Многие этнические украинцы, по разным причинам, принимали полное слияние своё с русскими и рускостью, например, историк русской философии В. В. Зеньковский.

Но при этом на Украине всегда сохранялась и интенция самостоятельности, самоопределения. Об этом говорят, например, скрытые и, по сути, предательские отношения Богдана Хмельницкого с Польшей и Османской империей, военные конфликты, начиная с XVII в.

И. А. Ильин написал о причинах предательства российским народом своего

«Государя» в 1917 г. – «по невежеству, ребячливой доверчивости и имущественной жадности» [1, с. 197]. По аналогии трудно не отрицать доли неразумия, «ребячливой доверчивости» и жадности в попытках самоопределения украинского населения в разные периоды истории.

Особенно этим отличались украинцы западных земель, находившиеся на положении людей второго сорта в Австро-Венгрии, Польше и Румынии. И укоренение украинского интегрального национализма закономерно произошло именно на этих землях, причём с крайне бесчеловечной радикальной актуализацией (бандеровщина). Бандеровцы как крайние националисты, т. е. нацисты, оказались и остаются злейшими врагами не только СССР, но и русского народа, поляков, евреев и ряда других этносов. Поэтому украинизация, а точнее бандеровизация всей Украины (1991–2024 гг.), в значительной степени через подавляющее акцентирование украинской мовы, культуры и как бы украинской, но ненаучной «истории», привела к переформатированию целого народа. Это и почти массовая злейшая русофобия, и неадекватный поворот на Запад, неразумный и чрезмерный разрыв всех связей с Россией, даже витально-пассионарная готовность отвоевать не только Крым и Донбасс, но и заполучить большее.

Украинская элита

Кроме того, отличилась *украинская политическая элита*. Снова цитируем И. А. Ильина: элитой (из большевиков) оказались люди «сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди... *ничего не понимали в России*, не видели её своеобразия и её национальных задач. Они решили политически изнасиловать её по схемам Западной Европы» [1, с. 197]. Если заметить «Россию» на «Украину», а большевиков – на Яценюков, Порошенко, Зеленских и т. д. (причём учесть их ненасытное сребролюбие и властолюбие), эта мысль тоже будет верна. Можно ли из политической

¹ Зайцев Б. Преподобный Сергей Радонежский // Преп. Сергей Радонежский: сборник. М.: Новатор, 1996. С. 173–174.

скудости и неразумного националистического доктринёрства украинской элиты, из не-национальных идей строить приемлемое будущее бывшей процветавшей *советской* Украины? Вот и получился, причём закономерно, максималистский *поворот не туда, скорее погибельный*.

Многовековое единство и вмешательство национализма

Элита полностью проигнорировала и облила грязью историческую и этнокультурную живо-конкретную реальность украинского народа: на самом деле, у русских с украинцами – большое живое **многовековое и насыщенное единство**, и только иногда *борьба* в виде небольших войн, предательств, военных конфликтов (особенно в XVII в.), которые только в 2014–2024 гг. постепенно достигли уровня крупного военного противоборства.

Развитие Украины и её национального самосознания шло примерно так, как идёт когнитивное и этическое развитие ребёнка: от пассивного согласия с требованиями до осмысленного принятия норм и до согласования своей особой позиции с общей. Но *развитие-то шло слишком неразумное и страстное*. И «к концу XX века самоидентификация украинцев как нации» стала «реальностью» [2, с. 436]. Но это была реальность, основанная на символике украинского национализма и нацизма (жёлто-голубой флаг С. Петлюры, трезубец С. Бандеры и т. д.), с чрезмерным самолюбованием и самопревознесением (едва ли не на пустом месте), реальность неразумная и недобрая, реальность потенциально и актуально *саморазрушительная*.

Ф. М. Достоевский именно о этом написал свои великие слова: «Но если то, что мы почитаем святыню, – позорно и порочно, то мы не избежим кары от самой природы: позорное и порочное несёт само в себе смерть и рано ли, поздно ли, само собою казнит себя»¹. В качестве примера пи-

сатель приводит грабительские войны. Но чем отличается, по сути своей, опьянение нацизмом? Это – ложная «святыня», это и позорно, и порочно, это явное язычество в плохом смысле, с отвержением христианских добра, любви, милосердия. Как заметил И. А. Ильин, «народ – не Бог, и возносить его на уровень Бога – слепо и грешно» [3, с. 192]. Хотя понятна тяга украинцев к *своей* государственности, к *своей* мове и культуре, к *своей* нации. Но она какая-то слишком преувеличенная, экзальтированная, неразумная, тоталитарная. Все отброшены, все задавлены (а то и ликвидированы, как 2 мая 2014 г. в Одессе), *все вдруг попали в украинское рабство* (в том числе с использованием украинского «биоматериала», например, на СВО). Нечто похожее произошло в Германии в 1933 г. И такая страна, даже народ, становятся просто опасными для себя и нормальных стран и народов.

Между тем у Украины с 1991 г. были все шансы разумно согласовать приемлемый и очень выгодный мир и даже союз с Россией. И при этом каким-то образом реализовывать свою западную мечту (обязательно: с учётом интересов великой соседки). Но случилось всё в соответствии с мыслью Збигнева Бжезинского: «Странами, как и людьми, движут наследственные склонности (традиционные геополитические предрасположенности и собственное понимание истории), а способности различать спокойные амбиции и опрометчивое самообольщение у всех разные» [4, с. 121]. С очевидностью в Украине проявились и проявляются не «спокойные амбиции», а «опррометчивое самообольщение».

На Украине случилась (конечно, закономерно) «ошибка сердца» (Достоевский) – *раздутый, некритический, нехристианский, всё национальное освящающий и вдохновляющий национализм*, выбирающий стратегический союз с Западом. **Выбирающий фантастическое (в негативном смысле) украинство** вопреки реальности Русского мира. *Национализм-нарциссизм* с характерной для нарцисса слепотой. Нарцисс уже не считается с фак-

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь – август. Л.: Наука, 1983. С. 98.

тами, с прямым указанием на истинный путь, а перерабатывает факты для себя любимого и единственного. Украинка, выслушивая аргументы «москаля» (меня) о братстве и общих многочисленных войнах русских и украинцев с турками, французами, немцами и другими народами, вдруг встrepенётся: «Ой, сколько же украинцев погибло!» Она уже не желает исцелиться. Она уже рассталась в своей любви к Украине и украинцам с логикой и здравым смыслом. Это – болезнь. Национализм – серьёзная и опасная болезнь. А Запад умело обыгрывал развитие этой болезни.

Был у украинцев и другой вариант отрицания России и русских, который замечен классиком даже у части русских, россиян: они эмигрировали из России по убеждению, потому «что в России таким порядочным и умным, как они, людям нечего делать». Среди них были и радикальные русофобы: «Уже просто ненавижда её безо всяких убеждений, так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождённого мужика, за русскую историю, одним словом, за всё, за всё ненавижда. Замечу, что такая ненависть может быть и весьма пассивная, очень спокойная и до апатии равнодушная»¹. Украинские блоги показывают, что можно по-настоящему ненавидеть «русню» просто за неправильное произношение буквы «г» и за присутствие рядом в супермаркете. Не слишком ли много анти-толерантности и русофобии?

Противоречия

Аналитик Н. А. Нарочницкая, зная Украину всесторонне, в том числе изнутри, верно судит о наших этнических противоречиях: «“Братские” отношения – не вымысел, но это сложнейший и противоречивый социокультурный феномен, комплекс и притяжения, и отталкивания, и ревности» [2, с. 9]. Однако для большинства «западенцев» и немногочисленных инако-

мыслящих братские отношения были скорее иллюзией. Не отсюда ли случилось то, на что обратил внимание Бжезинский? Он пишет: после 1991 г. отношения Украины с РФ «тяготели к напряжённым», но при этом и в отношениях с Западом существовала неопределённость [4, с. 144].

Совершенно очевидно также, что до распада СССР большинство незападных украинцев вообще не видели никаких комплексов и «ревности» в межэтнических отношениях восточных славян. У них просто не было никаких этнических и прочих проблем с русскими и россиянами, а были браки, дружбы, совместные бесконфликтные мирные и военные периоды истории. Была истинная Дружба двух близких народов. Редкий латентный украинский национализм, разумеется, оставался серьёзным разрушителем этого братства (он жёстко преследовался в советский период).

Однoбок также вывод Нарочницкой и o том, что «именно феномен греко-католика – ни русский, ни поляк, а “самостийник-украинец” – основа украинского идентитета, потом украинской идеи» [2, с. 431]. Это видится только как частичная правда. Представляется, что «самостийник-украинец» вполне мог обойтись без сравнения себя с русскими и поляками и вне отношения к униатству. Он мог быть атеистом, православным (даже Московского патриархата), кем угодно. Тут важна исконная идея: «Я – Украинец», «я – патриот и защитник Украины», «я – с украинством обретаю высший свой смысл». И тут уже готовность к самопожертвованию, тут – одна из главных причин такого тяжёлого и долгого течения СВО и дальнейших событий.

Бжезинский эту проблему увидел так: «Украинцы, грузины, армяне и азербайджанцы» русских «не считали выше себя в культурном отношении» и ощущали «имперское господство» русских [5, с. 21].

Клубок причин «украинской идеи» и украинской обиды ещё сложнее и разнонаправленнее: это и непростительное голодомора, и предательство, вероятно, многих православных украинцев по отношению к общей УПЦ Московского патриархата,

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь – август. Л.: Наука, 1983. С. 137.

и осознание себя не просто украинцем, а явно надуманным Украинцем, и нездоровое прочее самовозвеличение. А за этими причинами – трёхсотлетняя история «раздвоения украинского самосознания» (т. е. в XVIII–XX вв.), включая где-то антирусский и антиправославный элемент [2, с. 433]. Очень существенным было то, что украинские правящие силы, СМИ и ЦРУ активно конструировали «нацию». И случилась, к общему несчастью, беда – бандеровизация доброго и православного, действительно братского украинского народа. А Россия, к несчастью, в основном только наблюдала со стороны. И вынуждена была встрепенуться лишь в феврале 2022 г. Как отметили Е. В. Алехина и Ю. С. Заложных, «с началом Военной спецоперации на Украине становится всё более очевидным, что Россия как православная христианская цивилизация противостоит глобальной богоборческой секте» (выделено авторами. – В. К.) [6, с. 44].

«Ошибки сердца»

Пророк и мудрец Достоевский прекрасно описал подобные ошибки народа: *«Ошибки сердца есть вещь страшно важная: это есть уже заражённый дух иногда даже во всей нации, несущий с собою весьма часто такую степень слепоты, которая не излечивается даже ни перед какими фактами, сколько бы они не указывали на прямую дорогу; напротив, перерабатывающая эти факты на свой лад, ассимилирующая их с своим заражённым духом, причём происходит даже так, что скорее умрёт вся нация, сознательно, то есть поняв слепоту свою, но не желая уже излечиваться»* (выделено нами. – В. К.)¹. Степень слепоты украинского народа оказалась зашкаливающей, просто удивительной. И желание исцелиться как-то до сих пор не просматривается. Это великая трагедия.

Но, с другой стороны, украинские «ошибки сердца» как бы почти оправданы.

На эту тему есть иронические размышления И. А. Ильина о причинах неприятия европейскими странами советского коммунизма, чересчур отождествляемого с Россией-СССР: *«Картина ясна: без военной оккупации Европа коммунизма не примет. Европейские народы совершенно “испорчены” – христианством, индивидуализмом, частной инициативой, свободой мнения, частной собственностью и демократическим почтением к праву и власти ... Европа создавала тип человека и культуры, не подходящий для коммунизма»* [1, с. 74–75]. А тут ещё неназванные европейские высокий уровень жизни и доходов, комфорт и качественные товары, широкие права и свободы и другое. В результате Украина соблазнилась уже не западным (генетически) коммунизмом, а западной идеологией и жизнью.

Однако на другие очень важные стороны общей русско-украинской судьбы следовало бы **тоже** обратить внимание. Это колоссальная этническая и этнопсихологическая близость двух народов; православная тождественность; сильная культурная взаимопресекаемость; множество родственных связей разного уровня; колоссальная уживчивость двух народов; самое серьёзное братское взаимодействие, в том числе военное, на протяжении почти 400 лет; наличие общих генов, а также гениев православия и культуры – киево-печерских и почаевских святых, Н. В. Гоголя и В. В. Зеньковского, знаменитых героев и творцов Российской империи и Советского Союза и многих других. Это и огромные экономические связи народов, весьма протяжённая граница, нежелание России «упустить» из сферы стратегического влияния и партнёрства давнего братского соседа и к тому же приблизить к сердцевине России военные объекты стран НАТО. Но, вероятно, самое главное из забытого, в размышлениях Украины о будущем, – «постановка вопроса нравственная, то есть христианская»². И это, чрезвычай-

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь – август. Л.: Наука, 1983. С. 5.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь – август. Л.: Наука, 1983. С. 60.

но важное это, совсем выпало из украинских целей и ценностей.

Между тем «всеединяющий дух русский» (Достоевский) всегда, не без сбоев, способствовал процветанию всех народов Российской империи и СССР. И созданная Лениным Советская Украина была едва ли не самой цветущей и сильной республикой, даже получившей в 1954 г. в подарок жемчужину – всесоюзный курортный Крым. Лев Николаевич Гумилёв точно определил суть русской «колониализации» и «русификации»: «Надо отдать должное уму и такту наших предков... Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на нас. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив, как принцип, не истребление соседей, а дружбу народов» [7, с. 91].

Но меньшинство Украины (украинские националисты, особенно на Западной Украине) и недружественный Запад активно, продолжительно и успешно гораздо ранее 1991 г. конструировали всеми способами Анти-Украину (антисоветскую и антиукраинскую) и Анти-Россию (в основном в России). Разъединяли почти одинаковые украинскую и русскую души, украинские и русские истории, обольщая наши *не-противоположные* народы, чаще всего используя некоторые этнические несовпадения (например, этнофобии) и злую приправу украинского национализма.

Взаимодополнение

Между тем этнический украинец Н. В. Гоголь ещё в XIX в. возражал по поводу где-то недоброго отношения Т. Г. Шевченко к России и «москалям». Гоголь показал возможный путь согласия и единства наших народов: «Свою душу он считал составленной из двух частей – украинской и российской; ни одной из них он не отдавал предпочтения, считая, **что они взаимодополняют друг друга**. Сильные различия украинского и русского национального характеров были, по его мнению, только предпосылкой для их соеди-

нения в будущем, чтоб явить миру что-то более doskonaльное» (выделено нами. – В. К.) [8, с. 27–28]. *Разве это не путь?* Нет ли в этом пути большей мудрости и христианства?

Вернуться на истинные круги своя ещё не поздно. И это нужно непременно сделать!

Достоевский оказался едва ли не Божьим пророком, когда произнёс великие слова, которые касаются и двух противоположных наших народов: «Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплемennых нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспeyания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою», вплоть до «всеобщего единства», которое «как великое и великолепное дерево, осенит собою счастливую землю»¹. Русские и украинцы всегда прежде «восполнялись» друг другом. Так и должно продолжаться.

Классик говорит (думается, и относительно СВО 2022–2024 гг.): «Не всегда надо проповедовать один только мир, и не в мире одном, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть»². «Уж лучше раз извлечь меч, чем страдать без срока»³. Украинский нацизм не может быть остановлен иначе.

Заключение

А в целом, заметим, парадигма Достоевского «братского единения» всех народов, вечного мира, конечно, невозможна и недостижима. *Но достижима интенция, постоянное возвращение к этой чудесной парадигме*. Она была глубоко развита великим мыслителем И. А. Ильиным: он видел ложь советского «интернационалистического “Тарзана”». Но видел ложь и слишком зоологического национализма. И

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь – август. Л.: Наука, 1983. С. 100.

² Там же.

³ Там же. С. 101.

предложил замечательное понятие и символ **сверхнационализма**.

Ильин пишет: «всечеловеческое братство» вполне возможно и его можно человеку «открыть». «Но это братство будет не *интернациональным*, а *сверх-национальным*» [3, с. 209]. «Сверхнационализм утверждает родину и национальную культуру, и самый национализм, и особенно – духовный акт своеобразно-национального строения. Человек приемлет и дух своей семьи, и дух своего народа, и в них растёт и зреет; он не "никто", он имеет оплодотворяющее и ведущее его духовное русло» [3, с. 210]. Но он должен увидеть и бесценность духа и культуры любого другого народа – перед лицом Божиим.

Ума и даже здравого смысла у украинской националистической интеллигенции и политической элиты на этот счёт явно не хватило. Только заметная часть украинского народа втайне это как-то осознавала. Национализм неизбежно вызывает ответную *реакцию* – ненависти, опасений,

защиты или приспособления (в том числе в виде уступки своих ценностей и смыслов агрессии национализма). Но это ненадолго. *Надолго – учитывать интересы других народов, приходиться к консенсусу*. С этим плохо и у Украины, и у «золотого миллиарда».

То, что без Бога и разума, погибает. Погиб великий СССР. Погибель обязательная ждёт и Запад. А Украина ещё жива. Она ещё может и должна процветать – в союзе с Духовной цивилизацией. В этом её высокая рациональность и даже мудрость. Н. А. Назарбаев в 1990-е гг. сказал: «Мы обречены на вечную дружбу с Россией» [9, с. 121]. А разве иначе дело обстоит с Украиной?

Но история-судьба Украины значительно отвела её от оптимального направления. Уже оплачены ошибки сотнями тысяч жизней и другими трагедиями. И уже невозможны какие-то прежде допустимые решения. Из этого надо и исходить. И постепенно восстановить братский союз и благо наших народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. 496 с.
2. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные. отношения, 2004. 536 с.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. 400 с.
4. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012. 285 с.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2017. 256 с.
6. Алёхина Е. В., Заложных Ю. С. Современные славянофилы: оценка Специальной военной операции как противостояния идеологий суверенной государственности и ультраглобализма. Часть I // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 36–46. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-140-147
7. Никонов Вяч. А. Лидерство по-русски. М.: Э, 2017. 528 с.
8. Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX ст. Київ: Генеза, 2000. 249 с.
9. Буянов В. С. Внешнеполитическая деятельность и международная безопасность России. М.: Дело, 2017. 344 с.

REFERENCES

1. Ilyin, I. A. (1993). *Collected Works. Vol. 2. Bk. 1*. Moscow: Russkaya Kniga Publ. (in Russ.).
2. Narotchnitskaya, N. A. (2004). *Russia and Russians in World History*. Moscow: International. Relations Publ. (in Russ.).
3. Ilyin, I. A. (1993). *Collected Works. Vol. 1*. Moscow: Russkaya Kniga Publ. (in Russ.).
4. Brzezinski, Z. (2012). *Strategic View: America and the Global Crisis*. Moscow: Astrel Publ. (in Russ.).
5. Brzezinski, Z. (2017). *The Grand Chessboard*. Moscow: AST Publ. (in Russ.).
6. Alekhina, E. V. & Zalozhnykh, Yu. S. (2023). Modern Slavophiles: Assessment of the Special Military Operation as a Confrontation between the Ideologies of Sovereign Statehood and Ultra-Globalism.

- Part I. In: Contemporary Philosophical Research, 4, 36–46. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-140-147 (in Russ.).
7. Nikonov, V. A. (2017). *Leadership in Russian*. Moscow: E Publ. (in Russ.).
 8. Gritsak, Ya. (2000). *Drawings of the History of Ukraine. Formation of the Modern Ukrainian Nation in the XIX–XX Centuries*. Kyiv: Geneza Publ. (in Russ.).
 9. Buyanov V. S. (2017). *Foreign Policy Activities and International Security of Russia*. Moscow: Delo Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ О АВТОРЕ

Курабцев Василий Леонидович (г. Москва) – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и менеджмента Московского социально-педагогического института;

e-mail: kurabtsev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily L. Kurabtsev (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Social and Humanitarian Disciplines and Management, Moscow Social Pedagogical Institute;

e-mail: kurabtsev@mail.ru

Научная статья

УДК 304.4

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-64-74

ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СПЕЦИФИКА ЭКЗИСТЕНЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

Тимофеев А. В.^{1,2,3,4,5}

¹ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, г. Самара, Российская Федерация

² Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация

³ Самарский филиал Санкт-Петербургского государственного университета профсоюзов, г. Самара, Российская Федерация

⁴ Приволжский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Российская Федерация

⁵ Медицинский университет «Реавиз», г. Самара, Российская Федерация

e-mail: timofeev_av@list.ru

Поступила в редакцию 16.09.2024

После доработки 22.09.2024

Принята к публикации 10.10.2024

Аннотация

Цель. Проанализировать трансформацию человека, закономерно происходящую под воздействием набирающего обороты процесса цифровизации, рассмотреть особенности экзистенции и коммуникации человека в цифровом обществе.

Процедура и методы. В исследовании последовательно анализируются антропомерные проблемы эпохи цифровизации, в частности те из них, которые непосредственно затрагивают особенности экзистенции человека в реалиях цифрового общества, а также специфику коммуникации, осуществляемую им в условиях универсализации виртуализации. В исследовании используются традиционные методы – диалектический, компаративный, системный, анализ и синтез, исторический и логический методы, а также современные методы изучения цифровой среды и динамики входящих в её состав компонентов, включая методологию теории эволюции социальной коммуникации для выявления социально-исторической детерминации виртуальной коммуникации.

Результаты. В исследовании показано, что актуализация антропомерных проблем эпохи цифровизации связана с лавинообразной интеграцией цифровых технологий в жизнедеятельность общества. Под её воздействием человек меняется достаточно быстро. Встаёт проблема сохранения человека как биологического вида и социального существа. Всё популярнее становится идея наступления постчеловеческого будущего. Однако трансформация человека чаще всего оказывается его интенсивной деформацией и деградацией. Цифровизация требует от человека новых моделей поведения, новых навыков и ценностных приоритетов. У человека появляются новые стратегии поведения в профессиональной и в обыденной жизнедеятельности. Возникает новый тип бытия – виртуальная реальность. Виртуальное общение занимает всё больше времени у пользователя, способствуя его дистанцированию от реальной жизни. Императив виртуальности становится парадигмальным.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с обсуждением в нём одной из существеннейших проблем современности – некритичного восприятия информации, доводимой до общества через медиатехнологии. Это ведёт к снижению когнитивных способностей человека, а общество становится объектом постоянных манипуляций. Благодаря этому реальная власть находится в руках элит, которые имеют возможность формировать и распространять нужную им информацию, контролируя информационно-коммуникаци-

онную среду. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в нём выводы могут быть полезными человеку как пользователю, ведущему активный виртуальный образ жизни, являющемуся субъектом виртуальной коммуникации, и вместе с тем постоянным участником общественной жизни.

Ключевые слова: виртуальная реальность, универсализация виртуализации, цифровизация, цифровое общество, цифровое поколение, человек

Для цитирования:

Тимофеев А. В. Человек в эпоху цифровизации: специфика экзистенции и коммуникации // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 64–74. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-64-74>

Original research article

HUMAN IN THE AGE OF DIGITALIZATION: THE SPECIFICS OF EXISTENCE AND COMMUNICATION

A. Timofeev^{1,2,3,4,5}

¹ Samara National Research University, Samara, Russian Federation

² Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow, Russian Federation

³ Samara Branch of the St. Petersburg University of the Humanities of Trade Unions, Samara, Russian Federation

⁴ Volga State University of Railway Transport, Samara, Russian Federation

⁵ Medical University "Reaviz" Samara, Russian Federation

e-mail: timofeev_av@list.ru

Received by the editorial office 16.09.2024

Revised by the author 22.09.2024

Accepted for publication 10.10.2024

Abstract

Aim. To analyze the transformation of a human, which naturally happens under the influence of the growing process of digitalization, to consider the features of human existence and communication in a digital society.

Methodology. The study consistently analyzes the anthropologically-oriented problems of the era of digitalization, in particular, those that directly affect the features of human existence in the realities of a digital society, as well as the specifics of communication carried out in the context of virtualization universalization. The research uses traditional methods – dialectical, comparative, systematic, analysis and synthesis, historical and logical methods, as well as modern methods for studying the digital environment and the dynamics of its components, including the methodology of the social communication evolution theory to identify the social-historical determination of virtual communication.

Results. The study shows that the actualization of anthropologically-oriented problems of the digitalization era is associated with the avalanche-like integration of digital technologies into the life of society. Under its influence, a human changes quite quickly. There is a problem of preserving human as a biological species and a social being. The idea of a posthuman future is becoming more and more popular. However, the transformation of a human most often turns out to be his intense deformation and degradation. Digitalization requires new models of behavior, new skills, and value priorities. A human develops new behavioral strategies in professional and everyday life. A new type of being is forming – virtual reality. Virtual communication takes up more and more of the user's time, contributing to his distance from real life. The imperative of virtuality is becoming paradigmatic.

Research implications. The theoretical significance of the research is related to its discussion of one of the most significant problems of our time – uncritical perception of information conveyed to society

through media technologies. This leads to a decrease in human cognitive abilities, and society becomes the object of constant manipulation. Due to this, real power is in the hands of the elites, who have the ability to form and disseminate the information they need by controlling the information and communication environment. The practical significance of the research lies in the fact that its conclusions can be useful to a human as a user keeping virtually active, a subject of virtual communication and, at the same time, a permanent participant of social life.

Keywords: virtual reality, virtualization universalization, digitalization, digital society, digital generation, human

For citation:

Timofeev A. V. (2025). Human in the Age of Digitalization: The Specifics of Existence and Communication. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, pp. 64–74. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-64-74>.

Введение

Цифровизация – феномен, для которого свойственна ярко выраженная социально-политическая и социогуманитарная направленность [1, с. 89]. Следовательно, принципиально важным становится понимание стратегических задач нынешней и будущей цифровизации именно в антропологическом контексте применительно к развитию и нахождению в цифровом мире самого человека. Естественно, для того, чтобы грамотно выстроить эту новую стратегию развития, требуется как минимум осмысленное понимание того, куда именно мы движемся в процессе цифровизации бытия общества [2, с. 29]. А это вызывает существенные трудности в силу быстроты и нарастающей динамики изменений, происходящих в социуме под влиянием процессов цифровизации и, в свою очередь, серьёзно влияющих на эти процессы. Возникает сложная система причинно-следственных отношений и взаимодействий.

Современная эпоха – «эпоха галопирующего информационного роста»¹. Под воздействием новых цифровых технологий мир меняется до неузнаваемости. Поэтому живущий в нём человек по определению не может оставаться прежним. Он неизбежно вынужден меняться: становятся иными его мировоззрение, самосознание, определяющая его поведение система цен-

ностей, социально-этических норм и ориентаций [3, с. 133].

Человек сегодня – действительно самая важная и острая проблема, начиная с традиционных вопросов о том, что есть человек, в чём его природа (как выяснилось, мы до сих пор плохо в ней разбираемся) и сущность, смысл его жизни и пр. Проблематика человека «высвечивается» сегодня с новой, подчас неожиданной точки зрения [4], становится центральной во многих научных дисциплинах, начиная с философии, психологии и социологии и заканчивая микробиологией и генетикой. Актуализируется на новой основе знаменитый призыв Сократа «Познай самого себя!», приобретающий в эпоху цифровизации особую значимость и принципиально новое смысловое наполнение.

Антропомерные проблемы эпохи цифровизации

Одной из наиболее важных антропомерных проблем нашей современности может быть признана проблема «сохранения человека как биологического вида и социального существа» [5, с. 270]. Высокий темп обновления знаний и технологий, характерный для цифрового общества, влечёт за собой быструю смену и возникновение новых социальных структур и институтов, а также типов и способов коммуникативных взаимодействий. В сущности, меняется базовая когнитивно-технологическая парадигма социума.

Благодаря быстрым темпам развития цифровых технологий у человека появи-

¹ Курпатов А. Информационная псевдобильность [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/99993> (дата обращения: 01.12.2024).

лась уникальная возможность взаимодействовать с внешним миром, практически не выходя из дома. Это затрагивает самые разные сферы его жизнедеятельности, включая сферу занятости, образования, досуга и др. Многие социальные процессы виртуализируются. Наряду с этим трансформируется и сущность человека. Особое беспокойство теоретиков вызывает то, что «...сама ценность человеческой личности снижается за счёт превалирования аспектов утилитарности и прагматичности как в контактах, так и в той информации, которой человек обладает» [6, с. 49].

Главная проблема человека – это колоссальное обеднение его внутреннего мира, связанное со многими факторами, и в первую очередь с недоразвитием его духовной составляющей. В. Н. Игнатов обращает внимание на психологические особенности человеческого бытия, в частности на то, что ментальность человека постоянно испытывает воздействие со стороны различных раздражителей (например, реклама), которые притягивают к себе наше внимание, провоцируя беспорядочность мыслительных операций и становление «разорванного сознания. Его субъект утрачивает внутренний духовный стержень, теряет точку опоры, которая могла бы одновременно служить ему и точкой отсчёта, критерием оценки драматических событий кризисной эпохи» [7, с. 304].

По аналогии с ярко выраженным ризоморфизмом постмодернистской аксиосреды некоторые авторы считают возможным характеризовать её создателя и представителя – современного человека – как личность, «лишённую центра», как «распавшегося субъекта» или «человека-ризому» [8, с. 39–41]. Всё чаще сегодня встречаются упоминания о возможности наступления «постчеловеческого» будущего (Ф. Фукуяма), о трансформации человека в «постчеловека». Высказывается предположение, что «...те, кто будет жить в новой цивилизации, могут и не походить на тех, кого мы до сих пор называли словом “человек”» [5, с. 269].

Практически все авторы в своих оценках сходятся в одном: в современном мире имеет место в разной степени проявляющаяся (в зависимости от рассматриваемой концепции) трансформация (чаще, деформация или деградация) человека, которая не только не останавливается, но и становится со временем всё более интенсивной.

Особенности экзистенции человека в условиях цифрового общества

Знаковой вехой в осознании сущности происходящих с современным человеком изменений стала вышедшая в 2001 г. статья Марка Пренски «Цифровое поколение. Цифровые иммигранты»¹, в которой он разделил всех людей как пользователей новых технологий на две группы: “digital natives” («цифровое поколение» или «цифровые аборигены») и “digital immigrants” – «цифровые иммигранты». «Цифровое поколение», появившееся и сформировавшееся уже в условиях цифрового мира, существенно отличается от старшего по возрасту поколения («цифровых иммигрантов») своим отношением к окружающему миру, привычками, пониманием взаимоотношений между людьми и пр.

Представители «цифрового поколения» – те, кто вырос в мире компьютеров, мобильных телефонов, видеокамер и видеоигр. Они ежедневно ищут что-то в интернете, непрерывно общаются в соцсетях, отправляют электронные письма и SMS. Они привыкли получать информацию быстро, лучше работают с графикой, чем с текстом, а гипертекст для них привычнее, чем обычный текст. Они стремятся к многозадачности, предпочитают «играть», а не работать серьёзно, лучше справляются с совместными проектами, чем с индивидуальными заданиями, нуждаются в частых поощрениях.

Здесь коренится серьёзная двойная опасность: «Информация является основ-

¹ См.: Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://marcprensky.com/writing/Prensky-Digital-Natives-Digital-Immigrants-Part1> (дата обращения: 01.12.2024).

ным ресурсом сетевого общества, привычка получать необходимую информацию из многочисленных и доступных информационно-коммуникационных каналов отучила современное общество прилагать усилия для её добывания, анализа, выработки на её основе собственных выводов. Поэтому информация, доведённая через медиатехнологии до общества, в основном воспринимается как истина, не требующая проверки. По сути, для формирования у индивида определённых образов и мифов достаточно окружить его необходимыми средствами получения информации и подготовить нужный информационный материал» [9, с. 169]. И эта опасность очень серьёзна.

С одной стороны, снижаются когнитивные способности пользователей, поскольку человек разумный потому и стал разумным в результате культурного драйва, что смог резко увеличить свои возможности и способности к поисковой и аналитической деятельности, что позволило ему выжить среди конкурентов в агрессивной внешней среде и стать единственным видом человека на земле, а с другой – общество становится объектом многочисленных манипуляций, его членов помещают в так называемые «информационные пузыри», совершенно однобоко формирующие представление о реальных событиях и ситуациях. Грубо говоря, появилась возможность любой дезинформации со стороны заинтересованных акторов, поскольку основная масса людей-пользователей информации относится к ней не критично. В результате происходит смещение полюсов власти в социуме.

По этому поводу А. В. Одинцов очень точно описывает такое смещение властных акцентов в сетевом обществе: «в сетевом обществе сместился акцент силы и влияния: реальная власть находится в руках лиц, имеющих доступ к механизмам формирования и трансляции необходимой информации, обладающих ресурсами для контроля за информационно-коммуникационной средой. Властвующая элита, стремясь сохранить своё влияние, вынуждена

использовать этот ресурс и включать в свой состав имеющих доступ к медийному ресурсу, умеющих с ним работать, способных его частично контролировать. Например, сегодня любой руководитель любого уровня стремится иметь в штате сотрудника, отвечающего за работу со СМИ, взаимодействие с общественностью и т. д. При этом важным направлением воздействия становится образ (имидж) властвующей элиты: сформированный образ (представление об идеальной власти) должен ассоциироваться с её конкретными представителями. И напротив, представители элиты должны сформировать вокруг себя образ, воплощающий идеальную власть. В качестве подтверждения можно рассмотреть процессы "самоизбавления" властвующей элиты от немедийных членов и включение в неё представителей харизматичных, фотогеничных и т. д.: актёров, спортсменов, телезвёзд, т. е. меняется принцип ротации властвующей элиты, её качественный состав. Характерным признаком властвующей элиты современности является её медийность и узнаваемость, которые становятся основой легитимности: обществу больше не нужны "серые кардиналы", социум хочет видеть своего лидера и восхищаться им» [9, с. 169–170].

С другой стороны, цифровое поколение очень активно в информационных процессах – оно создаёт, обрабатывает, передаёт и сохраняет информацию. Его представители одновременно становятся и субъектами управления сети, включаясь / выключаясь в сеть для участия, и в то же самое время они являются субъектами коммуникации и самокоммуникации (причём массовой) [10, с. 102]. Тем самым они энергично и быстро наращивают свой человеческий и социальный капитал, получая возможность активно участвовать в общественной жизни, «обеспечивая транспарентность и контроль над действиями власти на разных уровнях. Социальные взаимодействия способствуют развитию доверия, терпимости, разнообразия

и «норм реципроктности»¹. Социальные сети, общие ценности и нормы, которые они формируют, носят фундаментальный характер в отношении социального капитала. В свою очередь, социальный капитал рассматривается как «driver» социального благополучия, уровня жизни граждан и их безопасности, равно как развития демократии и экономики» [11, с. 136–137].

В отличие от «цифрового поколения» старшее поколение – «цифровые иммигранты» – чувствуют себя в цифровом мире неуютно. Они не могут выполнить простейшие для digital natives действия – прочитать электронное письмо или внести исправления в электронный документ. Они предпочитают осваивать новое и решать поставленные задачи медленно, поэтапно, серьёзно и индивидуально, всякий раз углубляясь в существо рассматриваемого вопроса. Учитывая то, что «цифровизация – процесс объективный, неизбежный и остановить его невозможно» [12, с. 5], «цифровым иммигранты» оказываются в заведомо невыигрышном положении. Единственный выход для них – принять факт цифровизации и приобрести необходимые для жизни в цифровой среде навыки и умения, интегрироваться в эту новую среду или, по крайней мере, адаптироваться к ней.

В 2009 г. М. Пренски опубликовал ещё одну статью под названием «Цифровой человек: от цифровых иммигрантов и цифрового поколения к цифровой свободе»². Учитывая временной промежуток между выходом в свет двух его работ, во второй из них М. Пренски несколько корректирует логику предшествующих рассуждений. На этот раз он справедливо указывает на то, что, чем дольше человечество живёт в цифровую эпоху, тем менее актуальным

становится постулированное им ранее разделение людей на представителей «цифрового поколения» и «цифровых иммигрантов». Последних с течением времени становится всё меньше, а сам человек оказывается всё более интегрированным в цифровую реальность.

В условиях становления цифрового общества формируется особый человеческий тип – «homo digital», обладающий набором принципиально новых качеств и ценностных установок [13, с. 120]. Для него наиболее эффективной моделью социального поведения выступает та, которая связана с овладением информационно-аналитическими и цифровыми ресурсами. Используя заложенный в них потенциал, современный пользователь непрерывно получает и анализирует поступающую к нему информацию и на этой основе выстраивает оптимальную модель жизнедеятельности в социуме.

Цифровизация среды обитания требует от человека новых моделей поведения, жизненных навыков, ценностных приоритетов, принципиально отличных от тех, которые были востребованы в глобальном мире доцифрового периода. Сегодня умение обращаться с информацией, обладание информационно-аналитическими технологиями стало абсолютной необходимостью, без которой построение адекватной модели жизнедеятельности и корректной схематики поведения индивида в социуме оказываются невозможными. Этому способствуют новейшие инфокоммуникационные и цифровые технологии (телефоны, смартфоны, компьютеры и пр.), которые сами по себе приобретают для человека аксиологическую значимость. С их помощью формируется поведенческая стратегия людей как в профессиональной деятельности, так и на уровне обыденной жизни, а для многих они являются своеобразным, а иногда и единственным «окном в мир».

¹ Под «реципроктностью» имеется в виду взаимная обусловленность, взаимодополняемость, взаимоосуществляемость.

² Prensky M. Homo Sapiens Digital: From Digital Immigrants and Digital Natives to Digital Wisdom [Электронный ресурс] // Innovate: Journal of Online Education. 2009. Vol. 5. № 3. URL: <https://nsuworks.nova.edu/innovate/vol5/iss3/1> (дата обращения: 01.12.2024).

Особенности коммуникации в условиях универсализации виртуального

Появление и развитие новых технологий и форм социальной коммуникации, основанных на них, способствовали формированию нового типа социокультурного бытия – виртуальной реальности. В контексте оцифровки динамично развивающаяся виртуальная среда изменяет не только пространство, окружающее человека, но и его мировоззрение, поведение, способы общения и систему ценностей. Сегодня «виртуальная реальность» трактуется достаточно широко, например, как «...особая философская категория, наряду с такими, как время, сущность, пространство, позволяющая в едином плане рассматривать реалии, относящиеся обычно к разным типам знания: естественнонаучному, техническому или гуманитарному» [14, с. 33].

Феномен виртуальной реальности неразрывно связан с технической стороной вопроса: «особенностью виртуальной реальности является разрыв связи с окружающим миром, кроме самого технического средства виртуальной реальности» [15, с. 194]. Исходя из этого, виртуальную реальность трактуют как «...кибернетическое игровое пространство, созданное на базе компьютера, в котором техническими средствами предпринята изоляция от внешнего, реального мира» [16, с. 20].

Сегодня практически половину, а в случае с «цифровыми аборигенами», и значительно большую часть жизни человека составляет его пребывание в виртуальном мире, где он осуществляет значительный объём деятельности и коммуникационной активности. Здесь в свободном доступе находится любая необходимая информация, которой человек может воспользоваться в любой момент времени, в режиме онлайн. Благодаря достигаемой таким образом свободе коммуникации цифровой мир создаёт иллюзию присутствия, ощущения того, что каждый пользователь имеет представление о происходящих во всём мире (во всех его уголках) событиях. Человек может

быть непосредственным наблюдателем или даже участником событий без необходимости физического присутствия на месте происходящего.

По причине частого пользования подобными возможностями у человека формируется навязчивая привычка постоянно поглощать информацию и новостной контент – своего рода информационная зависимость. Раньше человек довольствовался информацией, отражавшей происходящее непосредственно вокруг него, т. е. ощущал себя ограниченным в пространстве. Но это ощущение было реальным, а не виртуальным. Благодаря же современным цифровым технологиям у человека появляется возможность беспрепятственно коммуницировать с людьми из любой точки земного шара, расширяя потенциальный круг общения до невообразимых пределов. Кроме того, у представителей цифрового поколения изначально формируется представление, что виртуальный мир как раз и есть подлинная реальность. Достаточно понаблюдать за детьми, которые, находясь в одной комнате рядом друг с другом, обмениваются посланиями через смартфоны.

Чисто технически интернет способствует облегчению коммуникационного взаимодействия, обеспечивая доступ к колоссальным информационным ресурсам. Однако долговременное нахождение индивида в виртуальном мире имеет и прямо противоположный, негативный эффект: оно приводит к дистанцированию от реального общества, в рамках которого встраивание в систему социальных отношений является значительно более сложной задачей, нежели необременительное манипулирование ими в условиях виртуальной реальности.

Кроме того, виртуальное общение зачастую происходит без зрительного контакта, что способствует формированию искажённого и даже ложного образа собеседника. Вступая друг с другом в коммуникацию, пользователи интернета обычно создают второе виртуальное «Я», которое может сильно отличаться от «Я» реального. Иногда виртуальная жизнь увлекает

человека настолько, что физическое бытие просто перестаёт представлять для него интерес. Создатель виртуального «Я» начинает ценить его даже больше, чем «Я» реальное, и вообще предпочитает жизнь в виртуальном мире жизни в её обычном понимании. Зачастую случается так, что собственное «Я» остаётся в тени придуманного образа, вследствие чего истинные желания оказываются без внимания и не реализуются, а смысл жизни частично или полностью утрачивается.

Особенно хорошо это прослеживается на примере компьютерных игр, являющихся неотъемлемым атрибутом повседневного бытия огромного количества людей и особой технологией конструирования виртуального мира. Социальная проблема и опасность такого сконструированного виртуального мира заключается в том, что для ряда индивидов он становится подменной реальности: чем более реалистична та или иная онлайн-игра, тем сильнее её психическое воздействие на человека. Эти игры становятся воплощением фантазий и иллюзий человека, что приводит к их большей привлекательности для психики индивида, чем подлинная реальность.

«Виртуализируясь, общество не исчезает, но переопределяется. Компьютерные технологии и, прежде всего, технологии виртуальной реальности, вызванные к жизни императивом рационализации общества, оказались наиболее эффективным инструментарием его симуляции. И теперь императив симуляции ведёт к превращению компьютерных технологий в инфраструктуру всякого человеческого действия и к превращению логики виртуальной реальности в парадигмальную для этого действия. Действует императив виртуализации, своего рода воля к виртуальности, которая трансформирует все сферы жизнедеятельности, как они сложились в процессе модернизации. Таким образом определяется роль микропроцессорных технологий: они представляют собой инфраструктуру развеществления / виртуализации общества» [17, с. 62].

В рамках современной стадии развития общества имеет место уже «универсали-

зация виртуализации», – всё становится предметом или результатом конструирования. По сути, в виртуальной среде как бы размывается грань между реальным и не-реальным, воображаемым. Благодаря этой «реальности виртуального» теряется чёткое представление о границе возможного и невозможного, которое всегда лежало в основе рационального планирования человеком своих действий и поступков.

Виртуальная реальность «...подчиняется своим законам природы, в ней своё время и своё пространство, не сводимые к законам, времени и пространству порождающей реальности. Это образ искусственного, реально-иллюзорного мира. Но тот, кто создаёт его, рассчитывает на обратную связь со стороны участников виртуального действия. Для создателя и реципиента это реальный мир пространственно-временных отношений» [18, с. 133]. В. А. Кутырев справедливо подмечает тот факт, что людям сегодня свойственно прятаться в цифровом мире от реального происходящего, скрываться в нём от действительности, а все попытки покинуть это иллюзорное состояние оборачиваются для них колоссальным стрессом [19, с. 23].

Таким образом, в нашей современности значимость виртуального мира неуклонно возрастает, а в ряде случаев он даже подменяет собой реальное бытие. На его основе создаётся совершенно новая система социальных отношений, находящаяся в неразрывной связи с феноменом виртуального, производная от факта его универсализации.

Заключение

В заключение коротко обозначим позитивные и негативные последствия цифровизации для экзистенции человека и коммуникации, осуществляемой им при посредстве новых цифровых технологий.

Позитивными последствиями являются:

- возможность дистанционного взаимодействия с миром, дистанционной работы и проведения досуга;
- возможность свободного быстрого доступа к любой информации и любым ресурсам сети;

– умение продуктивно работать в условиях «многозадачности»;

– удобство получения большого количества жизненно необходимых услуг и сервисов;

– развитие социальной коллаборации;

– возможность быстрой коммуникации;

– расширение потенциального круга общения до бесконечности;

– навыки постоянной самокоммуникации и развитие творческих способностей личности;

– огромная экономия времени на выполнение многих рабочих и житейских задач.

Негативными последствиями являются:

– обединение и примитивизация внутреннего мира человека;

– многочисленные раздражители (реклама, новостные ленты и т. д.), которые приводят к рассеиванию внимания, снижению уровня концентрации и возникновению клипового мышления, неспособности к последовательному методичному размышлению и рассуждению;

– разрыв общества на цифровых аборигенов и цифровых иммигрантов, что приводит к ещё большему социальному расслоению и непониманию между представителями разных субкультур;

– утрата умения добывать необходимую информацию и осуществлять её самостоятельную обработку для формирования самостоятельных выводов, принятия рациональных решений и их воплощения в жизнь;

– снижение когнитивных способностей;

– некритичность восприятия информации, что даёт возможность для дезинформации и манипуляции, распространения деструктивной информации, что может привести к крайне негативным действиям;

– возникновение информационной зависимости – потребности постоянно по-

глощать информацию за счёт отсутствия рефлексии и самостоятельного анализа полученной информации;

– смешение виртуального и реального мира, подмена реального мира и его свойств виртуальными, что приводит к смешению возможного и невозможного, из-за чего теряется способность принятия прагматически рационального решения и успешного действия на базе такого решения;

– дистанцирование и бегство от реальности;

– отказ от участия в реальной жизни общества;

– отказ от живого общения в пользу виртуального;

– игромания;

– отсутствие вербального контакта за счёт преобладания невербального, что приводит к снижению уровня грамотности и неумению понять реальное эмоциональное состояние собеседника и передать своё;

– потеря навыка чёткой, ясной, лаконичной формулировки своих мыслей и идей;

– отсутствие навыка работы с информацией и умения её анализа;

– появление упрощённого, «лайкового», примитивизированного мышления;

– обесценивание феномена «знания» из-за иллюзии лёгкой доступности любой информации;

– как результат – снижение уровня эрудированности и интеллекта.

Оба перечня, разумеется, могут быть продолжены и дополнены ещё немалым количеством пунктов. Главное, что, как и любой социальный феномен, цифровизация имеет амбивалентный характер, где позитивные её характеристики по принципу комплементарности дополняются негативными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Цифровизация как социокультурный феномен // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 1 (63). С. 88–97. DOI: 10.26456/vtphilos/2023.1.088
2. Лига М. Б., Щеткина И. А. Человек в эпоху цифровизации общества // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 2. С. 29–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38
3. Тимофеев А. В. Морфология цифровой аксиосферы: особенности функционирования и дина-

- мика ценностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2024. № 3 (69). С. 132–145. DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.102
4. Человек в эпоху цифровизации: угрозы, возможности, вызовы / под ред. А. А. Балаяна. СПб.: Норма, 2022. 86 с.
 5. Лекторский В. А. Человек и культура: избранные статьи. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2018. 640 с.
 6. Ситкевич Н. В. Аксиологический срез изменений мировоззрения в информационном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (19). С. 43–50.
 7. Игнатов В. Н. Социально-философские концепции постсовременности // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития. Кн. 19 / под общ. ред. О. И. Кирикова. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019. С. 302–311.
 8. Яловенко А. В. Самоопределение в ситуациях постмодерна // Вестник Воронежского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. Вып. 9.1. С. 37–41.
 9. Одинцов А. В. Медиапространство в сетевом обществе: контуры новой властвующей элиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Вып. 17. № 2. С. 167–171.
 10. Яблокова Н. И. Субъекты сетевого общества: социально-философский анализ // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 101–103.
 11. Социально-политическая динамика в сетевом обществе: вызовы и риски / О. М. Михайленок, А. В. Брега, В. В. Люблинский, Б. И. Зеленко, И. Л. Недяк, Л. Б. Москвин, О. Г. Щенина, А. В. Назаренко, Л. В. Макушина, Э. С. Шиманская // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 6. С. 128–166.
 12. Введение в «Цифровую» экономику. На пороге «цифрового будущего». Книга первая / под ред. А. В. Кешелева. М.: ВНИИГеосистем, 2017. 28 с.
 13. Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Homo digital – субъект цифровой революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 120–129. DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-120-129
 14. Носов Н. А. Реальности нереальности // Человек. 1993. № 1. С. 33–42.
 15. Антонова Е. Л. Магия искусственных миров: человек виртуальный в пространстве компьютерных игр // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 8–1. С. 193–196.
 16. Воронов А. И. Философский анализ понятия «виртуальная реальность»: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1999. 197 с.
 17. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 96 с.
 18. Ерофеева И. В. Аксиосфера современных СМИ: специфика и компоненты конструирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. 2019. № 8. С. 132–140.
 19. Кутырев В. А. Оправдание бытия (явление нигитологии и его критика) // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 17–26.

REFERENCES

1. Guryanova, A. V. & Timofeev, A. V. (2023). Digitalization as a socio-cultural phenomenon. In: *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*, 1 (63), 88–97. DOI: 10.26456/vtphilos/2023.1.088 (in Russ.).
2. Liga, M. B. & Shchetkina I. A. (2021). A man in the era of digitalization of society. In: *Humanitarian vector*, 16 (2), 29–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38 (in Russ.).
3. Timofeev, A. V. (2024). Morphology of the digital axiosphere: features of functioning and dynamics of values. In: *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*, 3 (69), 132–145. DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.102 (in Russ.).
4. Balayan, A. A., ed. (2022). *Man in the Age of Digitalization: Threats, Opportunities, Challenges*. St. Petersburg: Norma Publ. (in Russ.).
5. Lektorsky, V. A. (2018). *Man and Culture: Selected Articles*. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ. (in Russ.).
6. Sitkevich, N. V. (2021). Axiological Cross-Section of Changes in Worldview in the Information Society. In: *News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities*, 3 (19), 43–50. (in Russ.).
7. Ignatov, V. N. (2019). Social and philosophical concepts of postmodernity. In: *Philosophy, faith, spirituality: origins, position and development trends. Book 19*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University Publ., pp. 302–311 (in Russ.).

8. Yalovenko, A. V. (2002). Self-determination in postmodern situations. In: *Bulletin of the Voronezh State Technical University. Series: Humanities*, 9.1, 37–41 (in Russ.).
9. Odintsov, A. V. (2017). The media in the network society: outlines of a new ruling elite. In: *Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 17 (2), 167–171 (in Russ.).
10. Yablokova, N. I. (2018). Socio-political Dynamic of the Network Society: Challenges and Risks (“round table”). In: *Social and Political Sciences*, 5, 101–103 (in Russ.).
11. Mikhailenok, O. M., Brega, A. V. & Lyublinsky, V. V., at al. (2016). Social and Political Dynamics in the Network Society: Challenges and Risks. In: *Social and Humanitarian Knowledge*, 6, 128–166 (in Russ.).
12. Keshelayev, A. V., ed. (2017). *Introduction to the “Digital” Economy. On the Threshold of the “Digital Future”. Book One*. Moscow: VNIIGeosistem Publ. 28 p. (in Russ.).
13. Guryanova, A. V. & Timofeev, A. V. (2023). Homo digital – subject of digital revolution. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2, 120–129. DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-120-129 (in Russ.).
14. Nosov, N. A. (1993). Real unrealities. In: *Human*, 1, 33–42 (in Russ.).
15. Antonova, E. L. (2016). Magic of artificial worlds: virtual man in the space of computer games. In: *Actual problems of humanitarian and natural sciences*, 8–1, 193–196 (in Russ.).
16. Voronov, A. I. (1999). *Philosophical analysis of the concept of “virtual reality”*: [dissertation]. St. Petersburg. 197 p. (in Russ.).
17. Ivanov, D. V. (2000). *Virtualization of society*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ. (in Russ.).
18. Erofeeva, I. V. (2019). Axiosphere of modern media: specificity and components of construction. In: *Bulletin of Volgograd State University. Series 8*, 8, 132–140 (in Russ.).
19. Kutyrev, V. A. (2020). Justification of being (the phenomenon of nigitology and its criticism). In: *Questions of Philosophy*, 5, 17–26 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимофеев Александр Вадимович (г. Самара) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных систем и технологий Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва; доцент кафедры философии СГН-4 Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета); заведующий кафедрой общенаучных и гуманитарных дисциплин Самарского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов; доцент кафедры цифровых технологий Приволжского государственного университета путей сообщения; доцент кафедры естественнонаучных дисциплин Медицинского университета «Реавиз», г. Самара;
e-mail: timofeev_av@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Timofeev (Samara) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Information Systems and Technologies, Samara National Research University; Assoc. Prof., Department of Philosophy SGN-4, Bauman Moscow State Technical University (National Research University); Head of the Department, Department of General Sciences and Humanities, Samara Branch of the St. Petersburg University of the Humanities of Trade Unions; Assoc. Prof., Department of Digital Technologies, Volga State University of Railway Transport; Assoc. Prof., Department of Natural Sciences, Medical University “Reaviz” Samara;
e-mail: timofeev_av@list.ru

Научная статья

УДК 172.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-75-84

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Филиппченко А. Д.^{1*}, Фридман М. Ф.²

¹ Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор: e-mail: antonfil97@mail.ru

Поступила в редакцию 08.11.2024

После доработки 12.11.2024

Принята к публикации 24.11.2024

Аннотация

Цель. Описать структуру и философские основания формирования феномена экологического сознания.

Процедура и методы. Изучение философской и научной литературы; обобщение и структурирование изученного материала; анализ и выявление внутренней логики искомых понятий.

Результаты. Проанализирован корпус текстов философского и научного содержания; обобщён и структурирован предшествующий опыт в вопросе описания феномена экологического сознания и определения соответствующего понятия; выявлена многогранность и комплексность феномена экологического сознания на политическом, социальном, экономическом, культурном и религиозном уровнях; определена перспектива развития экологического сознания общества в контексте расширения сферы политического и социо-экономического влияния политической экологии и экософии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования уточняют понятие экологического сознания, описывают связь индивидуального экологического сознания и общества, определяют перспективы формирования экологического сознания у населения, а также могут использоваться в рамках практических рекомендаций для формирования экологического сознания политическими и социо-экономическими методами.

Ключевые слова: «зелёная» журналистика, «зелёная» экономика, природоохранная деятельность, философские основания, формирование экологического сознания, экологизация, экологическая политика, экологический менеджмент, экологическое право, экософия

Для цитирования:

Филиппченко А. Д., Фридман М. Ф. Философские основания формирования экологического сознания // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 75–84. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-75-84>

Original research article

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS

A. Filipchenko^{1*}, M. Fridman²

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: e-mail: antonfil97@mail.ru

© CC BY Филиппченко А. Д.*, Фридман М. Ф., 2025.

Received by the editorial office 08.11.2024

Revised by the author 12.11.2024

Accepted for publication 24.11.2024

Abstract

Aim. To describe the structure and philosophical foundation of the ecological consciousness formation.

Methodology. Study of philosophical and scientific literature; generalization and structuring of the studied material; analysis and identification of the desired concepts internal logic.

Results. The texts corpus of philosophical and scientific content was analyzed; previous ecological consciousness phenomenon experience and a relevant concept definition was generalized and structured; the versatility and complexity of the ecological consciousness phenomenon at the political, social, economic, cultural and religious levels was revealed; the prospects for the social ecological consciousness development in the context of expanding the area of political and socio-economic influence of political ecology and ecosophy were defined.

Research implications. The results of the study clarify the concept of environmental consciousness, describe the relationship between individual environmental consciousness and society, define perspectives for the environmental consciousness formation among the population, and can also be used as part of practical recommendations for the environmental consciousness creation by political and social-economic methods.

Keywords: “green” journalism, “green” economy, environmental protection, philosophical foundations, formation of environmental consciousness, greening, environmental policy, environmental management, environmental law, ecosophy

For citation:

Filipchenko A. D. & Fridman M. F. (2025). Philosophical Foundations for the Formation of Ecological Consciousness. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, pp. 75–84. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-75-84>

Введение

В последнее время всё больше внимания со стороны государства, бизнеса, науки, образования и других социальных институтов уделяется экологическим проблемам, определяющим качество среды обитания современного человека. Безусловно, широкий ряд реализуемых мер, направленных на сохранение природных ресурсов, существенно влияет на сложившуюся ситуацию, однако этих усилий явно не достаточно для того, чтобы минимизировать антропогенное воздействие на биосферу и связанные с ним угрозы биологическому многообразию и существованию самого человека как вида. Решение экологической проблемы требует её кардинального осмысления, определения философских оснований, разработки идеологии, логики, методологии, стратегии и технологии формирования экологического сознания.

Индивидуальное и общественное экологическое сознание как предмет исследования сегодня представляет большой научный интерес. Ухудшение экологической обстановки в мире и отдельных странах заставляет органы государственной власти, межправительственные организации, исследовательские центры искать новые методы решения актуальных и потенциальных экологических проблем. Формирование экологического сознания у населения является ключевым условием гармоничного сосуществования человека и природы, оптимизации и сбалансированности окружающей среды. Учитывая, что данный процесс протекает как на индивидуальном, так и на общественном уровнях, важнейшая роль в нём отводится государству. В настоящее время озабоченность рассматриваемым вопросом отражается в совершенствовании принципов

экологической политики, экологического права, экологического менеджмента, в развитии «зелёной» экономики и «зелёной» журналистики, в интеграции экологии как самостоятельной предметной области в естественные, технические и социально-гуманитарные науки (т. н. экологизация науки). Современный гражданин не может не обладать экологическим сознанием, без которого трудно себе представить ответственность и активность действующего субъекта в сложившейся системе общественных отношений с учётом интенсивного научно-технического прогресса. В предлагаемой статье рассматриваются передовые идеи, философские основания и ключевые факторы формирования экологического сознания.

Понятие экологического сознания

Взаимоотношения человека и природы представляют собой сложный и многоуровневый комплекс, где природа может как противопоставляться человеку при рассмотрении их действий через призму взаимовлияния, так и демонстрировать с ним единение, в котором человек является неотъемлемой частью природы. В первом случае, с одной стороны, человек выступает в качестве действующего субъекта, влияющего на окружающую среду, с другой стороны, он же становится объектом воздействия природы (преимущественно в контексте обмена материей и энергией). Во втором случае человек выступает в качестве производной, части природы, структурного компонента среды, участника экологических отношений. Обе ипостаси обоснованы и весьма интересны для изучения в контексте ответа на вопрос, поставленный И. Кантом: «Что такое человек?».

С одной стороны, человек удовлетворяет свои потребности, используя природные ресурсы планеты, с другой – человек обладает волей, заставляющей его руководствоваться ценностями, идеалами, принципами и нормами, продиктованными общественными отношениями. Вероятно, на стыке потребности и воли и

формируется сознание человека как вида и как индивида.

Шестой технологический уклад с его развитием нано-, биоинформационных и когнитивных технологий, Четвёртая промышленная революция, предполагающая роботизацию, искусственный интеллект, аддитивные технологии, интернет вещей, облачные вычисления и пр., смена поколений (X, Y, Z, Альфа и др.), распространение идей концепции «золотого миллиарда», трансформация модели мира (от VUCA-к BANI-миру, по Дж. Кашио), изменение классовой организации общества (модель стратификации У. Уотсона, теория пререкариата Г. Стэндинга) – эти и другие тенденции указывают на то, что общество в целом и человек в частности меняются интенсивно и кардинально, что вызывает коренные преобразования окружающей среды. Глобальные процессы и как ответ на них концепция устойчивого развития ООН свидетельствуют о необходимости обращения первостепенного внимания всего Земного шара на вопросы экологической тематики, ключевым из которых, по нашему мнению, является проблема формирования экологического сознания. Мы считаем, что именно человек – единственная сила в материальном мире, способная повлиять на положительный исход в решении глобальных проблем.

Проблему влияния цивилизации на биосферу планеты исследовал широкий круг учёных, в т. ч. одним из первых к ней обратился В. И. Вернадский. Он ввёл понятие ноосферы – высшей стадии эволюции биосферы, в рамках которой человеческий разум становится главным фактором, определяющим и контролирующим природные процессы во всём мире [1].

Представление человека о биосфере является ключевым условием гармоничного взаимодействия социума и природы. Это представление, в свою очередь, есть часть экологического сознания. Данное понятие существующее на стыке философии, психологии и экологии, описывает структуры мышления человека, отвечающие за оценку состояния окружающей среды и принятие

адекватных решений по взаимодействию с данной средой. А. Л. Крайнов даёт следующее определение экологическому сознанию: «...одно из проявлений сознания человека, ориентированное на жизненное пространство человека, направляющее его деятельность на сохранение данного пространства в состоянии экологической стабильности, улучшение его экологической обстановки и предотвращение экологического кризиса» [2, с. 15].

Другое определение приводят В. И. Медведев и А. А. Алдашева: «сформированная в виде понятийного аппарата система отношения человека к его связям с внешним миром, к возможностям и последствиям изменения этих связей в интересах человека или человечества, а также распространение существующих концепций и представлений, имеющих социальную природу, на явления и объекты природы и на их взаимные связи с человеком»¹.

В ходе своей работы над указанной тематикой Б. Шлегельмильх, И. Тиликидау и Й. Зотос предложили составную модель определения экологического сознания. По их мнению, оно включает в себя три важнейших аспекта [3]:

- 1) когнитивный (экологические знания);
- 2) аффективный (субъективное отношение к охране окружающей среды);
- 3) поведенческий (экологическое поведение, в том числе в области потребительского выбора).

Исходя из сказанного, можно выделить следующие компоненты экологического сознания.

1. Экоцентрическое восприятие (Природа → Человек). Отражение целостного образа природы во всем её многообразии в сознании человека позволяет ему определить степень влияния среды на его существование и становление (необходимость, польза, красота, смысл).

2. Антропоцентрическая идентичность (Человек → Природа). Человек, будучи

действующим субъектом, влияет на природу, на окружающую среду, поэтому очень важно определить его роль в ней: зачем он ей нужен и зачем она нужна ему (ценностно-оценочное отношение, в т. ч. ценности, идеалы, нормы, принципы, оценки и т. д.).

3. Эгоцентрическая идентичность (Я → Природа). Определение своей собственной роли в природе также очень важно, потому как человек не просто обладает потенциалом действующего субъекта, а призван руководствоваться своими убеждениями на практике, реализовывать конкретные замыслы, решать прикладные задачи. Важно понять своё место в природе, степень своего участия в формировании среды (понимание, ответственность, самоопределение, стремления, намерения, мотивы, поступки и пр.)

Предлагаемая модель позволяет говорить о системном подходе к изучению феномена экологического сознания, о некоторых критериях его сформированности.

Спектр проблематики экологического сознания

Наблюдая реальную угрозу национальной и международной экологической безопасности, правительства многих стран ведут активную работу по формированию у населения экологического сознания. Для этого используется целый комплекс мер, начиная от разработки экологического законодательства и заканчивая социальной рекламой и воспитательной работой в детских садах, школах, колледжах и вузах.

Сегодня важно отметить, что формирование экологического сознания – задача приоритетная, в решении которой должны принять участие все участники общественных отношений, все социальные институты, граждане всех государств. Один из важнейших институтов – система образования. В детском саду воспитатели рассказывают детям о различных растениях и животных, в школе экология «растворена» в иных предметах (химия, биология, география, физика и пр.), в то время как обязательный самостоятельный предмет

¹ Медведев В., Алдашева А. Социальная экология. Экологическое сознание: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 132.

«Экология» в российской школе отсутствует. В колледжах и вузах РФ такой предмет также встречается нечасто, только там, где есть соответствующий профиль подготовки (инженеры, химики, биологи и пр.). Данная проблема чрезвычайно важна, потому как именно в системе образования у человека формируется системное сбалансированное мировоззрение, опирающееся на научные знания и практический опыт.

Наряду с наукой и образованием другие социальные институты не игнорируют проблемы формирования экологического сознания. Так, например, в 2019 г. католическая церковь, по данным Vatican News¹, на специальной ассамблее синода по Амазонии ввела понятие «экологического греха». Ранее, в 2006 г., «зелёный кардинал», как его называют на его родине в Филиппинах, Гауденсио Росалес «принёс извинения природе за экологические грехи человечества», проводя службу в честь «Дня земли» на месте бывшей свалки в окрестностях Манилы². А в 2008 г. в интервью официальной газете Ватикана “L’Osservatore Romano” епископ Джанфранко Джиротти, перечисляя «семь социальных грехов современного мира», которые наносят вред всему населению земного шара, назвал в числе прочих «загрязнение окружающей среды»³.

Наряду с католиками, Русская православная церковь также не оставляет вопрос охраны окружающей среды без внимания. Так, в частности, ещё в 2006 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, совершая воскресный молебен в новом кафедральном соборе Южно-Сахалинска, определил «безудержное потребление ресурсов Земли

и уничтожение природы»⁴ как грех против Бога.

К экологическому вопросу ежегодно в своих посланиях Федеральному собранию РФ обращается Президент РФ В. В. Путин, призывая минимизировать вредоносное воздействие на окружающую среду. В настоящее время в РФ реализуется Национальный проект «Экология», нацеленный на то, чтобы «кардинально улучшить экологическую обстановку и положительно повлиять на оздоровление россиян»⁵. Функционирует также ряд государственных программ экологического профиля, в числе которых «Охрана окружающей среды», «Воспроизводство и использование природных ресурсов», «Развитие лесного хозяйства»⁶.

Говоря о бизнесе как о социальном институте, также важно отметить, что и в РСПП (Комитет по экологии и природопользованию), и в ТПП РФ имеются профильные подразделения (Совет по развитию экономики замкнутого цикла и экологии), коммерческие предприятия, занимающиеся природоохранной деятельностью в РФ, представлены довольно широко.

Искусство тоже не чужается экологической тематики. В частности, сейчас набирает силу такое направление, как Экологическое искусство (Экоарт), нацеленное на сохранение, восстановление и обновление форм жизни и природных ресурсов планеты [4]. В своём творчестве художники дарят «вторую жизнь» использованным ресурсам (крышки, упаковка, опавшие листья, ношенная одежда, отработанные покрышки и мн. др.).

¹ Хроника Синода: экологические грехи и альянс с коренным населением [Электронный ресурс] // Vatican News: [сайт]. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2019-10/hronika-sinoda-ekologicheskie-grehi.html> (дата обращения: 29.10.2024).

² Филиппинский кардинал извинился перед природой за экологические грехи человечества [Электронный ресурс] // Православная Энциклопедия: [сайт]. URL: <https://sedmitza.ru/text/343889.html> (дата обращения: 29.10.2024).

³ Взяли на душу 7 новых грехов [Электронный ресурс] // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/news/334436> (дата обращения: 29.10.2024).

⁴ Патриарх Кирилл назвал разрушение экологии грехом [Электронный ресурс] // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20160904/1476026313.html> (дата обращения: 29.10.2024).

⁵ Постеры нацпроекта «Экология» [Электронный ресурс] // Экология России: [сайт]. URL: <https://ecologyofrussia.ru/our-projects/postery-natsproekta-ekologiya> (дата обращения: 29.10.2024).

⁶ Сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 29.10.2024).

Политическая экология

Исходя из сказанного, следует заключить, что субъектов формирования экологического сознания в настоящее время немало, однако системности в этой работе по-прежнему не достаёт. В связи с этим отдельного внимания заслуживают вопросы экологической политики и экологического права.

Изучением методов политического воздействия на экологию занимается политическая экология. Эта наука возникла в начале прошлого века в связи с ростом интереса к изучению экологии и первыми дискуссиями об экологической безопасности на фоне бурного развития промышленного производства. В середине и второй половине прошлого столетия политическая экология выделилась в самостоятельную дисциплину в первую очередь благодаря трудам Юлиана Стюарта, Джона Беннета, Дэвида Кинсли и Родерика Нэша. В своих работах они приходят к выводу, что общество и природа взаимосвязаны, и лишь отношение к природе как к цели (т. е. при понимании её самоценности), но никогда не как к средству, способно сделать эту взаимосвязь гармоничной и устойчивой. В дальнейшем их идеи развиваются Эриком Вольфом и Рейчелом Карсом, которые исследуют связь экологии и социально-политических феноменов. В основе политической экологии – распределение ресурсов по земной поверхности и их ограниченность, развитие народного хозяйства и нагрузка на окружающую среду, и, наконец, проблема загрязнения и отходов. Все три аспекта тесно взаимосвязаны и нередко обуславливают друг друга.

В начале 70-х гг. политическая экология оформляется в самостоятельное научно-философское направление. В конце предыдущего десятилетия сложился Римский клуб, в задачи которого входили выявление глобальных тенденций общественного развития и прогнозирование их конечных результатов. Ряд учёных при поддержке клуба провёл исследование с общим названием «Пределы роста», в рамках которого

установили, что при существовавших тогда темпах роста населения, уровне индустриализации и количестве вредных атмосферных выбросов в течение ста лет наступит резкое и неизбежное истощение природных ресурсов планеты [5]. Исследование привлекло внимание широкой общественности, и в 1972 г. состоялась первая крупная экологическая международная конференция – Стокгольмская конференция по проблемам окружающей среды. Именно на ней было предложено глобальное и всеобщее решение возникшей проблемы – знаменитая концепция устойчивого развития, которая будет подробно обсуждаться в рамках второй главы данной работы.

Эти события заставили учёных и мыслителей по-новому взглянуть на существовавшую тогда экологическую действительность. В статье антрополога Эрика Вольфа 1972 г. впервые упоминается термин «политическая экология» [6]. В ней он исследует политические проблемы в контексте экосистем: как условия среды влияют на экономический рост, вопросы собственности и социальное неравенство. Вслед за тем появляются новые работы, в которых исследуется связь экологической обстановки и социально-политических и культурных феноменов. Рэйчел Карсон выпускает свою книгу «Безмолвная весна», где в политическом и экономическом контексте исследует проблему опасных выбросов и загрязнений, промышленного производства и массового распространения химических и канцерогенов [7]. Михаил Будыко в труде «Климат в прошлом и будущем» строит модель теоретического изменения климата с течением времени и рассматривает антропологические факторы сначала как значимые, а в будущем как единственные, которые влияют на изменение климата [8].

К концу прошлого века круг проблем политической экологии вновь расширяется, и тематика исследований начинает затрагивать темы генетики, кибернетики, трансгуманизма. Андре Горц выделяет и анализирует вектор развития капитализма, находя истоки изменений в том числе

в экологическом окружении. Он связывает экологию и политическую экономию в единую систему, где учитываются также факторы научно-технического прогресса, новых информационных систем, социальных условий. Барух Морис Ассаэль и Донна Харауэй писали о роли новых технологий в отношениях человека и внешней среды. Ассаэль исследовал прошлое и будущее генетических заболеваний через призму новых антропологических и социальных данных [9]. Харауэй исследовала новую трансгуманистическую реальность: роботизированные технологии, кибернетический организм, синтез органической и механической плоти – это практически неизбежное будущее, и оно будет менять саму суть социально-экологических отношений. Отныне в отношения природы и человека вклинивается третий субъект – механизм и искусственный интеллект [10].

Перспективы формирования экологического сознания общества в свете развития политического экологии

Сегодня политическая экология становится глобальным актором социально-политических преобразований. На заседании Римского клуба в 2018 г. были озвучены резкие тезисы о необходимости и даже неизбежности пересмотра мировой системы общественно-экономических отношений [11]. Докладчики использовали популярную экологическую повестку для продвижения главенствующих идей глобализма: отказа от роста экономики, формирования мирового наднационального правительства, введения цензуры и средств контроля над населением. Под благовидным предлогом борьбы с мировыми катаклизмами в действительности скрывается борьба за власть и влияние в мире. Таким образом, политическая экология современности всё больше становится рупором политической пропаганды. Политика и политическая экология начинают всё больше смешиваться друг с другом, и философские теории в будущем могут оказывать важнейшее влияние на государственную политику

отдельных стран. Этому способствует уже свершившийся факт глобализации, в рамках которой отдельные страны всё больше становятся частью мирового рынка, и всё меньше – независимыми политическими акторами. В таких условиях экологическая повестка, разрабатываемая политическими экологами, продвигается на уровне наднациональных политических образований и союзов, таким как ООН, ЕС или ВТО.

Сближение реальной политики и экологических исследований выражено чаще всего в стремлении политических акторов лучше понимать экологические перспективы, предугадывать возможные затруднения и оперативно на них реагировать. Например, в 2010 г. Европейский союз провёл крупное исследование устойчивости снабжения редкоземельными металлами. По итогам работы были выявлены наиболее важные материалы, бесперебойное снабжение которыми необходимо для функционирования современных высокоточных вычислительных систем и энергосберегающих технологий. Далее по результатам исследования Конгресс США и Европарламент объединили свои усилия по давлению на Китай с целью не допустить задержек поставок соответствующих природных ресурсов [12]. Данный пример показывает, как теоретические исследования в области экологии становятся триггером для принятия стратегически важных решений.

В РФ наряду с вышеуказанными мерами органов государственной власти и предпринимательского сообщества, большое внимание экологии уделяют некоммерческие организации и политические партии, в программах которых данная тематика находит весьма обстоятельное отражение.

Вместе с этим надо сказать, что вопросам экологического права уделяется внимания недостаточно. В ст. 42 Конституции РФ сказано: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого его здоровью или имуществу экологическим

правонарушением»¹. В ФЗ № 4 от 06.11.2020 «О Правительстве Российской Федерации» в ст. 22 говорится, что Правительство РФ «создаёт условия для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры»². Ключевым законом также является ФЗ № 7 от 10.01.2002 «Об охране окружающей среды», помимо которого принят и реализуется широкий ряд и других законодательных и подзаконных актов, добросовестное выполнение которых населением и контроль за этим со стороны органов государственной власти оставляют желать лучшего. Данное обстоятельство указывает на недостаточность усилий по формированию экологического сознания.

Между тем, сегодня экология оказывает существенное влияние практически на все сферы жизни: интенсивно происходит экологизация науки, экономики, производства, журналистики. Так, на промышленных предприятиях внедряются системы экологического менеджмента в соответствии с международными стандартами семейства ISO 14000, модель экологического, социального и корпоративного управления ESG и другие инструменты. Развитие «зелёной» экономики приводит к популяризации технологий бережливого и безотходного производства, к распространению идей рециклинга (повторного использования сырья), осознанного самостоятельного ограничения норм потребления, раздельного сбора мусора и др. «Зелёная» журналистика обращает всё больше внимания населения и представителей организованных устойчивых сообществ на экологическую проблематику.

Всё это наглядно иллюстрирует не только углубление понимания человечеством важности и значимости экологической

проблематики, но и рост персональной ответственности каждого отдельного субъекта, будь то гражданин или сообщество, физическое лицо или юридическое, частный бизнес или государственный орган.

Экологизация становится доминирующей тенденцией в общественном сознании, это проявляется как на уровне принятия непосредственных политических решений, так и в области экономической науки. Более того, политическая экология всё чаще становится конструктивистской рамкой в отношении общества. Это означает, что исследования в данной области начинают оказывать непосредственное влияние на умы людей, формируют экологический, а значит, и политический дискурс, конструируют дискурсы и нарративы. Экологическая и экономическая реальности не просто соприкасаются, но объединяются, создавая принципиально иное качество окружающей среды, определяющей вектор политического, социального и экономического развития общества [12]. В сложившихся условиях политическая экология призвана стать драйвером социально-экономического развития, с помощью которого отдельные акторы и целые государства смогут продвигать требуемую политическую повестку под предлогом необходимости защиты окружающей среды.

Здесь кроется ключевой недостаток политической экологии как модного инструмента политизации экономических интересов. В её научной основе всегда остаётся исследование взаимосвязи власти и общества, предполагающей решение конкретных, зачастую не связанных напрямую с экологией задач. Это означает, что экология нередко рассматривается не как самоцель, а чаще как средство и как условие достижения политического и социального результатов. Это, в свою очередь, противоречит главному этическому правилу экологии – относиться к природе всегда как к цели, но не как к средству. Политическая экология также придаёт слишком большое значение политическим решениям при оценке экологических последствий, что часто является искажением действитель-

¹ Конституция Российской Федерации. Ст. № 42 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3HPZEJ> (дата обращения: 29.10.2024).

² Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3HPZLM> (дата обращения: 29.10.2024).

ности. Не всё в экологии зависит от воли человека. Глобальная экосистема нашей планеты слишком сложна и многообразна, чтобы антропогенный фактор, хотя и является чрезвычайно важным, мог быть единственным при объяснении тех или иных явлений.

Заключение

Наше исследование, нацеленное на выявление существенных признаков, кардинальное осмысление и поиск философских оснований формирования экологического сознания, показало, что данная проблема не только не теряет своей актуальности, важности и значимости, но и в свете коренных изменений в системе общественных отношений, носящих системный, в т. ч. политический, экономический, социальный, научно-технический и прочий характер, требует особого внимания со стороны всех ключевых субъектов стратегического развития.

Безусловно, эту работу необходимо начинать с проработки принципов и постулатов экологических философии (экософии), идеологии и стратегии. Большое значение следует отвести развитию системы контроля

над исполнением экологического законодательства. Экология, будучи философией XXI в., должна стать государственным приоритетом и одной из основополагающих составляющих национальной идеи.

Экософия и политическая экология сегодня представляют собой важный политический и экологический инструмент. Исследования в данной области могут и должны оказывать существенное влияние на процесс защиты окружающей среды, но в то же время формировать политическую повестку и направлять экозащитный дискурс по заранее заданному пути. Появившись изначально как специфические научные направления, сегодня именно они – разные отрасли экологического знания (экософия, экологическая политика, экологическое право, «зелёная» экономика и пр.) – задают стратегические ориентиры развития национально-суверенитета нашей страны. От того, в чьих руках окажутся разработанные ими инструменты, и будет зависеть, кто и как будет бороться с возникающими экологическими проблемами, кто станет выгодоприобретателем этой борьбы, кто будет определять будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В. И. Биосфера и Ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.
2. Крайнов А. Л. Экологическое сознание: сущность и социально-исторические феномены: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2001. 145 с.
3. Tilikidou I., Zotos Y. Ecological consumer behaviour: review and suggestions for future research // *Medit*. 1999. Vol. 10. № 1. P. 14–21.
4. Weintraub L. To life!: Eco art in pursuit of a sustainable planet. Berkley: University of California Press, 2012. 386 p.
5. Пределы роста / Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, Й. Рэндерс, У. Беренз. М.: Московский государственный университет, 1991. 13 с.
6. Wolf E. Ownership and political ecology // *Anthropological quarterly*. 1972. Т. 45. № 3. P. 201–205.
7. Carson R. *Silent Spring* // *Thinking about the environment*. London: Routledge, 2015. P. 150–155.
8. Будыко М. И. Климат в прошлом и будущем. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 351 с.
9. Ассаэль Б. М. Дьявольский ген. СПб.: Благотворительный фонд «Острова», 2018. 220 с.
10. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ad Marginem, 2017. 128 с.
11. Мармазова Т. И., Фоменко М. В. Политическая экология: теория и прикладное значение // *Право и практика*. 2021. № 1. С. 198–204. DOI: 10.24412/2411-2275-2021-1-198-204
12. Романова Т. А. Что такое политическая экология? От практики к теории и стратегии [Электронный ресурс] // *Россия в глобальной политике*: [сайт]. 2010. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/chto-takoe-politicheskaya-ekologiya> (дата обращения: 25.10.2024).

REFERENCES

1. Vernadsky, V. I. (2004). *Biosphere and Noosphere*. Moscow: Iris-press Publ. (in Russ.).
2. Krainov, A. L. (2001). *Ecological consciousness: essence and socio-historical phenomena*: [dissertation]. 145 p. (in Russ.).
3. Tilikidou, I. & Zotos, Y. (1999). Ecological consumer behaviour: review and suggestions for future research. In: *Medit*, 10, 1, 14–21. (in Russ.).
4. Weintraub, L. (2012). *To life!: Eco art in pursuit of a sustainable planet*. Berkley: University of California Press.
5. Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J. & Berens, W. (1991). *Limits to growth*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russ.).
6. Wolf, E. (1972). Ownership and political ecology. In: *Anthropological quarterly*, 45 (3), 201–205.
7. Carson, R. (2015). *Silent Spring*. In: *Thinking about the environment*. London: Routledge Publ., pp. 150–155.
8. Budyko, M. I. (1980). *Climate in the Past and Future*. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ. (in Russ.).
9. Assael, B. M. (2018). *Devil's Gene*. St. Petersburg: Charitable Foundation “Islands” Publ. (in Russ.).
10. Haraway, D. (2017). *Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist Feminism of the 1980s*. Moscow: Ad Marginem Publ. (in Russ.).
11. Marmazova, T. I. & Fomenko M. V. (2021). Political Ecology: Theory and Application. In: *Law and Practice*, 1, 198–204. DOI: 10.24412/2411-2275-2021-1-198-204 (in Russ.).
12. Romanova, T. A. (2010). What is Political Ecology? From Practice to Theory and Strategy. In: *Russia in Global Affairs*, 5. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/chto-takoe-politicheskaya-ekologiya> (accessed: 10.25.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Филиппченко Антон Дмитриевич (г. Москва) – аспирант кафедры методики преподавания химии, биологии, экологии и географии Государственного университета просвещения;
e-mail: antonfil97@mail.ru

Фридман Михаил Феликсович (г. Москва) – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: mffree79@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anton D. Filipchenko (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Methods of Teaching Chemistry, Biology, Ecology and Geography, Federal State University of Education;
e-mail: antonfil97@mail.ru

Mikhail F. Fridman (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Philosophy, Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: mffree79@mail.ru

Научная статья

УДК 130.3

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-85-93

ВЗГЛЯДЫ АЛЕКСЕЯ СТЕПАНОВИЧА ХОМЯКОВА КАК ПРЕДПОСЫЛКА К ФОРМИРОВАНИЮ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ РОДИНЫ И ПАТРИОТИЗМА

Чикаева Т. А.

Московский художественно-промышленный институт, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: umoi@rambler.ru

Поступила в редакцию 09.10.2024

После доработки 16.10.2024

Принята к публикации 30.10.2024

Аннотация

Цель. Оценка методологического потенциала высказываний А. С. Хомякова для утверждения концепции Родины и патриотизма, соответствующей современному уровню развития общества и философии.

Процедура и методы. Ключевыми исследовательскими методами стали социально-философский, логико-философский и метод контекстного анализа. Проведено исследование трудов А. С. Хомякова, выявлена аргументация по основным аспектам концепции Родины и патриотизма, полученные результаты соотнесены с выводами современных исследователей

Результаты. Доказано, что труды А. С. Хомякова заложили основы рассмотрения Родины как общеполитической, а Отечества как социально-философской категории. Опора на его взгляды позволяет понять сущность патриотизма, доказать связь между патриотизмом и социальной справедливостью.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии потенциала наследия А. С. Хомякова как основы уточнения дефиниций понятий «Родина», «Отечество», «патриотизм» и укрепления их в общественном сознании.

Ключевые слова: А. С. Хомяков, дух, материнская функция, Отечество, патриотизм, патриотическая элита, Родина

Для цитирования:

Чикаева Т. А. Взгляды Алексея Степановича Хомякова как предпосылка к формированию современной концепции Родины и патриотизма // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 85–93. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-85-93>

Original research article

THE VIEWS OF ALEXEI STEPANOVICH KHOMYAKOV AS A PREREQUISITE FOR THE FORMATION OF A MODERN CONCEPT OF THE MOTHERLAND AND PATRIOTISM

T. Chikaeva

Moscow Art Industrial Institute, Moscow, Russian Federation

e-mail: umoi@rambler.ru

Received by the editorial office 09.10.2024

Revised by the author 16.10.2024

Accepted for publication 30.10.2024

Abstract

Aim. To assess the methodological potential of A. S. Khomyakov's statements for the formation of the concept of the Motherland and patriotism, corresponding to the current development level of society and philosophy.

Methodology. The key research methods were social-philosophical, logical-philosophical methods and the method of contextual analysis. A study of the works of A. S. Khomyakov has been conducted, argumentation on the main aspects of the concept of the Motherland and patriotism has been revealed, the results obtained are correlated with the conclusions of modern researchers.

Results. It is proved that the works of A. S. Khomyakov laid the foundations for considering the Motherland as a general philosophical category, and the Fatherland as a socio-philosophical category. Relying on his views allows us to understand the essence of patriotism, to prove the connection between patriotism and social justice.

Research implications. The article reveals the potential of A. S. Khomyakov's legacy as the basis for clarifying the definitions of the concepts of "Motherland", "Fatherland", "patriotism" and strengthening them in the public consciousness.

Keywords: Motherland, Fatherland, maternal function, spirit, patriotism, patriotic elite, A. S. Khomyakov

For citation:

Chikaeva T. A. (2025). The Views of Alexei Stepanovich Khomyakov as a Prerequisite for the Formation of a Modern Concept of the Motherland and Patriotism. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, pp. 85–93. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-85-93>

Введение

В настоящее время становится всё более очевидной необходимость существенных перемен в жизни человечества. Организация взаимодействия стран, народов, культур, а также управления социокультурными процессами, практикуемая начиная с 1991 г., показала свою несостоятельность. Столь же несостоятельными следует признать и концепции космополитизма и мультикультурализма, отрицающие значимость национально-культурных особенностей и взаимосвязь индивидуального сознания с базовыми смыслами и ценностями культуры своего народа. В ходе общественных дискуссий выдвигаются разные идеи о том, на каких принципах должна быть организована жизнь человека, социальной группы, народа, человечества, чтобы она соответствовала принципам справедливости. На наш взгляд, было бы целесообразно начать решение данного вопроса с определения содержания базовых мировоззренческих принципов. Обосновывая данную точку зрения, заметим, что от качеств мировоззрения участников общественных процессов за-

висит то, какие цели будут поставлены, какие ценности будут сберегаться и приумножаться. Идеалом общечеловеческого бытия, согласно традиции отечественной мысли, поддержанной зарубежными исследователями, является концепция ноосферы. Следует принять во внимание, что ноосфера, объединяющая в единое целое человека и природу, отрицает идею плавильного культурного котла и стирания национальных культурных особенностей. Напротив, как следует из нашего исследования [1], Родина как духовная субстанция является фундаментом её построения. Но в общественном сознании преобладают тенденциозные и идеологизированные дефиниции категорий «Родина», «Отечество», «патриотизм», которые препятствуют принятию решений, носящих созидательный характер, и реализовать ноосферный проект единства в многообразии и многообразного единства в таких условиях трудно.

Культурно-исторические изменения в России и в мире, соотнесение с ними выводов научно-философских дискуссий указывают на актуальность уточнения концепции Родины и патриотизма как ключевых

принципов организации социального бытия. Это актуализирует обращение к наследию славянофилов. Целесообразность оценки перспективы опоры на воззрения мыслителей данного направления в построении дефиниций категорий «Родина», «Отечество», «патриотизм» связана с тем, что в своих трудах они рассматривали мир как единое, но многообразное целое. Давая высокую оценку отечественной культуре, рассматривая её в качестве фундамента всеобщего развития, славянофилы утверждали ценность других культур, признавали полезность творческого заимствования и взаимодействия.

В числе славянофильских мыслителей, воззрения которых могут способствовать уточнению содержания и объёма категорий «Родина», «Отечество», «патриотизм», следует назвать одного из столпов данного учения – Алексея Степановича Хомякова. У него нет работ, посвящённых философскому осмыслению исключительно указанных категорий, но, рассматривая многие историко-философские проблемы, вопросы перспектив существования и развития русского и других народов, мыслитель затрагивает соответствующие темы. Данное обстоятельство позволяет убедиться в наличии связи между теоретическим осмыслением и реальной социокультурной практикой, что является дополнительным аргументом в пользу целесообразности анализа и выделения взглядов А. С. Хомякова, которые могут быть положены в основу современных концепций Родины и патриотизма.

Родина и Отечество в рассуждениях А. С. Хомякова

Алексея Степановича Хомякова, 220-летие со дня рождения которого мы отмечаем в 2024 г., по праву можно назвать одним из выдающихся отечественных философов. Представленные в трудах мыслителя тезисы, посвящённые осмыслению содержания и объёма категорий «Родина» и «Отечество», представляются особо ценными, т. к. они были сделаны в условиях отстаивания самобытности русской

культуры при взаимодействии с другими культурами без самоизоляции и отказа от взаимодействия со странами и народами. Обобщённая оценка наследия философа позволяет современным исследователям назвать его патриотом, для которого служение Родине и Отечеству было нравственным долгом [2, с. 223], а не формальной обязанностью.

Понятие «Родина» рассматривается А. С. Хомяковым как всеобщая философская категория, как источник и основа бытия. Заметим, что мыслитель связывает Родину как с отдельным человеком или с целым народом, так и с иными предметами, знаниями, мыслями, искусствами. Так, он пишет о «Родине зодиака и годоисчисления учёного» [3, с. 127] или о «Родине писем гласовых» [3, с. 312], т. е. рассматривает Родину как начало как материальных, так и духовных объектов. Родина, следовательно, понимается как то, что предшествует всему, т. е. является субстанцией. Этот вывод позволяет опровергнуть выводы тех, кто полагает понятие «Родина» искусственно внедряемым в общественное сознание для достижения политических целей, поскольку таковых нет у природы или науки.

Рассуждения мыслителя позволяют сформулировать ключевые онтологические и аксиологические характеристики «Родины». В качестве основы для анализа возьмём следующий тезис. Описывая успешную борьбу славян с финнами и сарматами, философ пишет о том, что она не оказала разрушительного воздействия на нравственность победителей, «потому что святая война за Родину не похожа своими последствиями на несправедливую войну завоевателя» [4, с. 489]. Из данного предложения можно логически вывести следующие тезисы.

Во-первых, то, что Родину А. С. Хомяков рассматривает как сакральную ценность, выше и значительнее которой ничего быть не может. Мыслитель отрицает формальное возведение жизни, всё равно какой, пусть даже в рабском состоянии, на вершину пирамиды ценностей. Если бы было иначе, то

различия между праведной, святой войной за Родину и завоевательной войной не было бы сделано, они бы обе подвергались бы осуждению, как у других мыслителей. Так, в своих «Статьях о патриотизме» Л. Н. Толстой объявляет безнравственными даже освободительные войны народов, указывая на то, что они сопряжены с гибелью людей [5, с. 90].

В XXI в. правоту А. С. Хомякова подтверждают как убеждения многих известных людей, так и ответы респондентов опросов общественного мнения. К примеру, С. Г. Воркачев приводит такие высказывания о сущности Родины: «Родина – место, которое человек не может променять ни на что», «Это что-то святое, ты его считаешь самым лучшим местом, какое бы оно ни было» [6, с. 191]. Определение Родины как святыни находит подтверждение в лингвокультурологическом анализе. Исследователь русского языка и культуры В. Н. Телия, основываясь на архетипах, проявленных в фольклорном и литературном творчестве, определяет Родину как святыню, которую нужно оберегать и охранять [7, с. 474–475]. Можно отметить то, что тезис А. С. Хомякова позволяет взять святость, высшую ценность Родины за основу определения её характеристик.

Во-вторых, рассматриваемый тезис стимулирует обращение к другим суждениям мыслителя для обретения понимания того, почему же Родина является священной ценностью. Проведённый анализ позволяет сказать, что Алексей Степанович Хомяков понимает Родину как понятие в первую очередь, духовное, Родина, по его мнению, связана с духом, с заветами предков. Е. И. Андрианова приходит к выводу, что мыслитель рассматривает как её духовную реальность [8, с. 241].

Но, нельзя, по его мнению, утверждать то, что Родина отделена от материального, что с ним у неё нет связи, а, следовательно, человек может равнодушно взирать на успехи или неудачи в социально-политической или экономической сфере. Человек, любящий свою Родину, каким себя полагает А. С. Хомяков, с радостью

глядит на «вещественное величие своей Родины» [9, с. 388]. Этот тезис соответствует нашему выводу, сделанному на основе анализа исследовательской литературы и опросов общественного мнения, о том, что духовная сущность Родины раскрывается человеку через сложную систему её образов [10, с. 57]. Обращение к нему будет стимулировать поиск ответа на вопрос, что может служить показателем вещественного величия Родины, а также как материальное благополучие отражается на выполнении Родины её функций, т. е. способствовать уточнению содержания категории «Родина».

Ключевой заслугой А. С. Хомякова является то, что, определив Родину в качестве святыни, он указывает на её близость человеку. Его обращения к Родине бывают противоречивы, у мыслителя даже нет чёткого указания на то, является ли она объектом или субъектом. В одном тезисе он называет Родину самым близким предметом для человека [3, с. 17], т. е. ценным объектом. Но в другом суждении философ говорит о Родине как о личности, субъекте, как о любимой, матери, пишет, что она согревает своих детей и вскармливает «их всех своею животворною грудью» [9, с. 386]. Понимание Родины как матери перекликается с мнением, изложенным трудах разных философов, выраженным в пословицах и поговорках различных народов [10, с. 54]. Подход к характеристике материнской функции Родины, предложенный философом, указывает на важность анализа перспектив дефиниции Родины как субъекта, активного участника социокультурных процессов.

Отечество философ может рассматривать как синоним Родины, но всегда соотносит его с человеком или Богом. В отличие от Родины, которая есть у всего, Отечество может быть связано только с тем, у кого есть дух [3, с. 153], поэтому верно будет отметить, что А. С. Хомяков признаёт различия Родины и Отечества. На наш взгляд, разграничение понятий «Родина» и «Отечество» важно по целому ряду причин. В современных социокуль-

турных условиях одна из основных среди них состоит в необходимости исключения формального отношения человека к Родине и Отечеству, предотвращения их рассмотрения как концептов без денотата. Рассуждение А. С. Хомякова помогает обратить внимание на новые акценты в трудах мыслителей, посвящённых различию Родины и Отечества, определить критерии такого различия.

Для человека Отечество, согласно суждениям А. С. Хомякова, является высшей ценностью, святыней. Заметим, что Отечество мыслитель, как правило, пишет с заглавной буквы, подчёркивая его значимость и ценностный статус. Онтология Отечества – это онтология духа. Мыслитель подчёркивает, то Отечество «находится не в географии. Это не та земля, на которой мы живём и родились и которая в ландкартах обводится зелёной или жёлтой краскою... Это не та земля, к которой я приписан, даже не та, которою я пользуюсь и которая мне давала с детства такие-то или такие-то права и такие-то или такие-то привилегии» [11, с. 588].

Как следует из данного тезиса, Отечество – это нечто иное, нежели политико-географическое пространство, но, как замечает философ, его вместе с тем нельзя полагать в качестве некоторой умозрительной идеи, условности. Отвечая на вопрос о смысле Отечества, А. С. Хомяков пишет: «Это та страна и тот народ, создавший страну, с которыми срослась вся моя жизнь, все моё духовное существование, вся целостность моей человеческой деятельности. Это тот народ, с которым я связан всеми жилами сердца и от которого оторваться не могу, чтобы сердце не изошло кровью и не высохло» [11, с. 588]. В данной дефиниции можно увидеть связь с мыслью о том, что Отечество есть соединение духа и творчества человека и социальной группы, что оно развивается и совершенствуется деятельностью людей, от которых зависит, будет или нет у них Отечество.

Надо отметить, что земное Отечество возлагает на человека обязанности [11, с. 588], т. е. требует активности. Небесное

же Отечество – это Бог, и оно является общим для всех людей, но прийти к нему можно только через нравственное отношение к земному Отечеству.

Современная философская мысль развивает представленный тезис мыслителя и позволяет сформулировать такую дефиницию Отечества. Отечество – это результат соединения Родины как духовной ценности, святыни, существующей объективно и выполняющей роль порождающего начала, с творческой, духовной деятельностью человека по преобразованию естественной природно-социальной среды, её упорядочиванию и управлению [12, с. 38].

Следует, по нашему мнению, обратить внимание на тот факт, что мыслитель делает различие между Отечеством, Родиной и государством. Государство, в отличие от Отечества и Родины, имеет статус необходимости, но не святыни. Нельзя поднять народ на защиту исключительно государства, т. е. системы управления территорией, так, русские люди всегда сражались «За Новгород и святую Софию», «За Владимир и Боголюбскую Богородицу» [13, с. 468], «За Родину», «за Отечество». Данный тезис требует серьёзного анализа и оценки широко распространённой в справочной литературе дефиниции Родины и Отечества как государства, чьим гражданином человек является. Можно отметить то, что рассуждения А. С. Хомякова способствуют аргументации разграничения Родины, Отечества и государства, позволяют отделить философские и политологические аспекты вопроса.

А. С. Хомяков о патриотизме и патриотах

Любовь к Родине и Отечеству А. С. Хомяков называет естественной [9, с. 396]. Рассуждая, он ставит вопрос о том, есть ли в действительности противоречие между христианской идеей всеобщего единства и любовью к своей Родине, своему Отечеству, стремлением развивать свою национальную культуру, желанием создать нечто значимое для своего наро-

да, гордиться его величием. Ответ прост: если человек действует в соответствии с нравственными принципами, заботясь о торжестве справедливости, он обязательно прославит свою Родину, своё Отечество. Мыслитель указывает, что Вильберфорс и его друзья, будучи «подвижниками и человеческого и христианского чувства», создали славу своей Родине, Англии [14, с. 626].

Мыслитель рассматривает любовь к Родине, преданность Отечеству как нравственное чувство, необходимое для полноценной жизни человека. Тех, кто оставляет Отечество без объективной причины, из-за эгоистических побуждений, философ называет жалкими, утверждая, что они более жалки, чем представители народов без своих государств, разбросанных по всему миру, т. к. те имеют своё Отечество, основу своего духа в религии или обычаях своего племени, а покинувшие Отечество физически или духовно не имеют ничего [11, с. 588].

Преданность и любовь к своему Отечеству и Родине не являются препятствием к взаимному духовному обогащению народов. В древности народы принимали гостей из чужих краёв доброжелательно, «и пришелец возвращался в свою Родину, обогатившись новыми понятиями и оплодотворив понятия гостеприимных своих хозяев» [3, с. 141]. Как справедливо отмечают исследователи творчества философа, патриотизм с его точки зрения исключает самоизоляцию и замкнутость только на внутрисоциальных вопросах [15, с. 208].

С мнением А. С. Хомякова согласуется тезис Д. С. Лихачёва, мыслителя XX в., в котором он утверждает, что истинный патриотизм состоит в том, чтобы обогащать культуру своего и других народов [16, с. 147]. Таким образом, можно отметить, что во взглядах одного из ведущих славянофилов содержатся предпосылки формирования нравственной концепции патриотизма, рассмотрения его как ключевой общечеловеческой ценности, направленной на творческое взаимодействие разных народов.

А. С. Хомяков обращает внимание на различие истинного и ложного патриотизма, и этот опыт в настоящее время имеет существенную значимость, поскольку в современном обществе под знаком патриотизма совершаются разнонаправленные по критерию нравственности поступки. В качестве критерия истинности патриотизма мыслитель называет искренность и отсутствие разрыва между словами и делами. Осуждению подвергаются те, кто, заявляя о своём патриотизме, проявляет пренебрежение и более негативные чувства к своему народу и его культуре. Он с возмущением пишет о том, что «иные твердят о своих патриотических чувствах, а “людей в Киеве ничем зовут”, ... или ругаются над неучёною Русью» [17, с. 324].

Отрицательную оценку получают у А. С. Хомякова те, кто уничижает русского человека, представляя его бессмысленным и бессловесным, или те, кто видит в русском крестьянине только зачатки человека. Он характеризует как лицемерие утверждения «представителей недостижимых кругов и салонов, в которых патриотическая любовь снисходительно собирается приготовить для души того же бородача духовное и умственное содержание, которого она ещё до сих пор лишена, а для его жизни вещественное благополучие по новейшим иностранным образцам» [11, с. 600].

По нашему мнению, А. С. Хомяков обоснованно и наглядно акцентировал внимание на том, что за словами о патриотизме и любви к народу, своей культуре могут скрываться стремления к полной переделке народной жизни на чужой лад. Истинный патриотизм должен стать основой духовной жизни человека. Покидающий Отечество ради выгоды достоин, по мнению мыслителя, самой низкой оценки. Но «не меньшему, если не большему осуждению подлежит тот, кто, не оставляя пределов своего Отечества и не расставаясь с землёю, приобретённую или созданную трудами прежних поколений, расторгает все свои связи с жизнью народною: беглец душою и сердцем, он влачит печальное своё существование среди жизни чужой» [18, с. 693].

Противостоять этому можно через воспитание и образование, и, прежде всего, через внутреннее единство, формирование истинно патриотической элиты. Разрыв культуры верхов и низов общества воспринимается философом трагически, с болью он констатирует то, что вершины общества «живут, как гости на Родине, не только говорят, пишут, но и мыслят не по-русски» [19, с. 452]. В своих трудах А. С. Хомяков предлагает способы преодоления данного феномена, т. е. формирует концепцию образования, способную воспитать патриота, который будет воспринимать иную культуру с учётом ценностной системы отечественной культуры [20, с. 26].

В этих рассуждениях мыслителя мы можем увидеть отражение проблем современного общества и принять как руководство его совет к воспитанию новой элиты, к формированию управленческого корпуса из тех, кто человечность, любовь к своему народу, знание его культуры считает своей насущной потребностью, чья любовь к Родине и Отечеству проявляется не в словах, а в делах, у кого в мыслях нет противоречия между патриотической риторикой и желанием получить комфорт извне. В рассуждениях философа также содержится тезис о том, что формирование и развитие патриотической идеологии и патриотического поведения требуют решения проблемы обеспечения социальной справедливости в обществе, без которой человека можно соблазнить на поступок против Родины и Отечества.

Заключение

Проведённое исследование показало, что, несмотря на то, что у А. С. Хомякова нет чётко сформулированных теоретиче-

ских постулатов, которые объясняли бы онтологическую и аксиологическую сущность категорий «Родина», «Отечество», «патриотизм», из трудов мыслителя можно извлечь основу для построения современной философской концепции Родины и патриотизма. Заслуживает внимания указание на то, что Родина есть у всех и всего, а Отечество связано с социальными субъектами, т. е. определены исходные принципы дефиниции данных понятий. В рассуждениях о патриотизме содержатся идеи, актуальные в настоящее время. Прежде всего, это тезис о том, что патриотизм способствует взаимному культурному обогащению народов и раскрытию каждым социальным субъектом своего творческого потенциала. Во-вторых, это сформулированные и проиллюстрированные фактами критерии отнесения лица к кругу истинных патриотов. В-третьих, взгляды А. С. Хомякова закладывают фундамент в исследование связи патриотизма и социокультурного состояния общества, реализации в нём идеи социальной справедливости. Такие исследования проводились в советский период истории, сейчас обращение к данному направлению актуализируется с учётом новаций социальной действительности.

В трудах А. С. Хомякова заложены основы понимания Родины, Отечества и патриотизма как святынь, имеющих общечеловеческое значение, которые, можно положить в основу идеи будущего справедливого общества. В этой связи следует признать целесообразным популяризацию наследия мыслителя, проведение широкой дискуссии, посвящённой анализу его взглядов с позиции перспектив рассмотрения их в качестве базиса для уточнения концепции Родины и патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чикаева Т. А. Родина как гарантия ноосферного проекта // Ноосферные исследования. 2023. № 2. С. 60–72. DOI: 10.46724/NOOS.2023.2.60-72
2. Шараев П. С. Алексей Степанович Хомяков – гражданин и патриот // Труды Томской духовной семинарии. Томск: Томская духовная семинария Томской Епархии Русской православной церкви, 2020. С. 223–231.
3. Хомяков А. С. Великая держава под ударами «протестантского топора» Англия // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Благословение: Институт русской цивилизации, 2011. С. 612–646.

4. Хомяков А. С. Вместо введения [к «Сборнику исторических и статистических сведений о России и о народах, ей единовременных и единоплеменных»] // Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Работы по историософии. М.: Медиум, 1994. С. 486–493.
5. Толстой Л. Н. Статьи о патриотизме. М.: Единение, 1917. 128 с.
6. Воркачев С. Г. Идея патриотизма в языковом сознании российской молодёжи: социолингвистическое представление // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2015. № 3. С. 190–194.
7. Телия В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «Родина» // Славянские этюды: сборник к юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 466–476.
8. Андрианова Е. И. Тема родной земли в публицистике авторов XIX–XX веков (А. С. Хомяков, И. А. Ильин, Ю. И. Селезнёв) // VI Селезнёвские чтения: актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 23 ноября 2019 г. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. С. 237–242.
9. Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Благословение, Институт русской цивилизации, 2011. С. 357–419.
10. Чикаева Т. А. Родина. Патриотизм (социально-философское исследование). М.: Московский художественно-промышленный институт, 2019. 129 с.
11. Хомяков А. С. Мнение русских об иностранцах // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Благословение: Институт русской цивилизации, 2011. С. 574–612.
12. Чикаева Т. А. Философское понимание Отечества. М.: Московский художественно-промышленный институт, 2022. 124 с.
13. Хомяков А. С. О старом и новом // Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Работы по историософии. М.: Медиум, 1994. С. 456–470.
14. Хомяков А. С. «Вопрос о жизни и смерти». О возможности русской художественной школы // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Благословение: Институт русской цивилизации, 2011. С. 300–328.
15. Гайнутдинова Е. В., Руденко М. Н., Свечкарева В. Р. Патриотизм как национальная идея в России: мотивационные аспекты актуализации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 206–214.
16. Лихачёв Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. М.: Российский фонд культуры, 2006. 336 с.
17. Хомяков А. С. «Семирамида» (Исследование истины исторических идей) // Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Работы по историософии. М.: Медиум, 1994. С. 15–446.
18. Хомяков А. С. Реформы Петра I в контексте европейской цивилизации. Аристотель и всемирная выставка // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Благословение: Институт русской цивилизации, 2011. С. 677–694.
19. Хомяков А. С. Несколько слов о философическом письме (напечатанном в 15 книжке «Телескопа») (Письмо к г-же Я.) // Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Работы по историософии. М.: Медиум, 1994. С. 449–455.
20. Панфилова М. И. А. С. Хомяков об образовании // Актуальные проблемы философских наук: сборник научных статей по итогам НИР за 2022 год. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. С. 24–29.

REFERENCES

1. Chikaeva, T. A. (2023). Motherland as a guarantee for the implementation of the noospheric project. In: *Noospheric research*, 2, 60–72. DOI: 10.46724/NOOS.2023.2.60-72 (in Russ.).
2. Sharaev, P. S. (2020). Alexey Stepanovich Khomyakov – citizen and patriot. In: *Proceedings of the Tomsk Theological Seminary*. Tomsk: Tomsk Theological Seminary of the Tomsk Diocese of the Russian Orthodox Church, pp. 223–231 (in Russ.).
3. Khomyakov, A. S. (2011). Great power under the blows of the “Protestant axe” England. In: Khomyakov, A. S. *Worldwide task of Russia*. Moscow: Blessing Publ., Institute of Russian Civilization Publ., pp. 612–646 (in Russ.).

4. Khomyakov, A. S. (1994). Instead of an Introduction [to the "Collection of Historical and Statistical Information about Russia and the Peoples Who Are Contemporaneous and of the Same Tribe". In: Khomyakov, A. S. *Works. Vol. 1: Works on Historiosophy*. Moscow: Medium Publ., pp. 486–493 (in Russ.).
5. Tolstoy, L. N. (1917). *Articles on Patriotism*. Moscow: Unity Publ. (in Russ.).
6. Vorkachev, S. G. (2015). The Idea of Patriotism in the Linguistic Consciousness of Russian Youth: A Sociolinguistic Representation. In: *Bulletin of the North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov*, 3, 190–194 (in Russ.).
7. Telia, V. N. (1999). Reflexes of the archetypes of consciousness in the cultural concept of "Homeland." In: *Slavic etudes: a collection for the anniversary of S. M. Tolstoy*. Moscow: Indrik Publ., pp. 466–476 (in Russ.).
8. Andrianova, E. I. (2020). The theme of the native land in the journalism of authors of the XIX–XX centuries (A. S. Khomyakov, I. A. Ilyin, Yu. I. Seleznev). In: *VI Seleznev readings: current problems of journalism, criticism, literary criticism, history: materials of the International scientific and practical conference, Krasnodar, November 23, 2019*. Krasnodar: Kuban State University Publ., pp. 237–242 (in Russ.).
9. Khomyakov, A. S. (2011). Regarding the Article by I. V. Kireevsky "On the Nature of the Enlightenment of Europe and Its Relation to the Enlightenment of Russia." In: Khomyakov, A. S. *The Global Task of Russia*. Moscow: Blagosloveniy Publ., Institute of Russian Civilization Publ., pp. 357–419 (in Russ.).
10. Chikaeva, T. A. (2019). *Rodina. Patriotism (Socio-Philosophical Research)*. Moscow: Moscow Institute of Art and Industry Publ. (in Russ.).
11. Khomyakov, A. S. (2011). The Opinion of Russians about Foreigners. In: Khomyakov, A. S. *The Global Task of Russia*. Moscow: Blagosloveniy Publ., Institute of Russian Civilization Publ., pp. 574–612 (in Russ.).
12. Chikaeva, T. A. (2022). *Philosophical Understanding of the Fatherland*. Moscow: Moscow Institute of Art and Industry Publ. (in Russ.).
13. Khomyakov, A. S. (1994). On the Old and the New. In: Khomyakov, A. S. *Works. Vol. 1: Works on historiosophy*. Moscow: Medium Publ., pp. 456–470 (in Russ.).
14. Khomyakov, A. S. (2011). "The Question of Life and Death". On the Possibility of a Russian Art School. In: Khomyakov, A. S. *The Global Task of Russia*. Moscow: Blagosloveniy Publ., Institute of Russian Civilization Publ., pp. 300–328 (in Russ.).
15. Gainutdinova, E. V., Rudenko, M. N. & Svechkaryova, V. R. (2023). Patriotism as a National Idea in Russia: Motivation Aspects of Actualization. In: *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4 (77), 206–214 (in Russ.).
16. Likhachev, D. S. (2006). *Selected Works: Thoughts on Life, History, and Culture*. Moscow: Russian Cultural Foundation Publ. (in Russ.).
17. Khomyakov, A. S. (1994). "Semiramis" (A Study of the Truth of Historical Ideas). In: Khomyakov, A. S. *Works. Vol. 1. Works on historiosophy*. Moscow: Medium Publ., pp. 15–446. (in Russ.).
18. Khomyakov, A. S. (2011). Reforms of Peter I in the Context of European Civilization. Aristotle and the World Exhibition. In: Khomyakov, A. S. *Russia's Global Task*. Moscow: Blessing Publ., Institute of Russian Civilization Publ., pp. 677–694 (in Russ.).
19. Khomyakov, A. S. (1994). A Few Words about Philosophical Writing (Published in Issue 15 of Telescope) (Letter to Mrs. Ya.). In: Khomyakov, A. S. *Works. Vol. 1: Works on Historiosophy*. Moscow: Medium Publ., pp. 449–455 (in Russ.).
20. Panfilova, M. I. (2023). A. S. Khomyakov on Education. In: *Actual Problems of Philosophical Sciences: Collection of Scientific Articles Based on the Results of Research in 2022*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics Publ., pp. 24–29 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чикаева Татьяна Александровна (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московского художественно-промышленного института;
e-mail: umoi@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana A. Chikaeva (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Head of the Department, Humanities and Socio-Economic Disciplines, Moscow Art Industrial Institute;
e-mail: umoi@rambler.ru

Научная статья

УДК 340.114.5

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-94-100

СОЗНАНИЕ ПРАВОВОГО ГРАЖДАНИНА

Юсупов Р. Р.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: 4250407@gmail.com

Поступила в редакцию 03.12.2024

После доработки 10.12.2024

Принята к публикации 14.12.2024

Аннотация

Цель. Изучение сущности правосознания гражданина, его структурных компонентов и влияния уровня его развития на функционирование правового государства.

Процедура и методы. Исследование основано на историко-культурном, политико-правовом и психологическом анализе. Рассмотрены концепты «гражданин» и «правосознание» в западной и российской традициях, а также влияние конституционно-правовой политики на их формирование.

Результаты. Правосознание включает когнитивный, ценностно-мотивационный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Недостаточный уровень его развития способствует правовому нигилизму, снижению доверия к государственным институтам и эффективности законодательства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют разрабатывать меры по укреплению правовой культуры, улучшению правопорядка и обеспечению реализации прав граждан, что особенно важно для развития демократического общества.

Ключевые слова: гражданин, конституционно-правовая политика, право, свободы, сознание

Для цитирования:

Юсупов Р. Р. Сознание правового гражданина // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 94–100. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-94-100>

Original research article

CONSCIENCE OF A LAW-ABIDING CITIZEN

R. Yusupov

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: 4250407@gmail.com

Received by the editorial office 03.12.2024

Revised by the author 10.12.2024

Accepted for publication 14.12.2024

Abstract

Aim. To study the essence of the legal consciousness of a citizen, its structural components and the impact of its level of development on the functioning of the rule of law.

Methodology. The research is based on historical, cultural, political, legal and psychological analysis. The concepts of “citizen” and “legal awareness” in the Western and Russian traditions are considered, as well as the influence of constitutional and legal policy on their formation.

Results. Legal awareness includes cognitive, value-motivational, emotional and behavioral components. The insufficient level of its development contributes to legal nihilism, a decrease in confidence in state institutions and the effectiveness of legislation.

Research implications. The results of the study make it possible to develop measures to strengthen the legal culture, improve the rule of law and ensure the realization of citizens' rights, which is especially important for the development of a democratic society.

Keywords: citizen, constitutional and legal policy, law, freedoms, consciousness

For citation:

Yusupov R. R. (2025). Conscience of a Law-Abiding Citizen. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, pp. 94–100. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-94-100>

Введение

Граждане – системообразующая единица современного государства. Соблюдение прав и свобод граждан гарантирует каждому человеку возможность формирования достойного отношения к себе, удовлетворения потребности в самореализации и вселяет уверенность в своём будущем. Важную составляющую в этом занимает уровень развития правового сознания гражданина. В. В. Сафронов в своём исследовании утверждает, что «...роль правового сознания гражданина сложно переоценить в системе реализации гражданином объёма прав и обязанностей» [1, с. 131]. Нами подчёркивается данное суждение, потому как правосознание представляет собой интегративное качество личности, обеспечивающее её способность осознавать, соблюдать и защищать свои права, а также выполнять обязанности в рамках действующего законодательства. Оно формируется под влиянием ряда факторов, включая конституционно-правовую политику, гражданское воспитание и политико-психологические аспекты. Недостаточная развитость правового сознания зачастую приводит к правовому нигилизму и снижению эффективности гарантий прав и свобод. Цель данного исследования – изучить феномен правосознания гражданина, а также выявить последствия его низкого уровня развития.

Исторический, социальный и психологический компоненты дефиниции и концепта «гражданин» и «сознание правового гражданина»

Нами были исследован и проанализирован ряд научных работ последних лет, посвящённых изучению истории зарождения и развития правового сознания, а также его формирующих компонентов. В основе исследования, таким образом, лежат концептуальные подходы к пониманию дефиниции сознания правового гражданина, представленные в трудах научных исследователей. В результате анализа исследования Д. А. Скударнова и И. Б. Фан были раскрыты историко-культурные и политические предпосылки становления концепта «гражданин». В западноевропейской традиции понятие «гражданин» изначально ассоциировалось с принадлежностью к городской общине, где определялись права и обязанности индивида в рамках управления городом и государством. В античных полисах гражданин обладал привилегированным статусом, а в средневековых городах его положение зависело от сословной и корпоративной принадлежности. Эти модели обосновывали взаимодействие между государством и человеком, что было концептуально отражено в идеях Т. Гоббса и Дж. Локка [2].

Прежде чем перейти к характеристике понятия «гражданин» в отечественной практике (в интерпретации И. Б. Фан), следует подчеркнуть, что играло роль в его становлении в контексте эпохи дореволюционной России. Д. А. Скударнов подробно характеризует факторы, определяющие формиро-

вание правового сознания того времени, где в основе лежали религиозное начало и традиционные устои. Анализ его трудов позволяет представить тезисно важнейшие этапы. До петровских реформ правовая культура населения определялась христианской нравственностью, где «Домострой», созданный в XVI в., играл ключевую роль, формируя представления о законопослушании на основе страха перед Богом. Власть воспринималась как Божественное установление, а царь – как наместник Бога. Петровские реформы, начавшиеся в 1700-х гг., стали переломным моментом: приоритет государственной службы над личными и религиозными интересами заложил основу нового правового сознания. Архиепископ Феофан Прокопович, сподвижник Петра I, разработал в XVIII в. концепцию «совершенного гражданина», ориентированного на благо государства. Екатерина II в 1767 г. издала «Наказ», где провозглашались верховенство закона, равенство граждан перед ним и презумпция невиновности [3].

Как отмечает в своих трудах И. Б. Фан, в российской традиции слово «гражданин», как и в западноевропейской, означало принадлежность к городу. Но это вовсе не подразумевало наличие гражданских прав. Оно обозначало лишь социально-экономическое положение людей в рамках общегосударственного подданства. В XIX в. под влиянием западноевропейских идей происходит переосмысление этого концепта: на социально-экономическое значение накладываются элементы гражданского облика и нравственности, но политико-правовой аспект остаётся отчуждённым. В советский период концепт «гражданин» приобрёл идеологизированный характер, включающий мифологизированный образ строителя коммунизма и формально-юридическое значение. В постсоветский период внедрение западной модели национального гражданства произошло с искажениями из-за влияния политической культуры и устоявшихся порядков. В результате в российской практике наблюдается противоречие между формальным содержанием понятия «гражданин» и реальной его сущностью, что выражается в

разрыве между формой и содержанием, обозначенном как системная проблема социально-политической реальности [4].

Выявленная проблематика раскрывается и в других плоскостях, определяющих статус гражданина. Как отмечает в своём исследовании А. В. Селезнева, феномен и концепт «гражданина» в социально-политическом ракурсе отражают две ключевые ипостаси жизнедеятельности человека: политическую и общественную. Первая определяется юридическим статусом и совокупностью правовых связей с государством. Основой здесь является гражданство, трактуемое как устойчивая правовая связь, выражающаяся во взаимных правах и обязанностях между человеком и государством. Это позволяет человеку реализовать гражданские права в рамках установленных норм. Сегодня концепция гражданства расширяется через модели транснационального, глобального и цифрового гражданства. Гражданин в недемократическом режиме должен жертвовать личными интересами ради общего блага, тогда как в демократическом обществе акцент ставится на рациональное использование свобод для общественного развития. Однако роль гражданина не сводится лишь к выполнению юридических норм, она подкрепляется моральными принципами и осознанным участием в политических и социальных процессах. Например, участие в выборах становится долгом, а не просто правом, реализуя принцип взаимной ответственности гражданина и государства. Вторая ипостась – принадлежность к гражданскому обществу – представляет человека как члена системы негосударственных объединений, созданных для выражения интересов общества [5]. Гражданское общество формируется на базе правового государства и обеспечивает условия для самореализации личности через социализацию. Оно содействует развитию разносторонних способностей человека, помогая ему осознавать свою индивидуальность в рамках социальных норм. В гражданском обществе человек не только субъект, но и часть коллективной структуры, где соблюдение норм и морали сочетается с личной свободой [5].

Таким образом, гражданское общество создаёт среду для реализации свободной воли, которая выражается в индивидуальной самореализации, согласованной с общественными требованиями. Это обеспечивает устойчивый баланс между индивидуальным и коллективным началом, необходимый для функционирования демократического и правового государства, где гражданин становится активным участником социальной и политической жизни.

Психологический компонент в контексте разбора сущности «гражданина» играет важную роль. В основе данного тезиса лежит его взаимосвязь с политическим аспектом. Это выражается в том, что гражданин является субъектом социально-политических процессов, чьи психологические особенности формируются под воздействием ценностных ориентиров, политических представлений, эмоций, мотивов и форм участия в общественной жизни. Эта сущность проявляется через несколько ключевых аспектов. Гражданское сознание включает осознание человека как части общества и государства, что выражается в понимании ценностей, норм и принципов, лежащих в основе политической реальности. Оно формируется как обобщённый образ политической картины мира, акцентируя внимание на таких доминантах, как справедливость, права человека и законность. Гражданское самосознание представляет собой рефлексивный аспект, когда индивид осознаёт себя гражданином определённого государства, выстраивая свою идентичность на основе принадлежности к социально-политической общности [6]. Этот аспект определяет самооценку и развитие личности, усиливая её политическую субъектность. Гражданская идентичность формирует идентификацию с конкретной социальной группой и её пространственно-временными характеристиками, создавая образ «Мы», отражающий коллективное прошлое, настоящее и будущее. Это основа для политического самоопределения и структурирования политической идентичности личности. Гражданская активность выражается в выполнении гражданских обязанностей, инициативности и стремлении к

общественно полезной деятельности. Она основана на субъектной позиции личности и её готовности активно участвовать в жизни общества, детерминируя роль гражданина [7; 8]. Все эти компоненты взаимосвязаны, взаимозависимы и составляют интегративное качество гражданина – гражданственность. Это комплексное свойство личности, сочетающее когнитивный, ценностно-мотивационный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Гражданственность характеризуется способностью личности к осмысленному и эмоционально насыщенному взаимодействию с государством и обществом. Когнитивный компонент отражает знания о стране, обществе и собственном месте в них, ценностно-мотивационный – стремление к социально значимым целям, эмоциональный – отношение к своей стране и людям, поведенческий – действия, направленные на социально-политическую активность. Таким образом, политико-психологическая сущность гражданина охватывает широкий спектр характеристик, которые позволяют ему полноценно участвовать в общественной жизни и развивать общество, исходя из принципов гражданской зрелости и социальной ответственности.

Роль и важность формирования и поддержания высокого уровня развития сознания правового гражданина

Важность формирования и развития правового сознания гражданина имеет свои преимущества. Эти преимущества выражаются в тезисе о том, что уровень развития правосознания граждан прямо коррелирует с содержанием и эффективностью обеспечения гарантий прав и свобод человека. Сформированное правосознание способствует осознанию и применению норм права в повседневной жизни, создавая устойчивую основу для реализации их и свобод. При этом недостаточный уровень правосознания может приводить к правовому нигилизму, подрыву верховенства закона, распространению бюрократии и коррупции. Граждане, осознающие

свои права и обязанности, демонстрируют склонность к социально полезному поведению, что, в свою очередь, положительно влияет на деятельность государственных органов, включая законодательные, исполнительные и судебные структуры. Правосознание детерминирует правомерное поведение личности, представляя собой процесс осознания ценностей прав и свобод, соотношение позитивного права с представлениями о естественном праве. Это оказывает влияние на формирование привычек, позволяя гражданину автоматически выбирать социально значимые модели поведения. Данные утверждения находят своё отражение в результатах анализа исследования К. В. Сангаджиевой, которая подчёркивает, что уровень правосознания граждан представляет собой систему объективных и субъективных условий, а также средств защиты и охраны прав человека. Эти гарантии включают социально-экономические, политические и юридические компоненты, обеспечивающие равные возможности для реализации прав и свобод личности. Процесс реализации прав сопровождается мыслительной деятельностью, включающей в себя психологические аспекты: убеждения, эмоции, потребности. Мотивация гражданина определяется через призму его правовых принципов и установок, формируя соответствующую цель и действия для её достижения. Таким образом, правосознание не только влияет на личное поведение, но и формирует общественные настроения, способствуя улучшению качества законодательства, поддержке демократического режима и обеспечению политической стабильности. Взаимосвязь между правосознанием и гарантиями прав и свобод очевидна: осведомлённый гражданин осознаёт возможности и ограничения своего правового статуса, активно участвует в защите своих интересов, что укрепляет правовой порядок. Гарантии, закреплённые в Конституции и международных актах, охватывают личные, политические, социальные, экономические и культурные права, основываясь на принципах всеобщности и законности. Таким образом, правосознание

выступает как интеллектуальная основа и практический механизм, связывающий индивидуальное поведение с общей системой обеспечения прав и свобод [9].

Конституция, её системообразующая функция государственности и формирующая функция сознания правового гражданина

Конституция, как было отмечено ранее, не только выступает гарантом прав и свобод граждан, но и является непосредственным участником в становлении правосознания граждан. Подробнее роль Конституции, выполняющей формирующую функцию, разбирает в своём исследовании В. И. Майоров. Конституционно-правовая политика в его трудах выступает как система приоритетов, принципов и механизмов, направленных на поддержание и развитие правового государства через стратегическое и планомерное регулирование общественных отношений. Она охватывает идеологическую, институциональную и деятельностьную составляющие. Идеологический аспект формирует представление о правовом государстве как идеальной модели, институциональный регулирует взаимодействие базовых государственных и общественных институтов, а деятельностьный определяет практическую реализацию норм и принципов через правовые акты. Главная цель этой политики заключается в обеспечении прав и свобод граждан, укреплении правопорядка и стимулировании правовой культуры. Эффективная конституционно-правовая политика предполагает взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества для разработки и реализации стратегически важных нормативных актов, которые регулируют ключевые аспекты общественной жизни. Она интегрируется с концепциями конституционности, правовой культуры и сознания, формируя основу для правомерного поведения граждан.

Конституция Российской Федерации выступает основой нашей государственности. Она закрепляет основные положения

государственного устройства, где права и свободы граждан описываются как высшая ценность. Она является ориентиром и задаёт стратегическое направление для дальнейшего развития правовой системы. Конституция выражает основные принципы демократического государства (баланс власти). Практика, в свою очередь, демонстрирует, что фактические нормы Конституции РФ не выполняются в полной мере. Существует значительная угроза демократическому началу в отношении распределения власти и полномочий. Частые изменения в законодательстве без системной привязки к конституционным нормам создают правовую нестабильность, подрывают доверие к правовой системе, разрушая в сознании граждан понятия закона, его важности для всех и каждого. Несоответствие между провозглашёнными в Конституции правами и их реальной защитой вызывает сомнения в эффективности её реализации. К тому же возникает дилемма в вопросах нерушимости и неизменности конституционных основ. Утрачивает ли она свою значимость в силу изменения социально-политической среды в государстве? Может ли она удовлетворять потребности современного гражданина, чьё сознание в значительной степени отличается от сознания граждан, при которых основы Конституции принимались [10]?

Заключение

Результаты нашего исследования позволяют сделать ряд однозначных выводов. Представим их тезисно. «Правосознание – одна из форм существования права в обществе» [11, с. 48]. Оно отражает уровень зрелости социальной системы, демонстрируя, насколько граждане осознают свои права

и обязанности и насколько они готовы соблюдать законы. Взаимодействие правосознания с правовой культурой формирует основу для устойчивого правопорядка, поддерживает демократические принципы и гарантирует эффективность правового регулирования. Конституционно-правовая политика играет ключевую роль в укреплении правового сознания, задавая стратегическое направление для формирования правомерного поведения граждан. Она должна быть направлена на развитие идеологических, институциональных и деятельностных компонентов, чтобы обеспечить интеграцию правовых норм в общественное сознание. Низкий уровень правосознания увеличивает риск правового нигилизма, подрывает доверие к государственным институтам и препятствует реализации гарантий прав и свобод граждан. Устойчивое правосознание граждан способствует развитию правовой культуры, что отражается в соблюдении законов, активном гражданском участии и осознанной защите своих прав. Для повышения уровня правосознания в российском обществе необходима консолидация усилий государства, образовательных и общественных институтов. В заключение следует добавить, что правосознание – ключевой элемент правовой системы, обеспечивающий связь между «неосязаемым» законом и его «реальным» (практическим) воплощением в жизни общества. Будущим направлением исследования может выступить изучение роли современного состояния Конституции в качестве гаранта формирования правового сознания граждан, а также защиты их прав и свобод, его соотношения с нормативно-правовыми актами и реализации принятых законодательных положений в рамках судебной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафронов В. В. Парадигма правового сознания гражданина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3 (44). С. 126–131. DOI: 10.51980/2542-1735_2021_3_126
2. Фан И. Б. Западноевропейская модель национального гражданства в российских условиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 246–254. DOI: 10.17223/1998863X/52/22
3. Скударнов Д. А. Особенности формирования правового сознания в дореволюционной России // Юридическая наука. 2021. № 2. С. 25–29.

4. Фан И. Б. Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. Екатеринбург: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018. 332 с.
5. Селезнева А. В., Азарнова А. А. Гражданин как политико-психологический феномен: концептуальный анализ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 4. С. 7–23.
6. Селезнева А. В., Антонов Д. Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодёжи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21
7. Савельева О. Е. Компоненты гражданской активности личности как планируемые результаты гражданского воспитания // Наука и школа. 2022. № 3. С. 177–185. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-177-185
8. Ценностные основания гражданской активности / Д. В. Хрипкова, М. С. Начкебия, М. Н. Реутова, К. А. Хрипков // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 4. С. 55–68. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-4
9. Сангаджиева К. В., Дёмина Е. П. Влияние правосознания на содержание гарантий прав и свобод граждан в условиях развития информационного общества // Образование и право. 2023. № 2. С. 23–30. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-2-23-30
10. Майоров В. И., Сисакьян А. К. Влияние конституционной правовой политики на формирование правового сознания // Общество и право. 2019. № 4 (70). С. 146–151.
11. Кошкарлова Ю. А., Миронова Г. А. Деформация правосознания как проблема современного общества // Право и практика. 2024. № 1. С. 47–50. DOI: 10.24412/2411-2275-2024-1-47-50

REFERENCES

1. Safronov, V. V. (2021). The paradigm of the legal awareness of a citizen. In: *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3 (44), 126–131. DOI: 10.51980/2542-1735_2021_3_126 (in Russ.).
2. Fan, I. B. (2019). The Western European model of national citizenship in Russian conditions. In: *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 52, 246–254. DOI: 10.17223/1998863X/52/22 (in Russ.).
3. Skudarnov, D. A. (2021). Characteristic of legal conscience formation before revolution. In: *Legal science*, 2, 25–29 (in Russ.).
4. Fan, I. B. (2018). *Political ontology of the Russian citizen: content versus form*. Ekaterinburg: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ. (in Russ.).
5. Selezneva, A. V. & Azarova, A. A. (2020). The citizen as a political-psychological phenomenon: a conceptual analysis. In: *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political sciences*, 4, 7–23 (in Russ.).
6. Selezneva, A. V. & Antonov, D. E. (2020). The value bases of the civic consciousness of the Russian youth. In: *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 58, 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21 (in Russ.).
7. Savelyeva, O. E. (2022). Components of individual civic engagement as anticipated results of civic education. In: *Science and School*, 3, 177–185. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-177-185 (in Russ.).
8. Khripkova, D. V., Nachkebia, M. S., Reutova, M. N. & Khripkov, K. A. Value bases of civic engagement. In: *Research result. Sociology and management*, 6 (4), 55–68. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-4 (in Russ.).
9. Sangadzhieva, C. V. & Demina, E. P. (2023). The influence of legal awareness on the content of guarantees of the rights and freedoms of citizens in the context of the development of the information society. In: *Education and Law*, 2, 23–30. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-2-23-30 (in Russ.).
10. Mayorov, V. I. & Sisakyan, A. K. (2019). The influence of constitutional legal policy on the formation of legal consciousness. In: *Society and Law*, 4 (70), 146–151 (in Russ.).
11. Koshkarova, Yu. A. & Mironova, G. A. (2024). The Deformation of legal consciousness as a problem of modern society. In: *Law and Practice*, 1, 47–50. DOI: 10.24412/2411-2275-2024-1-47-50 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юсупов Рашид Романович (г. Москва) – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: 4250407@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rashid R. Yusupov (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: 4250407@gmail.com

Научная статья

УДК 128:008.2

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-101-107

ВЛИЯНИЕ ТРАНСГУМАНИЗМА НА СОЦИУМ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Яровая Е. В.

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

e-mail: v89257662491@gmail.com

Поступила в редакцию 29.11.2024

После доработки 11.12.2024

Принята к публикации 14.12.2024

Аннотация

Цель. Анализ влияния трансгуманизма на социальные процессы и оценка перспектив и рисков, связанных с изменением человеческой природы под воздействием современных технологий.

Процедура и методы. Основным исследовательским методом выступил сравнительный анализ. Проведён анализ философских и социальных концепций трансгуманизма в сочетании с рассмотрением ключевых технологий, включая биопротезирование, крионику и искусственный интеллект, и их возможного влияния на общество.

Результаты. Определены потенциальные риски усиления социальной дифференциации и угроза утраты традиционных человеческих качеств в условиях внедрения трансгуманистических технологий.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в углублении понимания философских и этических аспектов трансгуманизма, что способствует разработке стратегий социального и правового регулирования технологических изменений.

Ключевые слова: постгуманизм, постчеловек, совершенствование организма, трансгуманизм, ценности

Для цитирования:

Яровая Е. В. Влияние трансгуманизма на социум. Перспективы и последствия // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 101–107. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-101-107>

Original research article

THE IMPACT OF TRANSHUMANISM ON SOCIETY: PROSPECTS AND CONSEQUENCES

E. Iarovaia

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: v89257662491@gmail.com

Received by the editorial office 29.11.2024

Revised by the author 11.12.2024

Accepted for publication 14.12.2024

Abstract

Aim. To analyse the impact of transhumanism on social processes and to assess the prospects and risks associated with changes in human nature under the influence of modern technologies.

Methodology. The main research method was comparative analysis. The philosophical and social concepts of transhumanism were analysed in combination with the consideration of key technologies, including bioprosthetics, cryonics and artificial intelligence, and their possible impact on society.

Results. Potential risks of increased social differentiation and the threat of loss of traditional human qualities in the context of the introduction of transhumanist technologies were identified.

Research implications. The study deepens the understanding of the philosophical and ethical dimensions of transhumanism, which contributes to the development of strategies for the social and legal regulation of technological change.

Keywords: posthumanism, posthuman, organism improvement, transhumanism, values

For citation:

Iarovaia E. V. (2025). The Impact of Transhumanism on Society. Prospects and Consequences. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, pp. 101–107. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-101-107>.

Введение

«Человек смертен, поскольку субстратом его сознания (Я, личности) является непрочный и несовершенный биологический организм, который неизбежно стареет, разрушается и умирает» [1, с. 105]. Стремление преодолеть эти ограничения стало фундаментом идей трансгуманизма, предлагающего коренное усовершенствование человека через технологии. Однако обещания обретения долголетия и улучшения интеллектуальных, физических и моральных качеств вызывают как оптимистические, так и тревожные прогнозы. Вопрос о последствиях таких изменений выходит за пределы научной фантастики, становясь насущным предметом обсуждения. Цель работы – рассмотреть перспективы трансгуманизма и возможные риски его реализации для общества и личности.

«В XXI в. самые важные и опасные вызовы истории несут в себе глобальные проблемы» [2, с. 114]. Эти вызовы обостряют стремление найти пути к новому типу человеческого существования. Вера в саморазвитие, рассматриваемая как универсальный эволюционный подход, основывается на идее, что развитие человека и общества можно представить как процесс, направленный «от меньшего к большему». В этом ключе она противопоставляется традиционной религиозной вере, заменяя её стремлением к самосовершенствованию через науку и технологический прогресс. В рамках трансгуманизма как одной из основных идеологий вера в саморазвитие становится не просто философским убеждением, но и базовым принципом, движущей силой

к созданию нового человека, наделённого возможностями для преодоления физических и духовных ограничений. Такой подход не только подчёркивает стремления к автономии человеческого разума и силы, но и наделяет эволюционный процесс свойствами будущего знания, в котором человек желает стать сам себе богом, полностью игнорируя пределы традиционных представлений о Божественном вмешательстве.

С. С. Никитин рассматривает данный вопрос подробно с точки зрения приверженца религиозного подхода к сущности человека. Результаты анализа его исследования демонстрируют, что в основе эволюционистских взглядов лежит концепция перехода от материального к сущему, предполагающая возникновение Вселенной из «ничего». Этот принцип исходит из гипотезы, что материальный мир способен сам по себе порождать новые формы бытия без какого-либо внешнего вмешательства или духовного начала. Сама Вселенная, как утверждает приверженцами космоизма, возникла по законам физики, не требующим участия какого-либо высшего существа, и этот процесс описывается в рамках эволюционного подхода. На следующем этапе возникает идея перехода к живому, которая предполагает возможность самозарождения жизни из неорганической материи. В научных теориях данное понятие представляется как способность неживых веществ под воздействием определённых условий и реакций создать первые формы жизни, простейшие биологические структуры. Это видение базируется на том, что из сложных химических элементов и орга-

нических соединений при определённом воздействии (например, энергии или окружающей среды) возможно образование живого существа, способного к размножению и развитию. Вслед за этим эволюция ведёт к следующему этапу – к одушевлённому, когда жизнь обретает не просто физическую форму, но и способность к самосознанию. В процессе эволюции живая материя переходит от примитивных организмов к более сложным формам, обладающим нервной системой и способным осознавать своё существование. Этот этап подразумевает, что из простых живых существ со временем сформировались организмы с элементарным интеллектом и осознанными действиями, что стало основой для последующих уровней развития.

Впоследствии развития начинает вырабатываться и формироваться на протяжении всей жизни личность. Она представляет собой уникальный набор характеристик каждого отдельного индивида, выполняющий функции отличительного характера – разницы «его» от «других». Этот этап эволюции подчёркивает, что человек в отличие от остальных живых существ формирует осознанную индивидуальность, обладая самосознанием и способностью к рефлексии. Эволюция к личности связана с развитием когнитивных способностей, нравственности и культурных ценностей, что подводит к формированию социальных и духовных связей, позволяющих человеку видеть себя частью общества. Следующим этапом является развитие социальной структуры, представляющее собой не просто личностное существование, а коллективное взаимодействие. Человек, стремящийся к совместной жизни, выстраивает социумы по определённым правилам и принципам, способствующим совместному существованию и развитию. В данном аспекте появляется идея, что коллективный разум и объединённые усилия позволяют достигать масштабных изменений. Здесь важное место занимают социальные революции, которые формируют или изменяют общественные структуры и институты в ответ на вызовы и потребности человеческого развития.

Социальные революции рассматриваются как катализаторы изменений, направленных на совершенствование общественных отношений, создание равенства и свободы, и такие процессы являются важной частью глобального эволюционного движения.

Мир такой, каким мы знаем его сегодня, выражает свои амбиции в стремлении к глобализации. Абсолютной его формы достичь не предвидится возможным в ближайшие десятилетия. Однако некоторые успехи уже отчётливо отражаются в совместном сотрудничестве стран в ряде областей (энергетика, ядерная безопасность, экономика, решение военных конфликтов). Такие процессы особенно усиливаются в условиях цифровизации, глобализации и интернета, которые позволяют создать единую систему обмена знаниями, ресурсами и технологиями. Концепция глобального мира предполагает, что все общественные институты, науки и технологии могут работать в интегрированной и взаимосвязанной системе, направленной на общую пользу и развитие всего человечества. Последний этап – это идея бесконечного развития, включающая в себе амбиции человечества на преодоление физической конечности и смертности. Концепции, такие как технологическая сингулярность и коллективный разум, подразумевают возможность бесконечного существования человека или его разума в цифровой форме. Сингулярность рассматривается как момент, когда технологии достигнут такого уровня, что они смогут значительно превзойти человеческий интеллект, возможно, в форме искусственного разума. Коллективный разум подразумевает, что люди смогут объединить свои знания и мысли в общую сеть, создавая единый сверхразум, который будет способен существовать и развиваться бесконечно. Эта последняя стадия эволюционистского императива предлагает увидеть будущее, где человечество выйдет за пределы своей биологической природы, создавая условия для непрерывного развития и достижения уровня существования, близкого к абсолютному знанию и бессмертию [3].

Схожесть и разница течений трансгуманизма и постгуманизма. Концепция постчеловека

Описанные выше стремления человека к бессмертию и улучшению и стали фундаментом для возникновения и развития течения трансгуманизма. М. В. Думинская характеризует его «...как самостоятельное философское и интеллектуальное движение», которое «подчёркивает ценность современных научно-технических усовершенствований в качественном улучшении родовой природы человека» [4, с. 33]. Схожую концепцию представляет собой и постгуманизм, однако данные дефиниции, по нашему мнению, нуждаются в точном разграничении. Результат анализа исследования А. С. Белобрагиной и В. Г. Недорезова показал, что постгуманизм – это философское направление, развивающее идеи отказа от антропоцентризма и дуалистических подходов, рассматривающее человека как равного среди других форм существования и явлений. Философия постгуманизма направлена на децентрализацию человека и преодоление иерархий между людьми, животными, растениями и технологиями. Этот подход появился как реакция на антропоцен – эпоху, в которой человеческая деятельность оказывает значительное воздействие на природу, вызывая экологические и социальные проблемы. Основные идеи постгуманизма связаны с философией медиации, предполагающей отказ от конфронтации и принятие интеграции человечества с «нечеловеческими» агентами, включая животных, технологии и даже неживую материю. Общими чертами постгуманизма и трансгуманизма являются критика антропоцентризма и стремление к изменению традиционного понимания человеческой сущности. Постгуманизм и трансгуманизм ориентируются на технические достижения, такие как NBIC-конвергентные технологии (нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и когнитивные науки), которые, по их мнению, могут расширить возможности человека и даже устранить его

биологические ограничения. Оба направления также подвергают сомнению традиционные гуманистические ценности и считают, что современные технологии способны пересмотреть роль и положение человека в мире. Главное отличие постгуманизма от трансгуманизма заключается в восприятии ценности человека. Трансгуманизм предполагает, что человечество должно преодолеть свои биологические ограничения через технологическое улучшение и создать «постчеловека», т. е. усовершенствованную форму. В то же время постгуманизм отказывается от идеи превосходства человека и его «уникальности», признавая его равенство с другими формами жизни и объектами природы. В постгуманизме человек рассматривается не как «венец творения», а как одна из форм бытия, не имеющая привилегий [5; 6].

Постчеловек выступает результатом стремлений трансгуманистического подхода. Сущность постчеловека является предметом споров и по сей день, потому как прецедента нет. В то же время концепция отражена в трудах последних лет. Одним из таких выступает исследование Л. Г. Черемных. Результаты анализа её тезисов показали, что постчеловек рассматривается как гипотетический этап эволюции *Homo sapiens*, выходящий за пределы биологических и социальных ограничений. В отличие от традиционного человека, постчеловек может существовать не только в биологическом теле, но и в искусственных формах, как мы ранее упоминали, к примеру: в цифровом сознании или в виде кибернетического тела. Это существо обладает расширенными возможностями, такими как контроль над эмоциями, более высокий уровень осознанности и устойчивость к стрессам и усталости, что поднимает вопрос о новой онтологии – модели бытия, где человек может свободно управлять своей природой. Ключевым аспектом дискуссий о постчеловеке является вопрос преемственности между традиционным человеком и постчеловеком. Некоторые философы настаивают на том, что постчеловек должен сохранять черты человека, быть его продол-

жением с сохранением базовых ценностей, таких как истина, красота, справедливость, добра. Другие утверждают, что постчеловек представляет собой новое существо, в корне отличающееся от нас не только анатомически, но и психологически, а значит, и по мотивациям. Здесь встаёт вопрос, сохранятся ли человеческие стремления и переживания в мире, где биологическая телесность утрачивает актуальность, а эмоции и желания могут модифицироваться? Нами предполагается, что такие радикальные изменения требуют не только переосмысления антропологических основ, но и глубокого философского анализа социальных и этических последствий. Становление постчеловека может затронуть весь социальный порядок, ведущие моральные принципы и структуры власти, поскольку в обществе автономных индивидов, не связанных инстинктами, привычные формы контроля и управления могут утратить смысл. Постчеловеческий социум, в свою очередь, видится многим философам как самоорганизующаяся система, в которой индивиды достигли внутренней свободы и не нуждаются в иерархии. Такой взгляд отражает оптимистичную сторону концепции «постчеловека», представляя её как возможность преодоления витальных ограничений, однако сохраняется опасение утраты фундаментальных аспектов человечности [7].

Современные технологии, выступающие в качестве инструментов реализации концепции трансгуманизма, и вызовы, которые они приносят

«Жизнь в “новую эпоху”, как прогнозируют учёные, будет соединять интерфейс человеческого мозга и машины» [8, с. 46]. Однако это не единственная концепция, на которую опирается течение трансгуманизма. Современный уровень развития технологий предлагает обширное поле для реализации целей трансгуманизма: 1) технологии продления жизни (к примеру: выращивание стволовых клеток, клонирование и крионирование) направлены на борьбу со старением и достижение бессмертия; 2) репродуктивные технологии (к примеру: генное проектиро-

вание и эктогенез) позволяют менять подход к человеческому воспроизводству, создавая «идеального человека»; 3) биотехнологии и киборгизация расширяют возможности человеческого тела и разума, охватывая биопротезирование и нейропротезирование; 4) информационные технологии (к примеру: искусственный интеллект и загрузка сознания в цифровое пространство) приближают человека к состоянию постчеловека; 5) робототехника и нанотехнологии развивают молекулярные ассемблеры и кибернетические системы для автоматизации производства; 6) нейрофармакологические технологии дают возможность изменять эмоции и поведение, управляя психическим состоянием человека.

Представленные технологии не применяются на данный момент в полной мере в силу особенности законодательства большинства стран, скептически относящихся к подобным ухищрениям. Ограничением также выступают и недостаточная апробация, и отсутствие понимания эффективности и возможностей таких внедрений в человеческую сущность. Главные риски – социальные. Доступ к технологиям продления жизни и улучшения тела может привести к появлению привилегированной «бессмертной» элиты и усилению социального расслоения, где часть людей получают доступ к бессмертию и улучшениям, в то время как другие останутся в уязвимом положении. Это угрожает разделением людей на «улучшенных» и «обычных», что создаёт основу для возникновения новых классовых или даже биологических различий. В обществе, где люди могут жить почти вечно, могут исчезнуть институты брака и семьи, т. к. репродуктивная функция станет менее значимой, а эктогенез и клонирование полностью изменят понятие о родительстве. Трансгуманизм также предполагает интеграцию человека с искусственным интеллектом и киберсистемами, что создаёт опасность утраты конфиденциальности и контроля над личной информацией, т. к. продвинутые технологии могут позволить манипулировать сознанием и поведением людей, особенно если доступ к таким возможностям получают корпорации или прави-

тельственные структуры. В зоне риска превалируют и культурные нормы, которые могут подвергнуться разрушению, если люди начнут массово изменять свои тела и сознание, что приведёт к исчезновению традиционных представлений о человеке и его роли в обществе. Всё это может вызвать сопротивление консервативных и продвинутых движений, что в дальнейшем, как показывает историческая практика, приведёт к гражданской или даже мировой войне [9].

Заключение

«Несмотря на это, общество не может отказать от риска» [10, с. 2]. Причин тому много. Это и человеческое стремление к самосовершенствованию, жадность, а также конкурирование мировых держав в производстве качественного человеческого ресурса, способного эффективно выполнять и решать больше поставленных на них задач, принося экономический «профит». Для контроля идей трансгуманизма рекомендуется осуществлять его регулирование через множество мер, обеспечивающих как защиту общества от потенциальных рисков, так и возможность безопасного внедрения технологий. Нами были рассмотрены и предлагаются ряд аспектов возможного регулирования, где, во-первых, требуется усиленное внимание к биоэтическим вопросам: важно применять принцип предосторожности, привлекать к обсуждению рисков не только учёных, но и представителей широкой общественности, чтобы избегать непредвиденных последствий от

внедрения технологий улучшения человека. Во-вторых, учёные обязаны тщательно анализировать влияние технологий на человека, уделяя внимание культурным, социальным и биологическим аспектам. В-третьих, создание и постоянное совершенствование международных правовых норм поможет контролировать внедрение таких технологий и избежать негативного воздействия на общественные структуры и ценности. Помимо этого, важным аспектом является также формирование философской оппозиции трансгуманизму, подчёркивающей угрозу дегуманизации, возникающую при замене человеческих качеств машинными, и защиты гуманистических идеалов как основы человеческого общества. Консервативные философские позиции способны смягчить технократическое влияние на социум и поддержать сохранение человеческой сущности.

Таким образом, подходы к изменению сущности, которые предлагает трансгуманизм, с учётом современного стремительного развития технологий уже не являются фантастикой. Рано или поздно запреты на опыты могут быть смягчены или даже вовсе сняты, если мировое сообщество решит, что это должно быть единственным верным вектором дальнейшего развития человечества. Предложенные рекомендации могут смягчить последствия таких решений. Будущие исследования должны быть посвящены изучению законодательств развитых стран по отношению к концепции трансгуманизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Е. М., Шимельфениг О. В. Трансгуманизм и проблема бессмертия // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 1-1. С. 104–122. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-104-122
2. Черемных Л. Г., Губанов Н. Н. Умеренный и радикальный трансгуманизм // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 112–121. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-112-121
3. Никитин С. С. Идеология трансгуманизма и её научное обеспечение: возможности и пределы развития // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 1 (13). С. 10–22. DOI 10.47132/2541-9587_2022_1_10
4. Думинская М. В., Миллер В. И. Секулярный гуманизм и трансгуманизм есть утопии современного общества? // Общество: философия, история, культура. 2023. № 4 (108). С. 30–35. DOI: 10.24158/fik.2023.4.3
5. Белобрагина А. С. Трансгуманизм и постгуманизм: два пути навстречу постчеловеку // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 136–143. DOI: 10.24151/2409-1073-2023-3-136-143

6. Недорезов В. Г., Писарчик Л. Ю., Стрелец Ю. Ш. Трансгуманизм и постгуманизм: планы расчеловечивания // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 2. С. 93–108. DOI: 10.25198/2077-7175-2024-2-93
7. Черемных Л. Г., Губанов Н. Н. Концепт постчеловека в современном философском дискурсе [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник: [сайт]. 2023. № 1 (99). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/820.html> (дата обращения: 10.05.2024). DOI: 10.18698/2306-8477-2023-1-820
8. Щавлева А. С. Трансформация идей трансгуманизма в современном гуманитарном дискурсе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 1 (105). С. 44–52. DOI: 10.24412/1997-0803-2022-1105-44-52
9. Чернышева А. В., Сахаров М. А. Трансгуманизм: потенциальная утопия или социальный коллапс? [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник: [сайт]. 2024. № 3 (107). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/gikrtw/hidden/914.html> (дата обращения: 10.05.2024). DOI: 10.18698/2306-8477-2024-3-914
10. Черемных Л. Г., Губанов Н. Н. Возможные риски трансгуманистических преобразований природы человека [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник: [сайт]. 2023. № 3 (101). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/849.html> (дата обращения: 10.05.2024). DOI: 10.18698/2306-8477-2023-3-849

REFERENCES

1. Ivanov, E. M. & Shimelfenig, O. V. (2020). Transhumanism and the Problem of Immortality. In: *Ideas and Ideals*, 12 (1–1), 104–122. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-104-122 (in Russ.).
2. Cheremnykh, L. G. & Gubanov, N. N. (2023). Moderate and Radical Transhumanism. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 112–121. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-112-121 (in Russ.).
3. Nikitin, S. S. (2022). The ideology of transhumanism and its scientific support: possibilities and limits of development. In: *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 1 (13), 10–22. DOI: 10.47132/2541-9587_2022_1_10 (in Russ.).
4. Duminskaya, M. V. & Miller, V. I. (2023) Are secular humanism and transhumanism utopias of modern society? In: *Society: philosophy, history, culture*, 4 (108), 30–35. DOI: 10.24158/fik.2023.4.3 (in Russ.).
5. Belobragina, A. S. (2023). Two Ways Towards Posthuman. In: *Economic and Social Research*, 3 (39), 136–143. DOI: 10.24151/2409-1073-2023-3-136-143 (in Russ.).
6. Nedorezov, V. G., Pisarchik, L. Yu. & Strelets, Yu. Sh. Transhumanism and Posthumanism: Dehumanization Plans. In: *Intellect. Innovations. Investments*, 2, 93–108. DOI: 10.25198/2077-7175-2024-2-93 (in Russ.).
7. Cheremnykh, L. G. & Gubanov, N. N. (2023). The Concept of Posthuman in Modern Philosophical Discourse. In: *Humanitarian Bulletin*, 1 (99). Available at: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/820.html> (accessed: 10.05.2024). DOI: 10.18698/2306-8477-2023-1-820 (in Russ.).
8. Shchavleva, A. S. (2022). Transformation of the Ideas of Transhumanism in the Modern Humanitarian Discourse. In: *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 1 (105), 44–52. DOI: 10.24412/1997-0803-2022-1105-44-52 (in Russ.).
9. Chernysheva, A. V. & Sakharov, M. A. Transhumanism: Potential Utopia or Social Collapse? In: *Humanitarian Bulletin*, 2024, 3 (107). Available at: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/gikrtw/hidden/914.html> (accessed: 10.05.2024). DOI: 10.18698/2306-8477-2024-3-914 (in Russ.).
10. Cheremnykh, L. G. & Gubanov, N. N. (2023). Possible Risks of Transhumanist Transformations in the Human Nature. In: *Humanitarian Bulletin*, 3 (101). Available at: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/849.html> (accessed: 10.05.2024). DOI: 10.18698/2306-8477-2023-3-849 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровая Елена Владимировна (г. Москва) – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: V89257662491@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Iarovaia – (Moscow) Postgraduate Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: v89257662491@gmail.com



СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2025. № 1

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик Ю. А. Назарова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.philosmgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 6,75, уч.-изд. л. 9.

Подписано в печать: 26.03.2025 г. Дата выхода в свет: 28.03.2025 г. Заказ № 2025/03-07.

Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А